

Юлия Фирсанова

Божественная дипломатия

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Юлия А. Фирсанова
Божественная дипломатия
Серия «Джокеры – Карты Творца», книга 7

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946205
Божественная дипломатия: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1266-2

Аннотация

Миром правит любовь! Во всяком случае, в королевском замке Лоуланда, если так угодно богам. Какие бы планы не строило посольство из далекого Жиотоважа, оно неизбежно будет вовлечено в романтическую круговерть. И пока гости разбираются в своих сердечных склонностях, очарованные прекрасными принцами и принцессой Элией, те постараются выяснить истинную причину визита. А из-за чего все дипломатические увертки? Все дело в давней истории с кражей священного камня и осквернением храма, в которой был замешан принц Джей!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	58
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Юлия Фирсанова

Божественная дипломатия

Глава 1

О плохих вестях и обязанностях

Гибкая фигурка девчушки-подростка лет двенадцати на вид возникла в дверном проеме малой гостиной третьего этажа замка Лоуленда. Привычным жестом засунув за острое эльфийское ушко вьющуюся прядь рыжевато-каштановых волос, выбившихся из длинной толстой косы, девчушка оглядела комнату любопытными карими глазами.

В лучах утреннего света, льющихся сквозь прозрачный тюль, золотистая гостиная казалась еще более теплой и уютной: стены, обитые желтой тканью с набивным рисунком из мелких букетов полевых трав соломенного цвета, ковер на полу, напоминающий густой янтарь, мебель и паркет из дерева с явным шафрановым отливом, кресла и диваны, ткань которых на два тона темнее стен.

Здесь хорошо было бы посидеть на диванчике, листая книгу со сказками, иллюстрированную подвижными картинками, и лопаая орешки в меду, но сейчас Бэль думала не о мирных забавах, она кое-кого искала. Почти мгновенно обнаружив «потерю» по подозрительному блеску стекла на паркете, девчушка воскликнула, сморщив слегка вздернутый остренький носик:

– Дик, проказник, вот ты где! Ой, что ты делаешь?

Существо, идеально гармонировавшее с цветовой гаммой гостиной, более всего напоминало небольшой золотистый и неимоверно пушистый шарик на лапках. «Шарик» столкнулся с сервировочного столика очередной бокал, задумчиво послушал, с каким хрустальным звоном он разлетелся на искрящиеся в солнечном свете летнего утра осколки. Потом глянул на хозяйку огромными синими глазами и взмахнул длиннющими ресницами.

Редкостный дикати, или попросту Дик – совершенное существо для домашнего содержания, не требующее никакого особого ухода и никакой пищи, кроме чистой энергии света, имел одну небольшую слабость. Он обожал звон разбитого стекла, предпочтительно хрусталя, и тащил в свое укромное гнездышко, устроенное в большой плетеной корзинке рядом с постелью Бэль, самые красивые разноцветные осколки.

– Ох, Дик, ну что мне с тобой делать, – вздохнула принцесса, невольно копируя ворчание нянюшки, и тут же, заслышав в коридоре чьи-то приближающиеся шаги, scomандовала: – Бежим, пока нам не попало!

Схватив зверюшку в охапку, девчушка пулей вылетела из гостиной через вторую дверь, распахнутую в соседнюю комнату, только взметнулась колоколом длинная юбка синего платья. Но, прежде чем убежать достаточно далеко, Бэль еще успела услышать сдавленный вопль слуги, узревшего последствия игры крошки-дикати, самого безвредного и безобидного животного на свете.

Нрэн, купивший сестренке зверька шесть лет назад, очень скоро, увидев осколки своего любимого белого сервиза с золотой росписью, совершенно точно убедился в том, что ему осмелились подсунуть бракованный экземпляр дикати. Но обменять его на другой, качественный, так и не смог. Не желая расставаться с любимцем, Бэль закатила дикий скандал с громким ревом, и «бракованного» малыша с преступными наклонностями и родословной более длинной и куда более пышной, чем у всей королевской семьи Лоуленда, пришлось оставить. Так принцесса обрела еще одного товарища для игр и проказ.

Поняв, что гроза миновала и слуга не пустился в погоню за бедокурами, желтый пушистый комочек выбрался из рук принцессы и, вскарабкавшись ей на плечо, начал что-то тихо мурлыкать хозяйке на ушко, щекоча шею мягкой шерсткой. Глаза дикати из фанатично-синих стали умиротворенно-зелеными, как у Лейма в добром расположении духа.

– Чем бы заняться? – пробираясь по коридору, начала вслух размышлять Бэль, советуясь с Диком. – Может, пойдем погуляем в Садах?

– А может, заглянете на урок законовещения, ваше высочество? – послышался над ухом ироничный голос лорда Дайвела, штатного учителя королевской семьи Лоуленда. И цепкая рука мужчины опустилась на худенькое плечико девчушки, заблаговременно пресекая всякую возможность побега. С лукавым прищуром дворянин взирал на принцессу.

Бэль подняла скорбный взгляд на учителя и, скорчив несчастную мину, печально кивнула. Сегодня хитрый лорд Дайвел переиграл ее, значит, в следующий раз нужно будет спрятаться получше. Ах, если бы не пришлось разыскивать Дика!

Девчушка не видела никакого толка в том, чтобы сидеть несколько часов на одном месте и пытаться запомнить то, что сочинили одни люди, чтобы запутать других, и в чем теперь надлежало плутать ей. Вот Бэль и старалась по мере сил и возможностей избегать нудных уроков, подобных законовещению, хотя сам лорд Дайвел, сухощавый мужчина с вечно ироничным прищуром и кривоватой улыбкой, ей нравился. Чем-то он напоминал девочке брата Джея. Но все равно, куда больше, чем законовещение, принцесса любила музыку и литературу.

В свою очередь лорд Дайвел совершенно точно сознавал, что его маленькая ученица, в отличие от большинства членов королевской семьи Лоуленда, которых ему доводилось учить, не испытывает никакого интеллектуального удовольствия от уроков законовещения. Бэль безнадежно путалась в дебрях законов и многочисленных поправках, дополнениях, распоряжениях, постановлениях и приказах. Но долг учителя и внушительная зарплата, выплачиваемая из королевской казны, не оставляли мужчине иного выхода, кроме как попытаться вложить в хорошенькую головку избалованной многочисленной родней мягкосердечной девчушки хотя бы элементарные представления об основных законах государства, их смысле и значении.

Пока Бэль только конвоировали на урок, в одной из комнат замка уже кипела напряженная работа. Король Лимбер доблестно сражался с горой бумаг, накопившихся за два выходных дня, которые он себе позволил, чтобы устроить экскурсию по новому кварталу борделей, открывшемуся в столице развлечений, мире Альфорс. И теперь его величество ждали пять массивных папок с документами, требующими визы короля. Папки были набиты так плотно, что едва закрывались. Пока монарх добрался лишь до середины первой, несмотря на то, что работал с почти механической скоростью. В несколько секунд Лимбер охватывал глазами содержание очередного документа, подписывал его или четким убористым почерком накладывал свою высочайшую резолюцию, на основании которой строили свою работу другие службы.

На третьей бумаге, если считать от конца первой папки, в дверь кабинета резко постучали, и внутрь быстро просочился сухопарый мужчина с очень настороженным выражением лица, в траурно-темном сером камзоле, расшитом жемчугом. В руках у него было несколько бумаг.

– Чего тебе? – недобро нахмурился король Лимбер при виде одного из своих секретарей. То, что Гермит осмелился потревожить его во время работы (на это мало кто отваживался), должно было означать лишь одно: появилось нечто важное, требующее немедленного внимания его величества. Лимбер уже предчувствовал, что это «нечто» придется ему не по вкусу.

Секретарь тоже прекрасно это понимал. Но понимал он также и то, что известие у него слишком странное и важное для того, чтобы считаться с дурным настроением короля.

– Послание, доставленное телепортом из Жиотоважа – Мира Грани. Правление Трех варов запрашивает разрешения на визит полного посольства в Лоулэнд. Впервые за всю историю существования их государства.

Лицо Лимбера осталось непроницаемым, но во рту мужчина почувствовал вкус уксуса и властно протянул руку за бумагами. Дурные предчувствия начинали оправдываться.

Секретарь приблизился и с поклоном протянул документы королю. Тот быстро проглядел их и бросил:

– Приготовь официальное приглашение за моей подписью. Мы ждем их через пять дней, пусть воспользуются южным телепортом.

– Осмелюсь спросить, ваше величество, кому будет поручена подготовка встречи? – вежливо поинтересовался секретарь, ничем не выдавая удивления от столь стремительного положительного решения монарха, ненавидевшего посольства всей душой.

– Принцу Мелиору, – процедил король и жестом приказал секретарю удалиться.

Гермит тут же исчез за дверью, а Лимбер позволил себе нахмуриться и задумчиво побарабанить по столу пальцами. Прошло уже шесть лет с того времени, как в руки лоулэнцев попала информация по Жиотоважу, извлеченная из маскарадного костюма «вероломно» убитого и дочиста ограбленного посла и шпиона по совместительству Тарака Ро’дольски из Чалнура. Король начал успокаиваться, считая, что единственный сведущий в этом щекотливом деле тип унес свои знания в следующую инкарнацию.

Но вот теперь объявилось это проклятое полное посольство (полное – значит орава ртов тридцать, не меньше), и нужно было снова гадать, а не связан ли предстоящий визит жиотоважцев с «небольшим недоразумением», случившимся шесть лет назад в священном храме Великого и Благостного Кристалла Авитрегона. По сведениям Тарака, тогда ночью исчез с алтаря сам Кристалл, а три жрицы-хранительницы, посвященные Великому и Благостному, стали жертвами неизвестного насильника, причем младшей из жриц едва минуло десять лет. В результате этих трагических событий Мир Грани Жиотоваж утратил Источник Силы, делавший его принадлежащим Мэссленду, и после проявления иного спящего Источника фактически попал под юрисдикцию Лоулэнда.

Итак, что бы ни означало намерение Жиотоважа побывать с посольством в Мире Узла – Лоулэнде, лучше было им не отказывать, и для Лимбера это значило только одно: жди суматохи, проблем и сомнений, ну а дабы мучиться не одному, его величество сплел заклинание связи и мрачно буркнул:

– Иди сюда, пора заняться делом.

Красавец-блондин в элегантном черном костюме, расшитом жемчугом и сапфирами, и в бледно-голубой сорочке чуть светлее голубых глаз, задумчиво крутивший в пальцах статуэтку из сердолика в виде трех встающих на дыбы коней, чуть поморщился, давая понять, что недоволен тем, как его бесцеремонно прервали. Медленно поставив произведение искусства на прилавок полутемного антикварного магазинчика, мужчина надменно сказал приказчику:

– Оставьте вещь для меня, любезнейший. Я найду позднее, и мы поговорим о цене этой безделицы.

– Да, господин, – с глубоким уважительным поклоном ответил продавец, но так и не понял, услышал ли его исчезнувший посетитель.

– Прекрасный день, отец. Какие государственные заботы потребовали моего присутствия? – поинтересовался Мелиор, присаживаясь в кресло без разрешения короля. Зная, что

нужен Лимберу, принц позволил себе эту маленькую месть за прерванный вояж, предпринятый для очередного пополнения любимой Коллекции Всех Миров.

– Сейчас вызову Энтиора, Элию и все объясню. Я не намерен упражняться в риторике трижды, – фыркнуло его величество, плетя очередное заклинание связи и одновременно продолжая штудировать документы. Король уже перешел ко второй папке.

Принц Энтиор находился в мансарде грандского замка. Тихо мурлыча себе под нос какую-то охотничью балладу, он занимался искусством, причем искусством в понимании всех ценителей, а не только знатоков художественных пыток.

Вампир, одетый с вопиющим нарушением этикета лишь в свободную блузу, темные брюки и мягкие мокасины из оленьей кожи, выкладывал мозаичное панно. Идиллические очертания чистейшего лесного озера и силуэт прекрасного единорога, пришедшего на водопой, уже готовились обрести окончательные черты. Запуская гибкие холеные пальцы с острыми ногтями в ящички с разноцветными многогранными плиточками, посаженными на крохотные шипы, мужчина доставал кусочки камней нужного оттенка и втыкал их в плотную текстуру холста, натянутого на раму.

– Кончай играть, Энтиор, – слова Лимбера грубо нарушили творческий процесс и вырвали вампира из вдохновенного состояния. – Ты мне нужен.

– Ах, отец, вы ничего не понимаете в ситрасиль, – сдержав приступ бешенства, снисходительно ответил принц и тяжело вздохнул, показывая, какую великую жертву приносит, отрываясь от творчества. Театральный вздох сопровождался нежным стуком нескольких плиточек, выпавших из разжавшихся пальцев вампира назад в ящички.

Воспользовавшись для переодевания вульгарным заклинанием, мужчина перенесся в кабинет короля облаченным в элегантные одежды своих избранных цветов: черное с бирюзой. Конечно, Энтиор предпочел бы облачиться с помощью слуг, затратив на излюбленный процесс выбора туалета не меньше часа, но что-то подсказывало вампиру, что столько его величество ждать не будет.

– Куда уж мне, старому козлу, – употребив один из любимых Энтиором эпитетов, которые вампир мысленно так заботливо подбирал для любимого папочки, огрызнулся король и наложил очередную отрицательную резолюцию на очередное ходатайство очередного объединения сырых и убогих, как всегда, просившего денег.

Принц вздрогнул про себя, но на его лице не отразилось ничего, кроме глубочайшего внимания и столь же глубокого почтения. Он словно говорил всем своим видом: «Если тебе, обожаемый родитель, захотелось назвать себя старым козлом, то кто я такой, чтобы возражать». Впрочем, Лимбер, не желая продолжать старую игру в двусмысленные вопросы, взгляды и жесты, хмыкнул и занялся заклинанием связи для призыва дочери.

Вот только заклинание вместо ожидаемого изображения прекрасной принцессы, развернувшись в хмуро-серый экран, пошло полосами и лопнуло, как мыльный пузырь, чувствительно шмякнув Лимбера магическим разрядом тока вольт эдак на триста. Король отбросил ручку и выругался сквозь зубы, проклиная талантливую дочурку, поставившую хитроумную защиту от вызова, черпавшую силу для отражения заклинания у самого вызывающего. Густые черные волосы монарха, ласкать которые мечтали многие женщины и при надлежащем упорстве каждая из них, если конечно не числилась в записных уродинах, могла добиться такой привилегии, встали дыбом и начали слегка потрескивать от избытка статического электричества. Лимбер попытался пригладить пострадавшую шевелюру обеими руками, и через некоторое время упрямые волосы сменили-таки «позицию», но от прежней прически не осталось и следа.

– Вероятно, Элия отдыхает и не желает, чтобы ее беспокоили, – с невинно-вежливой улыбкой заметил Мелиор, тихо радуясь тому, что за столь бесцеремонное нарушение планов детей папе попало хотя бы от принцессы.

– Да, она сейчас в мире Эйта, – изящно поведя рукой, проинформировал собравшихся гордый своей осведомленностью Энтиор и спрятал издевательскую улыбку.

– Тогда понятно, почему сестра застраховала себя от звонков, – согласился Мелиор, уважая право богини на уединение и досадуя на себя за то, что по природной лени защититься подобным образом не удосужился. С другой стороны, заклинания отражения он плел не столь мастерски, как принцесса, и, пробив его защиту, разгневанный король вполне мог накостылять сыну за подобные фокусы. Почему-то сына Лимбер не любил столь нежно, как дочь, которой прощалось многое из того, что никогда не простилось бы отпрыскам мужского пола.

– Даю вам двадцать минут на то, чтобы побывать на Эйте и привести Элию сюда. Шевелите задницами, лодыри! Время пошло, – скомандовал король, демонстративно бросив взгляд на массивные золотые наручные часы, инкрустированные сапфирами и алмазами.

– Но, папа... – привстав и умоляюще протянув руки к родителю, начал было возражать Мелиор, воображая себе бурю гнева, которая обрушится на головы братьев, осмелившихся потревожить богиню в ее потаенном раю.

– Быстро! – грозные тучи сгустились в кабинете, король сдвинул смоляные брови, его глаза полыхнули синим огнем.

Поняв, что его величество шутить не склонен, боги не стали дожидаться, пока он, стукнув кулаком по столу, перейдет к физической расправе над нерасторопными и прекословящими членами семьи. Принцы поспешно, без своей обычной летящей грации, вскочили и скрылись за дверь, все еще чуя лопатками обжигающе грозный взгляд владыки. «Видно, и правда стряслось что-то серьезное!» – решили они.

Миновав приемную и отойдя достаточно далеко по коридору, чтобы их не слышали стража и носящиеся, как молчаливые кометы, секретари Лимбера (даже Энтиор сомневался, что сможет выжать из этих стойков нужную информацию раньше чем после трех дней высокохудожественной пытки), принцы остановились, чтобы обсудить катастрофическую ситуацию.

– Ничего не поделаешь, нужно идти, – вздохнул вампир и встал, облокотившись на подоконник у раскрытого стрельчатого окна. Даже сейчас озабоченный принц стоял так, чтобы любой проходящий по коридору мог восхититься его небрежно-элегантной позой и точеным хищным профилем.

Мелиор, пристроившись рядом в не менее изысканной позе, вздохнул в ответ и с печалью согласился:

– О да, но мне даже представить страшно, как разгневет Элию бесцеремонное вторжение на Эйт двух незваных гостей. Для кое-кого, вероятно, будет сделано исключение, сестра благоволит к тебе более, чем к любому из родичей, пожалуй, за исключением Лейма. Посердится, но простит. А вот я никогда не входил в число ее фаворитов и сейчас гадаю, не лучше ли мне было стерпеть ярость отца, чем сердить Элию своим визитом. Что может быть страшнее проклятий богини любви?

– Нам приказали, – с показным сочувствием напомнил Энтиор.

– Нам велели привести Элию в Лоулэнд, а уж каким образом мы сделаем это, отцу нет никакого дела, – поняв, что задарма спасать его вампир не собирается, а времени для обходных маневров уже нет, Мелиор наступил на горло привычной дипломатической извращенности в общении и прямо заявил: – Так что, мы могли бы договориться и разделить обязанности.

– Например? – промурлыкал Энтиор, щелчком пальцев взбивая кружево манжет рубашки. Не то чтобы он был в плохих отношениях с Мелиором или обижался на него в данный момент (скорее напротив, они отлично ладили), просто принц по природе своей не мог не использовать счастливый шанс, чтобы обернуть сложившуюся ситуацию себе на пользу.

– Пока ты уговариваешь Элию посетить соскучившегося папочку, я мог бы поискать в своей коллекции какую-нибудь безделицу, которая придется тебе по нраву, – без привычных обиняков ответил принц, задумчиво выводя пальцем замысловатую вязь на деревянной поверхности подоконника, в которой глаз знатока мог бы опознать пожелание телесной немощи королю Лимберу на одном из вариантов староэльфийского.

– Какую? – проявил некоторую заинтересованность довольный вампир. Он-то, в отличие от начавшего нервничать брата, никуда не торопился, ибо течение времени Эйта несколько отличалось от Лоулендского. За час времени в Мире Узла там проходило около трех часов. Но сообщать об этом Мелиору Энтиор не спешил.

– «Смертельную страсть» Сандро Маркальбо, – с тяжелым вздохом отозвался принц. К проклятиям, выходящим из-под его пальца и адресованным Лимберу, начали приплетаться витиеватые оскорбления в адрес клыкастых ублюдков.

На названную Мелиором картину вампир давно положил глаз. Энтиора пленяла мрачная чувственная эстетика произведения Сандро Маркальбо – одного из самых выдающихся художников сумрачного мира Виатеральо, где уже несколько столетий шла борьба между людьми и темными народами. Картины же Сандро, их мрачный эротизм, совершенно не вписывались в каноны непримиримой войны с Силами Тьмы, и несчастный гений, как водится, попал в руки инквизиции. Серьезные парни в рясах не стали тратить много времени на получение признания о сотрудничестве со Злом, художника постарались убрать как можно тише и незаметнее, чтобы почитатели Сандро не успели его спасти. На сей раз желание уничтожить поклонника Тьмы возоблададо у церковников над страстью к публичным процессам.

Не дожив до тридцати трех лет, Маркальбо в самом расцвете творческих сил закончил свою жизнь на костре из собственных картин. Но часть его произведений уцелела, их спасли истинные ценители искусства, которые есть среди любых рас. Мелиору, когда он гостил в Виатеральо у знакомых демонов, случайно попалось на глаза одно произведение покойного художника, и принц приложил все усилия, чтобы собрать полную коллекцию сохранившихся шедевров Сандро.

Картина «Смертельная страсть», так понравившаяся с первого взгляда Энтиору, изображала прекрасную вампиршу, склонившуюся, чтобы подарить поцелуй мужчине, прикованному к пышному ложу. Этот, казалось бы, заурядный сюжет был проникнут такой силой страсти, таким безграничным чувственным экстазом, которые угадывались и в улыбке женщины, и в полузакрытых в ожидании смертельного блаженства глазах мужчины, в его откинутой голове, что картина казалась живой, дышащей, она создавала настроение. Кроме того, в женщине угадывалось некоторое сходство с принцессой Элией, а черты лица мужчины были так искусно смазаны, что на его месте всякий рассматривающий картину мог представить желаемый образ.

Стоит ли говорить, что Энтиор тут же пожелал, чтобы «Смертельная страсть» висела в его замке, но Мелиор заупрямился, он утверждал, что без этой жемчужины его коллекция будет неполной. Впрочем, добавил принц, брат может навещать его в любой момент и смотреть на картину сколько ему заблагорассудится. Конечно, вампира такое щедрое предложение не устроило.

– Благодарю, любезный брат, – ласково улыбнулся Энтиор и, слегка поклонившись, добавил: – Время столь быстротечно, мне придется поспешить, чтобы постараться доставить Элию к отцу вовремя.

– Не смею тебя задерживать. – Мелиор еще нашел в себе силы ответить шантажисту вежливой улыбкой. Принц хоть и был несколько раздосадован, но не обижался на брата, в подобной ситуации он и сам поступил бы точно так же, типично по-лоулендски. Кроме того, коллекционная ценность картины для самого обладателя не была столь уж велика, и бог заранее знал, что полотно может стать предметом какой-нибудь сделки с братом, оттого и придерживал его.

Вампир еще раз улыбнулся, показав кончики острых белоснежных клыков, и исчез. Он материализовался в мире Эйта, недалеко от замка принцессы. Энтиору уже доводилось пару раз бывать здесь, ибо он являлся одним из немногих родственников, удостоенных чести скрывать своим обществом уединение богини.

Принц очень ценил доверие и любовь сестры, своей стради, и бережно хранил в укромном уголке ледяного сердца время, проведенное на Эйте. Долгие пешие или конные прогулки по бескрайним равнинам или укромным уголкам древнего леса, полеты над морем или горами, пикники, беседы вечером у камина, подчас затягивающиеся до самого утра, купанье в горячих ключах, катание на лыжах... Эти дорогие воспоминания о счастливых днях мелькнули в сознании Энтиора, когда он вновь очутился в одном из любимых миров сестры. Но проблема была в том, что сейчас его сюда не звали, кроме того, неприятным сюрпризом стала царившая в мире Эйта суровая зима. Не подумавший об этом вампир явился в заснеженный край как был, в легком летнем камзоле. Пурга тут же наказала его за легкомыслие, обдав фонтаном снежных хлопьев с примесью острых как бритвы льдинок.

Сцепив зубы, Энтиор магическим жестом сменил одеяние на более подходящее: высокие сапоги, длинную замшевую куртку, подбитую густым мехом, черный плащ с капюшоном. Создав силовой заслон от ветра, принц, утопая по пояс в снегу, побрел к возвышавшимся неподалеку стенам замка. На ходу мужчина раздумывал о том, как ему проникнуть за внушительные стены, сложенные из громадных камней, сквозь не менее внушительные охранные заклинания, искусно составленные принцессой. Если Элия не желала, чтобы ее беспокоили, то умела защититься на совесть, тем более на Эйте, где ей всю помогали магические существа, поддерживающие порядок в большом замке.

К тому времени когда принц приблизился к практически сливающейся со стеной калитке рядом с высокими воротами, ему в голову взбрела только одна-единственная идея. Энтиор решил попробовать. В случае неудачи вампиру не осталось бы ничего иного, кроме как встать лагерем у стен и вопить что было сил о том, что стради желает видеть отец. Глядишь, к лету его бы и услышали.

Отрешившись от волнений и беспокойства, таких значимых сейчас для принца, но несущественных для иной его ипостаси, Энтиор призвал силу внутренней сути из глубин собственного «я». Рябь прошла по телу бога, полыхнула вспышка трансформирующей энергии. И вот уже у ворот нюхал снег гигантский черный барс, чью роскошную темную шкуру припорошивал снег.

Метель у стен замка бушевала не столь ярко, но защитный купол вампира при обращении в зверя исчез, и потому принц вновь отчетливо ощущал стихию. Нос зверя, как до этого и обоняние вампира-охотника, сквозь тысячи холодных запахов снега ловил запах жилья, дыма, изысканных яств и, самое главное, живого присутствия богини. Энтиор возликовал: «Она точно здесь!» Самым досадным было бы, преодолев все препятствия, обнаружить, что сестра уже покинула Эйт и скрылась где-нибудь в ином тайном месте.

Встряхнувшись, восхитительный зверь одним летящим прыжком преодолел расстояние до калитки и требовательно ткнул в нее мощной лапой. Оправдав его воспоминания и надежду, дверь бесшумно распахнулась. Восхищаясь своей находчивостью и умом, Энтиор, довольно рыкнув, проскользнул внутрь.

В несколько прыжков барс пересек внутренний двор замка, где пурга, усмиренная охранными чарами, уже не бесновалась, а легко кружила снежинки, и снова по-хозяйски небрежно ткнул лапой в одну из массивных створок входной двери. Она тут же распахнулась. Бог проник внутрь и понесся по замковым коридорам, радуясь тому, что все рассчитал верно.

Забываясь о своем домашнем зверьке – здоровенной аранийской пантере Диаду – Элия оставила в заклинаниях охраны небольшой зазор, дававший любимцу возможность приходить и уходить из замка в любое время, не беспокоя хозяйку, а также водить подружек и приятелей. Конечно, аранийцы на Эйте не обитали, но крупных зверей породы кошачьих с высоким уровнем разумности здесь было в избытке, и нахальный Диад быстро свел знакомство со многими представителями местной фауны. Он охотился, играл вместе с местными зверями и время от времени приглашал их к себе домой. Так что не раз и не два, возвращаясь с прогулок, богиня заставала у камина не одну черную тушу, а сразу несколько здоровущих зверюг с угрожающего вида клыками, разомлевших или резвящихся в тепле и уюте, словно котят. Благодаря тому что богиня считалась покровительницей кошек, к принцессе звери относились достаточно уважительно, кроме того, Диад внушал своим приятелям мысль, что в его стае старшая Элия, и ее надо слушаться. Что же касается чистоты в замке, заклинания восстановления и порядка поддерживали ее идеально, поэтому принцесса не возражала против общества зверей и избирательность заклинания допуска менять не собиралась. Воспользовавшись этим, Энтиор смог пробраться в замок, приняв свою оборотническую форму.

Теперь для вампира, все еще находившегося в облике барса, главным было поскорее разыскать принцессу. Он уже чувствовал энергию ее присутствия, но чувствовал как-то странно: не теплым лучом, как обычно, а скорее обжигающей, всесокрушающей волной. Списав это на особенности восприятия в животном облике, Энтиор продолжил путь туда, куда его вели чутье и инстинкт.

Большая черная кошка мягко, совершенно неслышно, едва касаясь лапами густого ворса ковра, неслась по первому этажу замка. Единственной трудностью было подавить первый инстинктивный порыв и не останавливаться, чтобы выкусить снег, набившийся между подушечками лап. Барс миновал пустынный холл и свернул направо, следуя глубинному чутью силы.

«Скорее всего Элия в кабинете-библиотеке», – решил Энтиор и, поддев тяжелую дверь в помещение, убедился в своей правоте. Вдоль стен стояли высокие стеллажи, заполненные книгами, в нескольких каминах горел огонь. Под потолком сияли светильники, дававшие достаточно света, чтобы не раздвигать тяжелые шторы, отгораживающие уют внутренних помещений от пурги за окнами. Кроме пары кресел прямо посередине комнаты находились массивный стол, сейчас заваленный толстенными фолиантами, и столик поменьше, на котором лежала разлинованная тетрадь. По ее страницам сама по себе сновала ручка, выводя изящным каллиграфическим почерком под диктовку богини, левитировавшей над книгами у большого стола: «Сравнительный анализ различных переводов сто пятой страницы «Историй Миров Грани» показывает, что слово «танхум» должно трактоваться не в понятии конкретного Источника Силы, имеющего пространственные координаты, а как символ мощи и...»

Почувствовав чье-то присутствие, богиня резко прервала монолог и, развернувшись, впиалась взглядом в пришельца, осмелившегося нарушить ее уединение. Энтиор был не в силах пошевелиться, он чувствовал, как его обвивают мощные потоки силы богини. Ее лучистые, сияющие расплавленным серебром глаза, тонкие черты совершенного по красоте лица, изящный изгиб лебединой шеи полностью заморозили его. Принц чувствовал неистовое желание склониться перед великой богиней, вознести ей хвалу, стать ничем у ее колен, и в то же время иступленно, до ломоты в пока еще звериных клыках, жаждал полного обладания

Элией, ее кровью, телом, душой. Отстраненно, где-то на периферии сознания, вампир отметил, что никогда еще не испытывал в обществе стради столь неистовых и противоречивых эмоций. Но Элия тут же махнула рукой, и удар силы выбросил замершего на пороге принца назад в коридор. Захлопнулась дверь.

Барс рефлекторно попятился, отходя от опасного места, смял ковер, лапы расплзлись, он растянулся на паркете, встал и ошарашенно помотал головой, приходя в себя. Спустя минуту дверь распахнулась вновь. За ней, грозно нахмутив брови, стояла Элия. На принцессе была домашняя одежда: белая воздушно-кружевная блузка, уютные темно-синие бархатные брючки и легкие туфельки на маленьких каблучках. Но милый наряд нисколько не умалял сурового вида богини.

– Прекрасный день, дорогая, прости, что пришлось тебя побеспокоить. Хоть и не по своей воле я сделал это, – возвращаясь в облик мужчины, взмолился Энтиор и простер к сестре руки. Принц был готов заплакать оттого, что стради гневалась на него, и в то же время испытывал какое-то восторженное удовлетворение.

– ...– Первые выражения, слетевшие с уст богини, носили абсолютно непечатный характер, но жалобный взгляд вампира смягчил гнев принцессы. Она сердито поинтересовалась: – Тебе что, надоело пребывать в здравом уме, дорогой?

– Что ты имеешь в виду, стради? – непонимающе прошептал Энтиор, стоя перед сестрой, как кролик перед удавом, и наслаждаясь мелодичным звучанием строгого голоса.

– Я отдыхала, сняв блоки со своей силы. Иногда и мне необходимо расслабиться. Счастье, что ты сейчас способен не только на бессмысленный страстный лепет и лобызание моих ног. Должно быть, оборотническая форма смягчила воздействие, – мрачно ответила Элия, все еще изрядно злясь на брата.

– Лобызание ног? – мечтательно протянул вампир и попытался опуститься на колени перед принцессой.

Пресекая его порыв, богиня взяла брата за подбородок и, нахмурившись, внимательно всмотрелась в его ослепительно-бирюзовые глаза, проникая в самые глубины ледяной души принца. Тот стоял не шевелясь, млея от наслаждения, ведь острые ноготки принцессы впились в его кожу. Через несколько секунд Элия кивнула, будто в чем-то согласившись сама с собой, и резко провела прохладной рукой по разгоряченному лбу вампира. Энтиор несколько раз моргнул, словно очнувшись от бредового сна наяву, и, облегченно вздохнув, с нежной благодарностью поцеловал запястье сестры:

– Меня все-таки слегка зацепило, дорогая. Благодарю за помощь.

– Да, к счастью, лишь слегка, – согласно кивнула принцесса и жестом пригласила брата в кабинет.

Тот безропотно последовал за ней.

– Так в чем дело? – уже из кресла деловито поинтересовалась Элия.

– Сегодня утром отец вызвал меня и Мелиора, а также собирался пригласить тебя, чтобы сообщить нечто важное. Что именно, не знаю. Он не счел нужным даже коротко посвятить нас в проблему, пока не появишься ты, – доложил Энтиор, так и не присев. – Отец пытался с тобой связаться, но заработал лишь весьма чувствительный удар силы и новую оригинальную прическу, надеюсь, она не войдет в моду в Лоуленде. Ты бы видела его волосы! Словом, он приказал нам отыскать тебя любой ценой и пригласить для беседы. Папа был настроен очень серьезно, и возражать ему мы не решились. Ты пойдешь со мной, стради?

– Придется, – скорчила скорбную гримаску принцесса, тоскливо покосилась на толстые тома, возлежащие на столе, замершую в ожидании работы ручку и мысленно напомнила себе о необходимости внести некоторые коррективы в охранные чары замка.

Встав, богиня повернулась к самому большому камину и позвала:

– Диад!

Черные меховые одеяла на широкой кушетке неторопливо зашевелились, и из их груды выглянул кончик заспанной морды зверя. Пантера не спеша приоткрыла один бирюзовый глаз.

– Я ухожу в Лоуленд. Ты со мной? – спросила Элия.

Диад вальяжно зевнул, широко распахнув пасть, чтобы продемонстрировать длинные, острые, словно кинжалы, белоснежные клыки и алый бархат длинного языка. Потом пантера, демонстративно повернувшись к камину, улеглась снова, сделав вид, что мгновенно заснула. Ответ зверя был достаточно красноречив: «Ты можешь идти куда хочешь, хозяйка, а я остаюсь здесь, в тепле и покое».

– Что ж, дрыхни, лодырь, тебя папа не звал, – фыркнула принцесса, подавив проказливое желание подкрасться и дернуть высокомерного соню за хвост.

Через секунду замок опустел, а Диад так и не узнал о варварском желании госпожи нарушить его драгоценный покой.

Маленькая принцесса Мирабель, словно певчая птичка в клетке, томилась в кабинете на уроке законоведения. Она ерзала на стуле и разрисовывала поля тетради красивой ручкой, переливающейся сине-зелеными искорками (подарок Рика). Из-под пера Бэль выходили диковинные цветы и забавные мордочки зверьков, не имеющих ни малейшего отношения к теме урока. Заскучавший Дик прикорнул на пуфике по соседству и погрузился в сладкие сновидения со множеством разноцветных стеклышек. А лорд Дайвел лез из кожи вон, чтобы хоть чем-нибудь заинтересовать девчушку.

– Скажите, ваше высочество, как с точки зрения закона можно расценить ваше желание прогулять урок? – начал, максимально приблизившись к жизни, учитель.

– Я поступила нехорошо, – без малейшего раскаяния в голосе ответила девчушка, продолжая рисовать.

– Да, это был просто маленький нехороший поступок. А что, по-вашему, можно назвать преступлением?

– Это когда кто-то совершает что-нибудь очень нехорошее, за что его обязательно нужно сильно наказать, – поразмыслив, серьезно сказала принцесса.

– Правильно, – согласился с этим вольным определением лорд Дайвел и привел свое, более официальное определение: – Преступление – это нарушающее законы общественно-опасное деяние, с умыслом или по неосторожности совершенное вменяемым существом или же сущностью, подлежащим ответственности, посредством физических, магических, ментальных и иных действий. Согласно лоулендским законам, общественно-опасными или, иначе, противоправными деяниями считаются действия, которые любым путем посягают на общественный или государственный строй, собственность, физическую целостность, силу, магические таланты, структуру души, права граждан и приравненных к ним существ...

Бэль подняла на учителя недоумевающий взгляд, словно говоря: «Что, я все это сказала?»

Лорд Дайвел сбавил обороты и продолжил в самом примитивном из доступных ему стилей:

– Преступления различаются по степени опасности: к легкой можно отнести – кражу, разбой – к средней, а убийство или изнасилование – к тяжелой. И в зависимости от опасности преступления выносятся приговор и назначается наказание...

– Что такое изнасилование? – поинтересовалась Бэль, услышав незнакомое слово, и впервые за все время урока оторвала взгляд от цветочков на полях.

Учитель изумленно поперхнулся и подозрительно уставился на принцессу. Бэль все еще оставалась настоящей проказницей, но ее шутки не были злы и никогда она не стремилась загнать учителя в словесную ловушку и выставить его дураком, как некая остроумная сероглазая красавица около пятидесяти лет назад. Значит, и сейчас девчушка спрашивала не затем, чтобы посмеяться над Дайвелом. Она просто хотела получить ответ на свой вопрос. И это, с одной стороны, было действительно элементарно, а с другой, если принцессу до сих пор никто не просветил по столь щекотливому поводу, значило ли, что ему, Дайвелу, следовало это сделать? И не получит ли он разноса от непредсказуемой королевской семейки за свою лекцию? «Нет уж, лучше промолчать», – в конце концов решил осторожный учитель и как можно более обтекаемо ответил Бэль:

– Это когда мужчина против воли женщины делает то, чего она не хочет, и причиняет ей боль.

– А, – глубокомысленно кивнула девчушка и вновь погрузилась в рисование. На сей раз с натуры. Уж больно уморителен был спящий вверх лапками пушистый Дик.

Дайвел облегченно перевел дух, промокнул лоб батистовым платком и, откинувшись в кресле, продолжил лекцию:

– Как строго наказать совершившего преступление, решает Суд Сил, если речь идет о нарушении Законов Равновесия или о другом столь же тяжелом преступлении, находящемся в ведении Сил; Суд Богов рассматривает преступления, затрагивающие интересы ряда миров или целого Уровня; Суды отдельных миров разбирают дела, непосредственно касающиеся их граждан, и преступления, происшедшие на их территории. Понятно?

– Ага. Если Джей украдет что-нибудь и его поймают, то будут судить в том мире, где он украл, – беспечно кивнула Бэль, даже теоретически не воспринимая идею того, что пронырливого веселого брата могут где-то поймать.

– Э-э-э, не совсем так, – вздохнул лорд Дайвел, мысленно припоминая груды поправок, исключений и дополнений, касающихся всемогущей королевской семьи Лоуланда. – Если у нас есть официальная договоренность с этим миром, то дело о преступлении любой степени опасности обязаны передать в суд Лоуланда для разбирательства. Впрочем, пока мы не будем заострять на этом внимание. Вашему высочеству достаточно знать, что система правосудия в Лоуланде работает безупречно. И виновный в преступлении несет наказание в соответствии со степенью и характером вины. Наказанием могут быть тюремное заключение, физическая или магическая кара и, наконец, насильственный перевод в другую инкарнацию – казнь. Приговор выносится судом, в который обязательно входят маги – Чтецы Душ. Благодаря этому наказание для преступника всегда справедливо и страшно...

Бэль вздохнула. Все эти рассказы учителя о преступлениях и судах казались ей чем-то столь же далеким, как и Мэссленд, но куда менее понятным, интересным и заманчивым. Хотелось в Сады на прогулку.

А лорд Дайвел продолжал рассказывать, старательно редактируя привычный текст на предмет его адекватного восприятия нежной и чувствительной девчушкой. Вряд ли, например, ей сейчас следовало знать, что казнь знатных и могущественных граждан Лоуланда, совершивших тяжкие преступления, приводит в исполнение принц Нрэн. Великий воитель по совместительству числился еще и Верховным Палачом государства. Его смертоносный меч легко прерывал нить жизни тех, кого заурядный кат не смог бы при всем старании даже поранить. Таких щекотливых мелочей было много, и учитель о них умалчивал, справедливо полагая, что со временем Бэль все узнает и поймет сама, а сейчас расстраивать ее не следует.

Облегченно вздохнув, принц Мелиор встал с диванчика в коридоре. Томимый нетерпением, бог едва не ерзал по сиденью, беспокойно отсчитывая минуты до срока, назначен-

ного неумолимым отцом. Все-таки они успели вовремя! Бог с довольной улыбкой пошел навстречу Энтиору и Элии.

– Прекрасный день, дорогая, я счастлив видеть тебя, – молвил принц, отвечивая сестре изящный поклон.

– Еще бы, – фыркнула Элия, фамильярно потрепав брата по щеке, – ведь это позволит твоему лицу сохранить безупречный цвет и не приобрести царапин.

– Это так, – чуть поморщившись, нехотя признал Мелиор и заметил: – Нам следует поспешить, или мой дивный лик все-таки пострадает. У папы очень тяжелая рука, а книг по возрастной психологии, педагогике и воспитанию он отродясь не читал, потому и не знает, что телесные наказания чрезвычайно скверно сказываются на психике детей и микроклимате в семье.

– А ты подари ему подборку необходимой литературы, – мрачно хмыкнув, посоветовала богиня. – Только сначала целителей вызови и место в реанимационном отделении лечебницы забронируй.

– Твои советы всегда бесценны, дорогая, – с вежливым сарказмом отметил Мелиор.

На этом разговор завершился, поскольку боги подошли к кабинету отца. Миновав стражу и секретарей, они вошли внутрь.

– Наконец-то, – недовольно буркнул король, захлопывая четвертую папку с подписанными документами и толчком посылая ее на дальний конец стола. Потом его величество откинулся на спинку высокого кресла и, скрестив руки на груди, изрек с вежливой улыбкой голодного дракона-людоеда:

– Прекрасный день, доченька.

– Прекрасный день, папа, – совершенно игнорируя эту обаятельную улыбку, откликнулась принцесса, занимая диван, стоявший рядом с рабочим столом отца, поскольку более удаленные, а следовательно, и более безопасные кресла поспешно оккупировали принцы.

– Детка, я прошу тебя внести некоторые коррективы в блокировку заклинания связи. Мало ли что может случиться, а мы не в силах будем связаться с тобой, – сдерживая гнев, тихо и по-прежнему вежливо сказал Лимбер.

– Не думаю, что мои заклинания нуждаются в корректировке, отец, – серьезно возразила богиня, привольно раскидываясь на подушках и внешне не выказывая никаких угрызений совести по поводу безвинно пострадавшего родителя.

С удивлением, к которому примешивалась изрядная доля опаски, принцы украдкой смотрели то на короля, то на принцессу, делая вид, что их здесь совсем нет, а если и есть, так они глухие и слепые инвалиды с раннего детства. Элия тем временем продолжила:

– Если эмоциональный настрой вызывающего родственника говорит о том, что мне или ему грозит неминуемая опасность, блокировка вызова отключается, и со мной можно связаться в любых условиях. В другом случае, по моему мнению, лучше получить легкий удар и сразу перестать меня доставать, чем заговорить с богиней любви, чья сила полностью свободна. Просто так, руководствуясь сиюминутной прихотью, я никогда не блокирую полностью контакт.

Король фыркнул, признавая правоту дочери, и сказал:

– Тогда хоть «автоответчик» включенным оставляй, милая. В конце концов, физические пытки людей призвание Энтиора, а не богини любви.

– Да, я у нас больше по моральным терзаниям специализируюсь, – гордо констатировала принцесса и задрала носик.

– Бесспорно, – чуть завистливо согласился вампир. Умение сестры трепать чужие нервы всегда вызывало у него самое искреннее восхищение профессионала.

– Теперь о деле, – оборвал болтовню детей Лимбер, стукнув ладонью по столу. Мебель уже давно привыкла к такому бесцеремонному обращению и выносила его с легкостью боль-

шей, нежели потомки короля, сделанные из пусть и по-божественному сильной, но все-таки уязвимой плоти. – Через несколько дней к нам прибывает полное посольство из Жиотоважа. Вы будете им заниматься.

– С чего такая честь, папа? – прямо в лоб спросила принцесса, все еще недовольная тем, как бесцеремонно ее вырвали с Эйта.

Вздыхнув, Лимбер щелкнул по перстню-печатке и усилил заклинание защиты от прослушивания, после чего начал откровенный разговор:

– Семь лет назад по времени Жиотоважа по заданию нашего Источника из храма был похищен Великий и Благостный Кристалл Авитрегона, Источник Мира, по характеру своей силы склонявший Жиотоваж к Мэссленду. Все три его жрицы были изнасилованы воровом.

– Работа Джея, – скорее не спросила, а констатировала Элия, высказав вслух подозрения братьев.

Воровством в семье время от времени забавлялись практически все, но на высоком профессиональном уровне этим занимались немногие. Источник, зная своих инициированных как облупленных, мог поручить подобную кражу Джею, Кэлери, Рику или кодле Тэодера¹ Но совмещение воровства с изнасилованием ясно указывало на личность вора. Остальные либо не считали насилие развлечением, либо не желали смешивать работу и удовольствие.

Король кивнул, подтверждая версию дочери.

– У них есть доказательства? Догадки? – сразу уточнил лорд-дознатель Энтиор, задумчиво постукивая пальцем по щеке.

– Документы, явственно обличающие участие нашей фамилии в происшедшем, были найдены у полномочного посла Тарака Ро’дольски из Чалнура, перешагнувшего порог следующей инкарнации в Новогодье, шесть лет назад. Помните, беднягу прирезали и обобрали в какой-то подворотне в день городского карнавала. Этот ублюдок ухитрился оказаться в нужном месте в нужный час и снять первичные отпечатки силы на следующее утро после происшествия. Больше никаких разговоров, обрывков слухов, бумаг не всплывало. Официальных обвинений тем более не выдвигалось, даже в самом мире. Ведь Джей оставил на месте иллюзию Кристалла.

И вот теперь Три вара Жиотоважа ходатайствуют о принятии полного посольства. Быть может, они просто просятся под наше покровительство или имеют другие меркантильные мотивы для визита, но нужно учитывать и возможность того, что недавняя история все-таки всплыла на поверхность и нас будут шантажировать. А есть ли у них доказательства, догадки или нет вообще ничего, узнаем очень скоро.

– Но даже если и у них есть первичные отпечатки силы, установить по ним причастность Джея к происшедшему можно только в том случае, если он сам изъявит желание пройти Обряд Подобия. – Элия подхватила нить рассуждений его величества. – А добровольно брат вряд ли на это пойдет, разумеется, дабы не унижать королевскую семью подозрениями. Обвинение должно быть подкреплено существенными материальными уликами.

– В полное посольство Жиотоважа обязательно входят полномочные представители Трех варов и хотя бы одна из трех жриц храма, – отметил Мелиор как знаток дипломатических процедур множества миров.

– Жрица... Интересно, была ли она жертвой, – задумчиво протянула принцесса и резюмировала, теребя атласную кисточку подушки: – Если кто-то желает устроить масштабную обличительную сцену, то лучших свидетелей, чем вар и жрица, пожелать нельзя.

¹ Тэодер – сын Моувэлла, брата Лимбера, бог мафии, чьему влиянию подвластно немало Уровней. На него работают принцы Ноут и Ментор. Божественное призвание Тэодера до сих пор остается тайной для большинства родственников. – *Здесь и далее прим. автора.*

– Ты женщина, как закатывать сцены, тебе виднее, – уколол принцессу Лимбер и, посерьезнев, сказал: – Мелиор, займешься организацией встречи посольства, мы ждем их через пять дней у Южного Телепорта. Что и как, тебе рассказывать не нужно, не маленький. Даю обычные полномочия. Но особое внимание обрати на жрицу. Нам надо знать, из тех ли она, кто пострадал при краже. Ты сволочь обаятельная, так очаруй леди. Энтиор, Элия – будете помогать брату, развлекать остальных гостей и выяснять, что у них на уме. Чтоб им провалиться, ублюдкам, свалились на мою голову. Все ясно?

– Да, папа, – кивнув, заявили сыновья. Элия отделалась простым кивком.

– Вот документы. – Лимбер достал из большой шкатулки для писем бумаги жиотоважцев и перекинул их Мелиору. Тот пробежал внимательным взглядом по строчкам и передал листки Энтиору.

– Вызови еще Джея, – посоветовала принцесса, мысленно просчитав варианты развития событий.

– Зачем? – напрягся удивленный король.

– Если они что-то знают или подозревают, то само отсутствие брата нам на руку не сыграет. А вот наличие может и помочь. Пусть Джей изредка попадает на глаза членам посольства, но при этом играет роль поглощенного братской заботой воспитателя крошки Бэль, это положительно скажется на имидже нашего распутника и поможет отвести необоснованные подозрения. Он ведь все равно работает в мирах под личиной, значит, без обряда опознать его никто не сможет. Если же улики серьезные, то будет здесь брат или нет, это никакого значения не имеет. Уж слинять-то, как только запахнет жареным, он всегда успеет вовремя, – пояснила свою идею принцесса.

Обдумав услышанное и признав логичность предложения дочери, Лимбер кивнул, с мстительной улыбкой представив себе, как лично сообщит все радостные новости любимому люботрясу-сыночку. Энтиор и Мелиор в глубине своих бесконечно эгоистических душ мысленно слегка посочувствовали белобрысому брату. Возиться с Мирабэль – какое наказание за любое самое жестокое и изысканное преступление могло быть наихудшим?

– Где ты планируешь разместить гостей, отец? – спросил Мелиор, и король скорчился, как от зубной боли.

– Придется в замке, – с неохотой признал Лимбер. – Так удобнее, чтобы не выпускать их из виду.

– Третий этаж, западное крыло, я думаю, вполне подойдут, – намекнул принц. – Свободных гостевых покоев там много. Они достаточно комфортны и просторны даже на самый строгий взгляд.

«Да и заклинания слежения там хорошие поставлены», – про себя закончила речь брата принцесса, в свою очередь знакомясь с бумагами посольства.

– Занимайся этим сам, – приказал король. – Дашь указания управляющему, получишь ключи, осмотришь все лично. Может, что подновить придется или перестановку сделать.

– О да, я знаток дизайна, – подтвердил Мелиор с двусмысленной улыбкой, подправив пару волосков, выбившихся из его пышной светлой шевелюры.

Кому, как не богу интриги, Лоулэндскому Пауку, мог еще поручить такое король. Даже Рик, бог магии, признавал искусность брата в чарах, затрагивающих любую из сторон его многогранной профессии. Мелиору великолепно удавались паутинные заклинания слежения всех видов, накинутые на большие пространства в замкнутых помещениях.

– Вот и займись им, пока еще есть время, – посоветовал Лимбер, недвусмысленно давая понять сыну, что тот засиделся в кресле. – Докладывать обо всем будете ежевечерне.

Мелиор и Энтиор синхронно поднялись, отвесили папе по небрежно-изысканному поклону и направились к двери. А Элия по мановению руки короля задержалась.

Когда братья покинули кабинет, она спросила:

– Кого ты посылал в Жиотоваж навести справки после происшествия, пап?

– Твоего длинноносого любимчика, – хмыкнул король. – Я велю ему побеседовать с тобой. Потом расскажешь все, что сочтешь нужным, парням.

– Отлично, – радостно улыбнулась богиня, а Лимбер в очередной раз подумал о загадочной женской душе и не менее загадочных женских вкусах. Сколько король ни смотрел на Рэта, так и не смог понять, чем этот уродец так приглянулся дочери, ведь ради одной выгоды Элия любовников никогда не заводила.

– Кроме того, я собиралась навестить наш Источник, – призналась принцесса.

– Хорошая идея. Возможно, тебе удастся выжать из него больше, чем мне, – одобрительно кивнув, согласился король и, чуть помешкав, задал больше всего беспокоивший его вопрос, ради которого он и попросил дочь задержаться: – Как, по-твоему, у нас действительно будут с ними проблемы?

– Может статься, – посерьезнев, подтвердила Элия. – Но не думаю, что слишком серьезные. На всякий случай можно послать Нрэна проинспектировать границы в некоторой близости от Жиотоважа. Наш великий воитель и сам по себе весьма сильнодействующее примиряющее средство, а уж во главе армии... Пока мы лишь получили еще одно напоминание о том, что все тайное рано или поздно становится явным, если плохо упрятать концы в воду. Мальчикам – урок. Джею не следовало трогать этих девиц, ну а уж если позабавился, надо было сделать так, чтобы жрицы исчезли бесследно. Впрочем, теперь уже поздно рассуждать о вероятностях. Если дело обернется плохо, придется устроить трагическое происшествие в мирах и исчезновение всего посольства. Обеспечим прямой протекторат Жиотоважу. Конечно, это хлопотно, может плохо сказаться на нашем имидже и приведет к осложнениям в Совете Богов, не говоря уже о напряженности во взаимоотношениях с Силами...

– Но если не найдется другого выхода, мы будем вынуждены на это пойти, – нехотя согласился король с дочерью. – Что ж, остается дожидаться посольства и понять, что им действительно нужно.

– Пока, папа. – Богиня чмокнула Лимбера в щеку и вышла из кабинета, за дверью приемной, кроме положенной по этикету стражи, ее ожидали еще двое мужчин.

– Чего стоим, кого ждем, мальчики? Великого откровения пророков Творца или явления Джокеров? – иронично осведомилась принцесса, оглядывая братьев, застывших в великолепной скульптурной композиции под милым названием «Немой вопрос».

– Тебя, любимая, что несравненно лучше всего перечисленного, – галантно возразил Энтиор, следуя за сестрой по коридору.

– И, несомненно, прекраснее, хоть и не менее значительно, – подхватил Мелиор, мысленно завершив свою фразу словами: «Но столь же, если не более, опасно».

– Мы с папой обсудили возможность получения информации о Жиотоваже из разных источников, – снизошла до ответа на невысказанный вопрос богиня. – Я этим займусь, пока у нас есть время, чтобы подготовиться к визиту полного посольства.

– И каковы же *наши* планы в деталях? – приподнял бровь Мелиор, ожидая некоторых подробностей. Бог не слишком любил, когда его отстраняли от плетения интриг, но если отстранителями были сестра и отец, с этим вопиющим недоразумением приходилось мириться и спокойно выслушивать инструкции. Но никто не говорил, что богу запрещается высказывать по этому поводу хотя бы легкое недовольство.

– Ты можешь спокойно заниматься «дизайном» и продумывать ритуал встречи гостей в соответствии с полным сводом правил этикета для общения с делегациями иных миров, Энтиор посетит геополитический раздел библиотеки, а я отправляюсь к Источнику. Встретимся за ужином и все обсудим, – быстренько распределила роли Элия и спросила: – Есть возражения или предложения?

– Никаких, дорогая, – поклонился сестре Мелиор, понимая, что подробностей он сейчас не получит, но зато позднее для него приготовят хорошую подборку информации. Успокоив свое чувствительное самолюбие, принц осведомился: – Надеюсь, с моей стороны не будет большой дерзостью предложить позаботиться о меню трапезы?

Предложение совместить процесс обсуждения дневных трудов с ужином было встречено с энтузиазмом богом гурманов. Он любил свою могущественную сестру не меньше, чем опасался, и получал большое удовольствие от дружеского общения с ней. Тихий ужин втроем показался Мелиору прекрасной перспективой.

– Никому другому столь важное дело мы и не доверим! Правда, Энтиор? – улыбнулась принцесса.

– Бесспорно, – подтвердил принц, безоговорочно одобрявший тонкий вкус брата.

– До вечера, мальчики, – послав братьям воздушный поцелуй, ласково попрощалась богиня и телепортировалась из замка, оставив братьев заниматься намеченными делами.

Мелиор распрощался с Энтиором у библиотеки и отправился на поиски управляющего, загодя слегка морщась при мысли о том, что замок, где обычно кроме стражи, слуг и королевской семьи никого не бывало, скоро наводнят чужаки.

Даже дворяне Лоуланда могли бывать в замке только по специальному приглашению членов королевской семьи или их вызову. В последнем случае, если того требовало дело, в святая святых была открыта дорога любому, от раба до лорда. Интересы государства в политической, экономической, магической и иных сферах зачастую сталкивали у порога королевского кабинета весьма странных личностей. Но свободные прогулки по замку были возможны только при наличии постоянного приглашения, магически занесенного в охранные чары любым из членов семьи на уровне Закона Желания или специальных амулетов, своего рода временных пропусков, препятствующих проникновению чужаков в запретные зоны. Слуги же, рабы и стража имели магические печати на теле, и подделать их было просто невозможно.

Сейчас Мелиор почувствовал, что в качестве «жеста доброй воли» посольству Жиотова придется предоставить право свободного передвижения, и это богу весьма не нравилось. Принц, как и любой лоуландец, чрезвычайно ревностно относился к вопросам невмешательства в свою личную жизнь.

Глава 2

Жиотоважский при(о)кол в вопросах и ответах

Перенесясь в Сады неподалеку от грота, принцесса окунулась в волну летнего зноя и только сейчас поняла, вернее, ощутила на себе, что в Лоуленде действительно лето, а не суровая зима, как на Эйте, и ее наряд не слишком подходит для сезона. Повинуясь желанию богини, звездочки закружились, меняя облачение госпожи. Миг, и вот уже на принцессе оказалось легкое шелковое платье без рукавов, переливающееся всеми оттенками от призрачно-голубого до глубоко синего, что создавало визуальное ощущение свежей прохлады морской воды. Волосы подобрала и окружила звездная сеточка с мелкими жемчужинами, браслеты русалочьей работы засверкали на руках, а ушки и шею украсили ожерелье и серьги из жемчуга, оправленного в серебро. Приподняв подол, принцесса убедилась, что на ножках у нее темно-синие бархатные туфельки, расшитые жемчугом, и, сотворив иллюзионное зеркало, оглядела себя целиком. Оставшись довольной увиденным, Элия взмахом руки уничтожила зеркало и зашагала по вьющейся среди разнотравья узенькой тропинке к гроту.

– Богиня Элия, прекрасный день! Ты здесь! Какая приятная, радостная неожиданность! – тут же залучился энтузиазмом Источник, разбрасывая серебристые и голубые искорки, как только богиня вошла в грот. – Присаживайся!

И Силы развили бурную деятельность. У стены пещеры появились большое кресло с мягкими подлокотниками и столик, на котором стояла огромная хрустальная ваза без ножки с разнообразными сочными фруктами.

– Прекрасный день, – вежливо поздоровалась принцесса.

– Сока, вина, воды, мороженого? – галантно осведомился Источник, как только богиня опустилась в кресло и расправила юбку.

– Сок синики, пожалуйста, – после секундного раздумья попросила Элия, и в ее руке тут же возник запотевший от холода бокал, а на столе появился керамический пузатый кувшинчик, обвитый статичным заклинанием охлаждения.

Отпив сладкого, но одновременно пронзительно-свежего, как горсть тоненьких льдинок весной, сока, богиня с улыбкой заметила:

– Дружба со Связистом не прошла даром. Ты стал гораздо лучше понимать нашу логику. Хотя как ты ухитрился перенять от него столько хорошего, не хватая вульгарных манер, меня не перестает удивлять.

– Спасибо, Элия! – искренне и непосредственно обрадовались похвале Силы.

По гроту запрыгали солнечные зайчики и, собравшись в один большой светящийся шар, рассыпались мелкими огоньками, оставив уже знакомого богине мужчину, похожего и на Лейма и Энтиора одновременно: невинно-восторженный взгляд на мир первого и надменно-элегантная изысканность одеяния и манер, присущие второму, составляли весьма причудливое сочетание. Он создал еще одно кресло и присел рядом с принцессой. При этом по губам создания скользнула гордая, если не сказать самодовольная улыбка, и оно, щелчком взбив кружево манжет на белоснежной рубашке, сказало:

– Так нам будет удобнее вести беседу.

– Как пожелаешь, – узнавая донельзя знакомые жесты братьев в повадках Источника, согласилась принцесса, снова пригубив сока синики, и подумала, что если уж ее семья до сих пор не смогла сбить с пути истинного Силы, то, пожалуй, Связисту это тем более не по плечу.

Сотворив бокал с соком и для себя, собеседник устремил на принцессу вопросительный взгляд.

– Я пришла поговорить о Жиотоваже, – прямо сказала богиня.

Источник, недовольно вздохнув, отставил бокал и сцепил пальцы рук.

– Ты ведь уже знаешь, – продолжила богиня, само собой подразумеваемая очевидный факт прослушивания Силами разговора в королевском кабинете, – что оттуда прибывает посольство.

– Знаю, – фыркнул Источник и ядовито предложил: – Почему бы этим не заняться принцу Джею? Он «отлично» справился с первым нашим поручением по этому миру! Вот пусть и дальше специализируется!

– Хватит дуться, что сделано, то сделано. Не всегда твои интрижки с Мэсслендом и борьба за власть над Мирами Грани проходят гладко, – жестко ответила Элия. – Сейчас нам нужно знать, чего ожидать, что там происходило и происходит ныне? Не отпирайся, я никогда не поверю в неосведомленность Источника Мира Узла по части перемены в энергиях подвластных или потенциально подвластных измерений.

– Ветки вы из меня вьете, ваше высочество, – театрально вздохнули Силы и, понимая, что просто так от настойчивой Элии не отвяжешься, перешли к делу: – Джею было поручено только изъять Источник-Кристалл из храма Жиотоважа и передать его нам. Вследствие чего смог бы спокойно набирать Силу Источник, близкий нам по структуре и до тех пор находившийся в статис-сонном состоянии, поскольку был подавлен излучением Кристалла Авитрегона.

– А что ты сделал с самим Кристаллом? – мимоходом поинтересовалась богиня, прерывая Силы.

Созданный Силами мужчина весьма правдоподобно разыграл смущение: взмахнул длинными ресницами и потупился, позволив ланитам слегка порозоветь. Потом тихо сознался:

– Я счел возможным присоединить его энергию к своей. Нет, нет, – увидев, как нахмурилась богиня, поспешно продолжил Источник, – он не был разумен. Всего лишь неупорядоченная кристаллическая структура, наполненная сырой первичной энергией. Ее оплетало сложное заклятие, заключавшее душу, освобождавшуюся из тела жрицы, которой приходил срок. Именно чары управляли храмом, а теперь там есть настоящие Силы, пусть еще и не слишком могущественные.

– Прямо благодетель. Выходит, теперь жиотоважцы тебе хвалу вознести должны? – иронично хмыкнула богиня, постукивая пальчиком по бокалу с соком.

Источнику хватило совести покраснеть еще сильнее и тихо сказать:

– Кто же мог подумать, что Джей такое там натворит.

– Тот, кто знает Джея. Инструкции четче давать надо было. Ладно, рассказывай дальше, – подтолкнула собеседника Элия.

Прежде чем заговорить, Силы еще раз глубоко вздохнули:

– Я тот молодой Источник хорошо проинструктировал, так что люд решил, что их Кристалл перешел на более высокую ступень существования и теперь является в виде чистой энергетической формы. Сияние над алтарем в форме кристалла, ментальный глас и все прочие атрибуты подобных представлений. А вот нападение на жриц совсем замять не удалось. Пока Источник обретал Силу, проявляясь на Уровне и заменяя собой иллюзию, оставленную Джем, успел произойти изрядный переполох. Но дальше властной верхушки информация о нападении на храм не ушла, там сочли неприемлемым тревожить простой народ.

– Значит, в краже Кристалла нас обвинить не смогут, ведь визуально он никуда не исчез. Одной проблемой меньше, – заключила принцесса и спросила: – А почему ты об этом Лимберу не сказал? Он ведь спрашивал?

– А пусть лучше детей воспитывает, чтобы знали, где можно и где нельзя руки распускать! – несколько мстительно огрызнулись Силы и, в сердцах всплеснув руками, случайно

зацепили собственный бокал на столике так, что опрокинули его (бокал, ясное дело, по опрокидыванию столиков больше Кэлер специалист). Печально вздохнув, Источник ликвидировал мокро-синий беспорядок и, снова наполнив свой бокал соком из кувшинчика, одним махом осушил его, словно заправский алкоголик стопку водки.

– Ясно, – улыбнулась богиня. – А что помнят и знают жрицы о том происшествии?

Немножко успокоившись, Источник покачал головой и, предупреждая следующий вопрос принцессы, сказал:

– Они не видели кражи, за это ручался сутью бога Джей. Что же касается всего остального, я не ведаю. Не имею права прямо вторгаться в разум служительниц других Сил, тем более в столь щепетильном деле Мира Грани. Это могут счесть покушением на границы владений и подать на меня жалобу в Суд Сил. Я и так из-за ваших фокусов оттуда не вылезаю. Пора бы юридические университеты для несчастных Сил вроде меня открыть. Не могу я просить их Источник о такой проверке по уже перечисленным причинам и лезть в сознание членов официального посольства тоже не имею права. Они под покровительством Сил Мира из Двадцати и Одной. Кроме того, если на Джея выплывет веский компромат и поднимут через ИК запись моих внешних переговоров и деяний, все станет ясно как день. Стоять твоему брату перед Судом Богов как минимум. Ладно бы просто изнасилование, кто так не развлекается, но покушение на целомудрие дитя – служительницы культа Источника – совсем другое дело.

– А попутно может всплыть и твоя афера, – глубокомысленно закончила за Источник принцесса.

Силы только чуть виновато вздохнули и сказали:

– Может. Но в сознаниях Трех варов Жиотоважа не было никакой тревожной для нас информации и подозрений, уж там-то я все проверил, они действительно ищут мира и помощи. Это основной мотив.

– Утешительная весть, но если мы не можем досконально прощупать посольство, мы не можем и утверждать наверняка, что никто из его членов не имеет других целей и желаний. А просто показать мне посольство, не называя его участников, ты можешь? Это не станет нарушением какого-нибудь из ваших многочисленных правил? – небрежно отщипывая по ягодке от грозди спелого белого винограда, спросила богиня.

– Сию минуту! – радостно воскликнули Силы, довольные тем, что могут принести реальную пользу, и перед принцессой возникло некоторое подобие групповой объемной фотографии...

– Благодарю, ты нам очень помог, – выслушав Силы и рассмотрев хорошенько всех существ, представших перед ней, сказала принцесса. – А уж подробное досье на «гостей» мы будем добывать другими путями. Ты же сиди тихо, пускай зайчиков, не нарушай Равновесия.

– А с Джейм точно все уладится? – взволнованно уточнил Источник, и из-под маски милого шалопая-франта вновь отчетливо проглянула эмоциональная искренность Сил, так привлекавшая богиню.

– Переживаешь? Какое ни дерьмо, а все свое, – рассмеялась Элия, вставая. – Выкрутимся, мы у тебя находчивые и живучие.

Силы улыбнулись в ответ. Несмотря на видимую злость из-за проделок своего инициированного, они очень дорожили им и совсем не желали принцу неприятностей. Ну, может быть, только самую малость, в воспитательных целях.

– У тебя еще есть вопросы, богиня? – благосклонно спросили Силы свою любимицу.

– Нет, – покачала головой Элия и продолжила: – Остальные интересующие меня подробности придется поведать кое-кому другому или другим. Подходящие кандидатуры у меня на заметке есть. Не только тебе сегодня работать, удовлетворяя мое инквизиторское любопытство. Кстати, спасибо за угощение.

– Всегда рад помочь прекрасной даме, – галантно отозвался Источник и, поклонившись, залихватски рассыпался потоками искр, принимая консервативную форму чистой энергии, которую предпочитали Силы.

А богиня, вовремя ухватив из вазы с исчезающего столика персик с нежным пушком, перенеслась в замок. Неторопливо шествуя по коридору и с аппетитом уплетая сочную мякоть спелого фрукта, принцесса раздумывала о том, не пора ли ей пообедать и с кем.

Неподалеку от кабинета отца она едва не столкнулась с изрядно взлохмаченным и каким-то потрепанным, словно коврик с забора, Джемом. Брат неся по коридору, жестикулируя, что-то сердито бормоча себе под нос и не замечая никого и ничего вокруг. Один столик с канделябром и служанка с широким подносом, нагруженным тарелками, уже успели испытать это. К счастью, столик отлетел к стене и потому устоял, а опытная служанка сама поспешно шмыгнула в сторону, умудрившись при этом ничего не расплескать и не уронить. Сказывалась практика работы на сумасшедшую семейку короля Лимбера, дававшая лучшую выучку, чем работа эквилибристом или жонглером в цирковой труппе.

– Прекрасный день, дорогой, – поздоровалась со спиной принца Элия.

Джей резко затормозил и, развернувшись, впился в лицо сестры пристальным взглядом, ища признаки издевки или насмешки. Но углядел только легкую заинтересованность и приязнь. Агрессивность бога немного пошла на убыль, и он буркнул:

– Привет.

– Что, только от папы? – сочувствующе спросила принцесса, легко выявляя причину состояния брата.

– Да, и с заданием пасти маленькую егозу, – процедил Джей, вновь живо переживая минувшее унижение, вспоминая все эпитеты, которыми наградил его в припадке красноречия, вызванного яростью и досадой, Лимбер. Самым мягким из обрушившихся на голову принца «комплиментов» оказалось «озабоченный недоносок».

– Бэль будет просто счастлива, – заметила богиня. – Она тебя так любит.

– Угу, а то, что звенит в моих карманах, она любит еще больше, – все еще сердито пробурчал принц, теребя завязки своего расшитого золотой нитью и как всегда пухлого кошелька. – У этой девчонки просто дар выбирать самые дорогие вещицы.

– Она любит тебя просто за то, что ты – это ты, ее веселый брат, – укоризненно возразила Элия, покачав головой. – А что касается умения делать выбор, так это у малышки семейное: безупречный вкус и никакого мошенничества. Зато теперь ты познаешь на практике старинную аксиому «за удовольствие надо платить».

– Слишком уж дорого выходит, – фыркнул Джей, криво улыбнувшись. – За полчаса удовольствий сомнительного качества по крайней мере семидневка с малышкой Бэль.

– Энтиору, Мелиору, Лимберу и мне за твои развлечения тоже предъявили счет, брат, – жестко возразила принцесса. – Придется поработать всем, и твои заботы еще не самые тяжелые.

– Опять я самый плохой, да? – снова возмутился принц. – А Источнику за его дурацкое задание кто-нибудь лицо править будет? Или чуть что, так сразу Джею-негодяю по шее?

– Ты прав, кое-какие аспекты нашей проблемы возникли и из-за его непродуманного поручения, – согласилась принцесса.

– Нет, ты сама рассуди... – размахивая руками, продолжил было горячиться Джей, доказывая свою частичную невиновность, но тут до его сознания, пусть и с некоторым опозданием, дошел смысл сказанного сестрой, и он, резко оборвав собственную речь, воскликнул: – Я прав? Да, я прав! Только мало кто хочет это понять!

– Такова твоя нелегкая доля, – рассмеялась принцесса, с удовольствием потрепав брата по густой соломенной шевелюре.

Принц улыбнулся сестре, чмокнул ее в щеку и задушевно сказал:

– За что я тебя люблю, Элия, так это за то, что при всей своей любви к лекциям ты никогда не читаешь мне моралистических нотаций!

– А смысл? – ответила вопросом на вопрос богиня.

– Никакого, – чистосердечно признался Джей.

– Вот именно, – подтвердила Элия и более серьезно сказала: – Но тебе придется расплачиваться не только играми с Бэль, мне нужно будет побеседовать с тобой о нашей проблеме.

– Уж лучше с тобой, чем с папой, – согласился бог. – К вашим услугам, моя дорогая леди. Надеюсь только, что пытки не будут чересчур жестоки.

– Только плети, вымоченные в соленой воде, дыба и каленое железо, никаких иголок под ногти и щипцов, обещаю, – торжественно поклялась Элия со зловещей инквизиторской улыбкой на губах и, взяв жертву под руку, телепортировалась в свои покои.

– Какие нежные слова, и сразу кругом голова, – обжигая богиню страстным взглядом, пропел в ответ принц строчку из легкой бульварной песенки, пришедшей в Лоулэнд из какого-то мирка нижних Уровней.

Элия хихикнула и поманила брата за собой в кабинет. Тот повесил голову и поплелся за ней, словно настоящий осужденный, для полноты картины заложив руки за спину так, словно на них уже были кандалы.

Тщательно притворив двери, богиня слегка щелкнула по дверной ручке, изображающей стилизованную фигурку золотистого леопарда, и тем самым активизировала сильнейший комплекс заклинаний защиты от прослушивания и наблюдения любым известным физическим и магическим путем.

Джей плюхнулся в кресло, закинув ноги на декоративный столик рядом, подождал, пока Элия наколдуетеся и сядет, а потом спросил уже совершенно серьезным, деловым тоном:

– Что ты хочешь узнать?

– Расскажи мне кратко о жиотоважской работе. Вопросы потом, – попросила богиня.

– И рассказывать-то нечего, пустячное дело было, – фыркнул принц, но все-таки заговорил: – Источник дал задание принести ему Кристалл с главного алтаря из храма мира Жиотоваж, сказал, что собирается тем самым пробудить к жизни спящий Источник с упорядоченной структурой и получить влияние на той территории, оттяпав ее у Мэссленда. Время выпало подходящее, что-то типа начала Поры Отречения, наступающей раз в несколько десятков лет, когда магическая связь между Кристаллом Жиотоважа и жрицами ослаблялась так сильно, что практически сводилась к нулю.

Силы дали мне точку телепортации в храмовом саду, показали полный план здания и систему охраны. Я в цельной личине, так, чтобы ни физически, ни с помощью первичной магии не подкопаться, перенесся туда ночью. Влез в храм через окно второго яруса, вырубил сонной пылью пяток стражей, правда, они и так бессовестно дрыхли, козлы. Никто ничего не заметил. Обошел или временно обезвредил стандартные ловушки, спрятал Кристалл в кошель с заклятием сокрытия силы, создал на алтаре вещественную иллюзию кристалла и решил проверить, чем там еще можно поживиться. Уж больно все было тихо и муторно, – вяло отрапортовал Джей. (Когда в деле не было изюминки, таинственных преград и опасностей, принц-авантюрист резко скучнел и становился просто невыносимым.) – Пробрался на жреческую половину храма, там обнаружил тех девиц и слегка развлекся. Меня они, конечно, не видели. Темно же было, кроме того, я пришел под личиной. Потом на всякий случай связал жриц, чтобы тревогу раньше времени не подняли, прихватил кое-какие безделушки для компенсации и смотался. Хороший ложный след сделал, даже одежду всю в дикий мир выбросил. Побрякушки потом под новой личиной продал на кочующем по мирам большом базаре Диверии, там никогда не спрашивают, откуда что взялось, а платят хорошо, если торговаться умеешь. Кристалл передал Источнику. Все.

Закончив докладывать, принц демонстративно зевнул, прикрыв рот рукой.

Элия кивком поблагодарила брата за рассказ. Ничего другого она от него услышать и не ожидала. В своей профессии Джей всегда действовал безукоризненно четко, с немалой выдумкой, и замечать следы умел превосходно. Осталось уточнить только пару моментов.

– Ты, конечно, пользовался амулетом против зачатия? – деловито поинтересовалась богиня.

– Разумеется, – хмыкнул Джей и мстительно отпустил шпильку: – В отличие от папы, плодить ублюдков в мирах – не мое хобби. Я еще слишком молод и не готов к такой высокой ответственности!

– Жрицы были девственны? – задала Элия второй вопрос.

– Только одна из трех, младшая, она даже цапнула меня за руку, стерва, вырывалась всерьез, пока я ее хорошенько не скрутил. А двум другим, похоже, это маленькое приключение даже понравилось, – прищелкивая пальцами, с трудом припомнил подробности давно минувшей забавы Джей.

– Ясно, – кивнула богиня, постукивая по подлокотнику кресла. – Благодарю, я узнала все, что хотела.

– Слушай, насчет твоего последнего вопроса, это что, может быть важно? – пощипывая ухо, любопытствовал Джей.

– Может быть, а может не быть, – задумчиво ответила Элия. – Боль, страх, отчаянная беспомощность в соединении с резкой вспышкой силы. (Для жрицы любого культа перемена в физиологическом статусе подчас сопряжена с этим.) Последствия подобного сочетания трудно истолковать однозначно. Так что я ничего не предрекаю, просто этот момент следует учесть при дальнейшем раскладе, когда появится побольше информации. Скажи-ка вот еще что, эта девица тебе никого не напоминает?

Принцесса сотворила заклятие иллюзорного зеркала и навела на него изображение жрицы, входящей в состав посольства.

Джей внимательно изучил «фото» девушки и отрицательно покачал головой:

– Нет, не напоминает. А что, должна?

– Эта жрица из посольства Жиотоважа, – просветила брата богиня.

– Я не помню, как выглядели те девицы, слишком темно было, – хмыкнул принц. – Так что опознать никого не смогу, если уж только на ощупь. Да и это сомнительно, все-таки семь лет прошло. Не серчай, сестрица.

– Что ж, хорошо, – смирилась Элия. – Остается надеяться, что и она, если принимала участие в развлечениях той поры, не вспомнит тебя даже на ощупь.

– Что я, совсем кретин, жиотоважских жриц в Лоуленде обжимать? А даже если и так, какая разница! Кто ей поверит без доказательств, – небрежно отмахнулся Джей. – Печать силы снимается только раз, а в этом преуспел покойный чалнурец Тарак, вот уж у кого нюх был лучше чифинога. И как проныра в Жиотоваже это учуял? А без улики под Розу Правды² меня не поставишь. Закон превыше всего!

– Особенно когда нам это выгодно, – с легкой улыбкой согласилась Элия.

– Ага. Ну, если у тебя больше нет вопросов, я отправляюсь на поиски Бэль. Как по-твоему, где она сейчас проказит? – спросил Джей.

– Я что, личный осведомитель Творца? – искренне изумилась богиня, всплеснув руками. – Кто же может предсказать, чем занята Мирабэль в данный конкретный момент?

– Что ж, если не найду через полчаса, придется плести заклинание, – хмыкнул принц.

² **Роза Правды, поставить под Розу Правды** – образное выражение, основанное на реальном факте существования высокого кустарника, цветок которого внешне схож с обычной розой белого цвета, а аромат магически воздействует на живое создание, побуждая его говорить только правду и ничего, кроме правды. В некоторых мирах растение законодательно разрешено использовать в качестве детектора лжи.

Несмотря на всю свою внешнюю ерепенистость, Джей был почти рад тому делу, которое поручил ему отец. Бог любил играть с младшей сестренкой, частенько делал это совершенно добровольно и питал к ней настоящие родственные чувства. В свои двенадцать лет Бэль все еще оставалась наивной малышкой: романтической, доброй и ужасно шкодливой. А пошкодить Джей и сам любил, так что брат с сестрой всегда находили занятие по душе. Тем более что сейчас принц был не прочь развлечься и выбросить из головы всех этих жриц.

Джей подождал, пока Элия «размурует» заколдованный кабинет, усыпит охранные чары, и, насвистывая что-то веселое сквозь зубы, удалился на поиски своей шальной трудовой повинности.

Прошло всего несколько минут после того, как принц покинул комнаты сестры, а паж уже побеспокоил принцессу вестью о новом посетителе. Узнав, кто ее спрашивает, Элия отложила маленькую, тисненную серебром кожаную папочку, которую изучала в гостиной, и с улыбкой поспешила навстречу. Она не ждала этого гостя так рано.

– Прекрасный день, королева моя дорогая! – провозгласил Рэт Грей со своей фирменной хитрой ухмылкой на физиономии и отвесил богине придворный полупоклон.

– Прекрасный день, дорогой, – радостно приветствовала друга Элия. – Выглядишь ты просто блестяще.

Сейчас в обаятельном остроносом и низкорослом придворном щеголе, разодетом в разноцветные дорогие шелка и увешанном драгоценными камнями, никто не заподозрил бы незаметного и вездесущего, словно сам Творец, лучшего личного шпиона его величества Лимбера. Так что Элия в своем искреннем комплименте несколько не погрешила против визуальной истины.

– Это все от бесконечного удовольствия лицезреть тебя, милая! – галантно подхватил легкий тон Рэт. – Ту, что так понимает и ценит меня, такого бесценного, ту, что знает все мои потаенные страсти и желания. – Тут голос шпиона упал до проникновенного ласкового шепота, и он почти вплотную приблизился к принцессе.

– Бедный, тебе последнее время так недоставало сладкого? – посочувствовала Элия, разгадывая двусмысленную шутку Грея.

– Да, набор шоколадных батончиков по чьему-то явному недосмотру в шпионский комплект не входит, – печально вздохнул Рэт и, быстро окинув гостиную ищущим взглядом, продолжил. – Зато я точно знаю, что они есть у тебя!

– Есть, – согласилась принцесса. – Но я как раз изучала меню, собиралась заказать обед. Предлагаю совместить беседу с настоящей трапезой, а потом в твоём распоряжении будут все шоколадные батончики, которые ты сможешь здесь обнаружить.

– Обещаешь? – расплываясь в блаженной улыбке наркомана, уточнил шпион.

– Папой клянусь, – подтвердила Элия и приложила руку к сердцу, причем в ее голосе вдруг прорезался какой-то странный архворский акцент горцев.

Рэт хихикнул и, взяв со столика папочку с меню, придирчиво изучил помеченные принцессой пункты. Одобрив в целом программу трапезы, бог позаимствовал у богини ручку и быстро добавил несколько собственных галочек напротив излюбленных сладких соусов и десертов. Бланк заказа был немедленно телепортирован на кухню. Через пять минут трудами расторопных слуг подоспело его физическое воплощение на трех огромных подносах.

Богиня поспешно навела порядок, и несколько папок с бумагами, карандашные наброски и черновые варианты рунных заклятий исчезли в бездонных недрах рабочего стола, уступив свое законное место на столешнице всевозможным тарелкам, тарелочкам, салатникам, супницам, соусникам, вазам и бутылкам.

Рэт придвинул к столу второе кресло и, снова активизировав заклинание охраны, боги начали содержательную беседу, попутно уделяя немалое внимание содержимому своих тарел-

лок. В Лоуленде высоко ценили удовольствия, и хорошо покушать любил не только герой многочисленных анекдотов многих миров – принц Кэлер.

– Что жаждет услышать королева моя дорогая? – осведомился Рэт, отправляя в рот гигантский кусок нежной корейки ягненка в карамельном соусе. Овощи гриль, полагающиеся к этому блюду, шпион легкомысленно проигнорировал и спихнул к самому краю тарелки.

– То, что я жажду услышать, и то, что мне следует знать, – вещи кардинально отличные, – усмехнулась богиня, открывая трапезу крем-супом с каштанами и перепелиными яйцами. – А знать мне нужно о религии Жиотоважа, Правительстве Трех варов и составе прибывающего посольства.

– Что ж, ваше высочество обратились по адресу, – блеснув любопытным взглядом, но более ничем не выдав удивления от оглашенной темы разговора, объявил Грей, запивая ягненка «Рубином Лиена». – Я несколько лет назад побывал в тех краях, для расширения кругозора, так сказать. Знаешь, иногда вот так вдруг настигнет голос свыше, а потом возьмет и неудержимо потянет в дорогу, посмотреть на бесконечную череду миров, повосхищаться промыслом Творца. Все-таки, наверное, в душе каждый бог немного бродяга. Только Энтиору этого не говори, а то он меня даже на дуэль вызывать не станет, сразу покусает.

– Побрезгует, – поправила шпиона Элия, помешивая суп. – Скорее уж просто заколет стилетом, отравленным соком миакраны, во избежание заражения бешенством и другими вредными инфекциями, кои ты переносишь.

Рэт немного натянуто хихикнул и продолжил:

– Так вот, в Жиотоваже я гостил долго. Даже открыл в столице небольшое торговое дело – галантерейные товары. Теперь иногда бываю там, проверяю, как идет бизнес, подсчитываю... убытки, – шпион манерно вздохнул.

Элия недоверчиво фыркнула и насмешливо заметила:

– Бедненький, всю жизнь работаешь себе в ущерб!

– Да, чем только не приходится жертвовать ради Родины! – с пафосом воскликнул Грей и смахнул несуществующую слезу в салат с трюфелями.

– Это видно при первом же взгляде на твое убогое рубище, – согласилась принцесса, и лукавые искры блеснули у нее в глазах.

Грей кивнул, подул на любимый перстень с огромным бриллиантом в окружении мелких изумрудов, потер его о «скромный» шелк «рубашка» и самодовольно улыбнулся. Положив себе еще медальонов из утиной печени со сладким соусом из лесных ягод, шпион начал рассказывать уже относительно серьезно:

– Жиотоваж на самом деле земля сравнительно спокойная, для Мира Грани – так и вовсе тихая, хоть и не такая, как Чивилуха, где мухи на лету засыпают. Я бы сказал, что этот мирок действительно больше похож на старомодный провинциальный мир с упорядоченной структурой. Правда, монархии там нет с тех пор, как последние члены королевского рода вымерли, ведя неравную борьбу с эпидемией Красной Смерти – динельва. По нашему времени около четырех тысяч лет назад эта зараза в считанные месяцы прокатилась по нескольким десяткам миров близ Грани и продолжила распространяться далее до объявления абсолютного карантина и установления силового барьера экстренно собранным Советом Богов. Пока маги и целители спешно искали лекарство, болезнь выкосила почти треть населения зараженных миров.

В те дни тремя богами, легендарными дворянами-варами (это высочайший титул Жиотоважа, сравнимый с герцогским): Лижаном ист Ваяром, Карелусом ист Траком, Марушей иста Налиж было сформировано Правление из выживших влиятельных граждан мира. Как уж они это проделали – интригами, угрозами, движимые жаждой власти или на голом энтузиазме – не важно. Важно одно: Правление смогло стабилизировать взрывоопасную ситуацию, дало измерению сравнительно быстро оправиться от катастрофы. Вары славно

потрудились на ниве благотворительности. Они отворили свои статус-хранилища продуктов и бесплатно распределяли их среди нуждающихся. Лижан ист Ваяр – бог-целитель – собрал отряды лекарей, которые выявляли зараженных и оказывали помощь, лечил он и сам, были открыты больницы. Карелус ист Трак объявил призыв добровольцев для охраны порядка и пресек мародерство на корню. Маруша – прославленная дама, богиня семейного очага – открыла приюты для осиротевших детей и организовала советы опеки над имуществом сирот.

Словом, о легендарных варах – Защитнике, Целителе и Попечительнице – в мире осталась добрая память. Монумент Трем стоит на центральной площади столицы, да и в каждом уважающем себя городе Жиотоважа. А Правление Трех варов стало официальным органом высшей власти мира. Теперь это нечто вроде собрания, которое возглавляют, и не только формально, избранные представители трех самых могущественных, богатейших и старейших семей, потомки богов: Ваяры, Траки и Налиж, а членами его являются все сколько-нибудь знатные и влиятельные существа мира. Сейчас три вара Совета: Монистэль ист Ваяр, он уже мужчина в годах, но сказывается материнская кровь светлых эльфов, до сих пор потрясающе красив и целомудрен, Даличка иста Трак, напротив, леди в самом соку и весьма веселая, но с железными принципами и далеко не глупа, Яворек ист Налиж больше походит на крысюка, но хватка у него бульдожья и выгоду мира блюдет четко, хотя и о своей не забывает...

Пока Рэт, лакомясь рагу из улиток на феридонском фруктовом омлете, фламбированном лиенским бренди «Золотой жар», делал экскурс в историю Жиотоважа, а потом докладывал о современной политической и экономической ситуации в мире, Элия закончила с супом и занялась грудкой индейки, фаршированной крабовым мясом с ананасами гриль в кисло-сладком винном соусе. К тому времени как Грей начал лекцию об особенностях религии Жиотоважа, Элия уже поглощала лапки гиары, маринованные в белом вине и обжаренные в кунжутном кляре с имбирным овощным гарниром и соусом териали.

– Я думаю, три вара смогли так прославиться еще и потому, что в Жиотоваже вообще уважают симметрию чисел. Это связано с их верой в Кристалл. В общих чертах религиозная доктрина звучит так, – Рэт немного нахмурился, показывая, что предельно сосредоточен, и пафосно выдал: – Вся Вселенная во всем своем многообразии на самом деле единообразна по структуре и представляет собой один гигантский, бесконечный кристалл, каждый уровень, каждый мир Уровня, каждое существо в мирах есть мельчайшая частица кристалла, его составляющий узел. Так рек пророк Зоржич во времена, незадокументированные даже летописцами Жиотоважа. И доказательством истинности его слов стало чудесное явление Великого Кристалла – материального символа мира Жиотоваж. На месте его чудесного возникновения возвели храм и столицу.

– Красивая работа, – задумчиво прокомментировала богиня, делая глоток вина.

– Да, недурная, – одобрил со знанием дела Грей и продолжил рассказ уже в своем обычном стиле: – После этого начались стандартные мистические фокусы любой религии, связанной с институтом жречества. В разных концах страны, в трех разных семьях, с перерывом в десять лет родилось три девочки с маленькой светящейся «татуировкой» в виде кристалла на левом плече. Разумеется, они были предназначены для того, чтобы стать жрицами храма. Три ипостаси – девочка, девушка и женщина, воплощающие сущность стражи Кристалла, посвятили свою жизнь служению в храме: ну там ритуальные танцы, торжественные выходы в народ по праздникам, благотворительность, влажная уборка храма, благословение молящихся и прочая дребедень.

В ту ночь, когда первая из избранных жриц покинула инкарнацию – я так думаю, надорвалась старушенция, полы подтирая, – в Жиотоваже снова родилась малышка с татуировкой. На сей раз ее сразу же забрали в храм младшие служители, которые рыскали по стране

в ожидании запланированного чуда, и воспитали жрицей. С тех пор череда служительниц ни разу не прерывалась. Если жрица-девочка или девушка умирала до срока, а это случалось очень редко, все равно тут же появлялось на свет другое предназначенное для служения дитя. Семья, в которой рождается жрица, не только окружена почетом и уважением народа, но и имеет существенные привилегии: единовременное вознаграждение из казны, подарки от храма и Правления Трех Варов, налоговые льготы и так далее. Так что, со всех сторон, произвести на свет служительницу Кристалла не только очень почетно, но и выгодно. Потому, видать, избранных младенцев и маркируют, чтобы не было подделок, – хихикнул шпион. – Кстати, платица у этих дам презабавные – с обязательно оголенным в любую погоду левым плечом, и плащом или кофточками эту прелесть закрывать строжайше запрещается. Все должны зреть избранных Кристаллом. Так что девочки там закаленные, благо, что климат в Жиотоваже мягкий и сильных морозов не бывает...

– Ты знаешь, в чем проявляется сила жриц? – спросила принцесса друга, слушая историю о клейменных избранницах и одновременно решая серьезный вопрос выбора сладких блюд.

– Через Кристалл они с рождения воспринимали, да и теперь продолжают воспринимать образы мира и потому являются своего рода средством экстренной связи и системой оповещения о серьезных событиях, требующих вмешательства Трех Варов, а то и более высоких сил, – ответил Рэт. – Эти способности жриц у всех на виду. Узнать же о них что-то большее – трудно. Ведь храм хоть и открыт для всех, но жрицы держатся особняком, почти не вступая в прямые контакты с внешним миром. Потанцевать перед народом в храме ритуальные танцы, помахать ручкой с балкона, раздарить улыбочки, но не более. Не то чтобы это было запрещено канонами, но такова традиция. Считается, что чем более внимания жрица будет уделять миру внешнему, тем менее внимательно станет она относиться к своему дару чувствовать и связи с Жиотоважем.

– Значит, то, что сейчас к нам в составе полного посольства направляется жрица, – случай редкий? – оживилась богиня.

– Да, это очень высокая честь, такие прецеденты бывали нечасто, – поразмыслив, ответил Рэт, тщательно пережевывая здоровенный кусок сладкого пирога с ромово-абрикосовой начинкой и рубленым миндалем.

– Элия, открой, я знаю, что ты здесь. – Массивная, укрепленная заклинаниями дверь кабинета содрогнулась от сильнейшего удара кулаком. И отлично знакомый суровый голос подсказал богине, что это тактично постучался принц Нрэн.

– Принесли демоны желанного гостя, – недовольно фыркнул шпион с под завязку набитым ртом. – И что теперь прикажешь делать, королева моя дорогая? Может, мне под стол спрятаться? А то ведь его грозное высочество сразу поймет, что мы занимались здесь грязным развратом и прочими восхитительными вещами, возревнует, схватится за меч и не пощадит моих цветущих юности и таланта.

– Нет уж, нечего у меня под столом пыль собирать, сиди, как сидел, а я выйду к Нрэну, – решила принцесса и с тяжелым вздохом встала с кресла. – Но смотри, не съешь весь абрикосовый пирог, а то я смертельно обижусь и жестоко отомщу: пожалуюсь кузену, что ты меня изнасиловал.

– Я больше не возьму в рот ни крошки, милая, – тут же поперхнувшись куском, клятвенно пообещал Рэт двери, закрывающейся за спиной Элии, и потянулся к другому лакомству – «Шкагулке Шатилье» из миндаля и лесных орехов, скрепленных нугой, наполненной липовым медом с фруктовыми цукатами.

– Я узнал, что ты в Лоуленте, – тихо пробормотал Нрэн, как всегда разом утратив всю свою решительность, самообладание и красноречие при виде прекрасной кузины, представшей перед ним.

– Прекрасный день, дорогой, – кивнула Элия. – И что?

– Ты говорила, что хочешь побыть одна, отдохнуть на Эйте от общества, – с некоторым намеком на претензии сказал принц, ревниво приносясь к ароматам изысканной пищи и мужчины, которые просачивались из кабинета. – А теперь ты здесь...

– Меня вызвал государь. Я выполняю его поручение, – отрезала принцесса, больше всего на свете ненавидевшая ревнивые попреки. – Как, впрочем, думаю, и ты.

– Да, мне приказано отправиться в Альхасту, демонстрировать военное присутствие. Но я не мог этого сделать, не повидавшись с тобой, – вздохнул бог и выдал из себя еще одно предложение: – Я соскучился, три луны – это очень долго.

Элия задумчиво смотрела на кузена, с мрачной иронией размышляя над тем, что Нрэн, даже став ее постоянным любовником, так и не научился словесно выражать свои чувства. Куда лучше ему, немногословному и нелюдимому от природы, удавалось их практически доказывать. Безумные ласки и дорогие подарки были единственным доступным принцу языком любви. Вот и сейчас он в свойственной ему немногословной манере практически умолял о свидании, а в его устах это звучало как составление графика движения наемных экипажей. Наверное, бог все еще мучительно боялся сказать или сделать что-нибудь не то. Каждый раз, когда принц говорил, у Элии создавалось впечатление, что он ступает по тонкому льду и думает только о том, что вот-вот с головой уйдет под воду. Самым страшным кошмаром для бога оставалась перспектива ссоры с кузиной и захлопнувшаяся навсегда дверь ее спальни. Может быть, поэтому он так чудил: то старался всеми силами избегать ее, то неотступно следовал по пятам, то безмолвно повиновался, то пытался предьявлять права. Кроме того, в душе Нрэна все еще продолжалась безнадежная борьба между стремлением к бесстрастному покою и жадой любви.

Богиня была прекрасно осведомлена обо всех перипетиях внутренних переживаний кузена, и наблюдение за этим процессом доставляло ей ни с чем не сравнимое эмоциональное и интеллектуальное удовольствие...

Пока принцесса молчала, бог застывшей статуей ожидал приговора, засунув большой палец правой руки за кожаный ремень брюк.

– Когда ты уходишь? – спросила наконец женщина.

– Уже должен отправляться, – признался принц и снова вздохнул, бросив тоскливый взгляд в сторону спальни.

– Я свяжусь с тобой вечером, – дала слово принцесса. – Но позаботься о том, чтобы в твоей новой ставке нашлась хоть одна приличная кровать.

– Найдется, – осипшим голосом торжественно пообещал Нрэн, пожирая богиню глазами.

– Тогда до ночи, – попрощалась принцесса, проведя пальчиком по рубашке кузена до самого ремня и заметив с искушающей улыбкой. – Целовать я тебя не буду, дорогой, а то не сможешь уйти.

Резко кивнув, Нрэн согласился с принцессой и, развернувшись, вышел из покоев богини решительным шагом, опасаясь, что у него даже сейчас может не хватить силы воли на то, чтобы покинуть возлюбленную.

– Ну что, спровадила своего зловещего длинного кузена? – вольготно развалившись в кресле, полюбопытствовал Рэт, когда Элия вернулась.

– Спроварила, мой безобидный короткий друг, – в тон шпиону отозвалась принцесса. – Где моя доля пирога? Надеюсь, ты внял предостережению и оставил кусочек?

– Оставил, – возмущившись эпитетом «короткий», фыркнул Грей и мстительно продолжил, аппетитно причмокивая: – Боясь, что тебе не хватит пирога, королева моя дорогая, я ел только «Шкатулку Шатилье», ты ведь все равно говорила, что не любишь нугу и липовый мед.

– Когда это я говорила такую чушь? – грозно нахмурилась Элия, занимая свое кресло и придвигая к себе блюдо с пирогом.

– Ну я уже и не припомню точно, – беспечно пожал плечами Рэт, торопливо отправляя в рот последний кусочек лакомства и прикладываясь к бокалу.

– Сволочь, – смирившись с потерей одного из элементов десерта, отпустила беззлобный комментарий принцесса и, оставив пирог, занялась меренгами со взбитыми сливками, посыпанными темной шоколадной крошкой и дроблеными орешками.

– Да, – гордо согласился шпион с хитрой улыбкой. – А тебя, милая, к другим и не тянет. Мы же, сволочи, самые интересные и обаятельные. Не будешь ведь утверждать, что в том же Нрэне тебя, как других наивных романтических дурочек, соблазнили большой меч, суровое лицо и слава великого воителя?

– Ты прав, сволочи куда интереснее порядочных людей, – невольно улыбнувшись в ответ, согласилась Элия. – И знай дамочки, какой негодяй мой великий братец на самом деле, наверное, бежали бы от него за тридевять земель. А может быть, и нет, ведь к Энтиору они липнут пачками, а уж он-то своего дивного характера и склонностей нисколько не скрывает. Наверное, это похоже на тягу бабочек к огню. С моей точки зрения, существа высокоморальные зачастую не слишком отличаются друг от друга, тогда как экземпляры мерзавцев подчас весьма забавны, оригинальны и интересны для детального изучения во всех аспектах.

– Значит, чтобы прельстить тебя, нужно быть оригинальным мерзавцем, – довольно констатировал Рэт. – Сказать, что ли, герцогу Лиенскому, чтобы пускался в бега?

– Одно маленькое уточнение, – вставила принцесса, слизывая с ложки взбитые сливки. – Нужно быть привлекательным для меня мерзавцем. Герцога же Лиенского я не хочу, пусть возжигает огонь страсти в какой-нибудь другой леди. А теперь хватит трепаться о моих сексуальных предпочтениях, скажи лучше, кого из этой оравы ты знаешь.

Элия сплела заклинание статичной объемной иллюзии, и перед мужчиной возник групповой портрет посольства Жиотоважа, в точности такой же, как показывал принцессе Источник.

Рэт внимательно посмотрел на изображение и тотчас же зацепил взглядом первую жертву – мужчину с явно эльфийскими точеными чертами аристократического лица без всяких следов возраста, одетого с изысканной простотой.

– Ого! – удивленно присвистнул шпион, ткнув пальцем в направлении «моментального фото». – Да это же Высший вар Монистэль ист Ваяр собственной персоной. Кто бы мог подумать, что он решится на столь далекое путешествие? По слухам, Монистэль уже очень давно нигде не бывал, кроме лесов родичей по материнской линии. Из всех ныне здравствующих правителей в нем старинная кровь первых варов наиболее сильна – он полубог из разряда улаживающих конфликты.

– Любопытно, – согласилась принцесса, не без интереса изучая изображение симпатичного мужчины с богатым жизненным опытом и странным для этого опыта целомудрием.

– А вот та любопытная малышка в зеленом платье с одним рукавом, с кучей черных косичек, густой челкой и глазами раненой газели – средняя жрица храма Кристалла, просто Ижена – попадая в храм, они утрачивают родовое имя. Шесть лет назад она была младшей жрицей, – предупреждая вероятный вопрос, сам пояснил Рэт, пододвигая к себе восхитительно благоухающую вазу с россыпью шоколадных конфет.

– Что еще? – нахально вытащив из вазы под носом у Грея как раз ту самую конфету на которую он положил глаз, мстительно улыбнулась Элия, отыгрываясь за съеденную без ее вмешательства «Шкатулку».

– Парень справа от вара Монистэля, тот, что стоит с таким видом, будто сейчас заснет или еще не просыпался, вар Мичжель ист Трак, любимый племянничек леди Далички, – продолжил Рэт, бросив на принцессу укоризненный взгляд. – Специализация у него близка

к призванию твоего брата Дджея, с легким уклоном на шпионаж, хотя квалификация, разумеется, не столь высока. Он ведь всего лишь человек. Но для его уровня силы и возраста способности гораздо выше средних, довольно разнообразны и вполне дотягивают до звания таланта. К тому же остряк не из последних, что весьма удачно скрывается видимостью апатии и от того вдвойне оригинально. Дама рядом с Иженой – леди Магжа иста Налиж – кузина Яворека.

– Тоже любимая? – иронично уточнила Элия, сцапав трюфель с орешками фирхью и придирчиво изучая роскошную черноволосую красотку с белоснежной, как у вампиров, кожей и оранжевыми радужками хищного разреза глаз.

– Не знаю, – фыркнул шпион. – В отношении вара Яворека вообще трудно употребить это понятие. Почти во всем, что не касается звонких кругляшей, он холоден, как от мороженая рыба, бабочек, опять же, коллекционирует. Но Магжа считается его официальной приемницей, и он заботится о подобающем развитии ее способностей и воспитании. Кое в чем даже сам наставляет. Хотя дама она темпераментная. Любовники говорят – порох-девица.

– Мальчикам понравится, – усмехнулась принцесса, смакуя конфету. – Хоть какая-то выгода от того, что придется опекать посольство.

– Королева моя дорогая, этих выгод у них во всех мирах полно, только пальцем помани, – язвительно, с некоторой долей зависти заметил Рэт. Его женщины, впрочем, тоже любили, но шпиону казалось, что он пользуется у дам несколько меньшей популярностью, чем принцы. Их, во всяком случае, за нос при встрече никто не тянул, зато восхищенные взгляды и глупые улыбки сыпались как из рога изобилия. Отпустив шпильку, Грей продолжил рассказ: – Кроме этих ребятишек в лицо я знаю только Фаржа ист Вальк. Дядя из тех, кому охотно покровительствует твой драгоценный длинный кузен. К твоему сожалению, не только женат, но и верен. Судя по одежде и регалиям, в посольство так же входят почетная стража, пять чиновников-консультантов для составления официальных документов, блюститель протокола, хранитель печатей, два каллиграфа, флейтист, лютнист и шайтист для музыкального сопровождения жрицы. Прочую шушеру я не знаю. Если тебе необходимо уточнить назначение всех этих человечков, могу навести справки, хотя это скорее дело принца Мелиора. Он все-таки дипломат, а я просто маленький шпион, – не удержался от шпильки Грей.

– Да, пожалуй, – согласилась принцесса. – От тебя мне нужно было только опознание самых высокопоставленных членов посольства. Расскажи все, что знаешь об Ижене, Магже, Мичжеле и Монистэле.

Лопая конфеты, шпион начал припоминать то, что ему было известно о вышеуказанных господах и их взаимоотношениях...

...Легко сказать: «Я пошел искать Бэль», но гораздо труднее действительно обнаружить маленькую егозу, шныряющую по замку и его окрестностям, общий периметр которых достаточно велик. По собственному опыту случайных столкновений Джей знал, что принцесса может скрываться в Садах, и тогда найти ее практически невозможно, пока эльфиечка сама того не захочет. А еще Бэль может играть в конюшнях и на заднем дворе с ребятней прислуги, ошиваться на кухне и слушать философские рассуждения старшей поварихи, лазить в замковых подземельях... и так далее и тому подобное. Словом, юная леди может с равной вероятностью быть в тысяче мест одновременно.

Не мудрствуя лукаво, принц решил начать с простейшего варианта: спросить, где находится ее подопечная, у няньки Мирабэль. Хотя сестренке уже стукнуло двенадцать, она упорно отказывалась расставаться со старушкой Нэни, все прощающей неугомонной шалунье.

Несколько попыток воителя Нрэна приставить к девочке гувернантку строгого нрава, какая и положена принцессе, пошли прахом. Спесивые леди, обнаружив поутру в постели пару очаровательных синих лягушечек или пушистую змейку, очень быстро теряли все свое высокомерие и раздражались истошными визгами. А все то время, пока дамы не жаловались на невинные проделки Бэль, они вынуждены были разыскивать девочку, которая «вот только что, секунду назад, была здесь», а теперь уже исчезла в неизвестном направлении, поэтому совокупная продолжительность благого влияния воспитанных леди на Бэль сводилась к пятнадцати – тридцати минутам в сутки.

Постепенно и сам Нрэн осознал, что его усилия по подбору безукоризненных кандидатов с безупречными манерами бесполезны. Правда, принц был твердо уверен, что дам он подобрал верно, просто сестра ему попалась какая-то неправильная, не способная оценить по достоинству его заботу и все прелести воспитания юной леди. После некоторой нравственной борьбы и тяжелых споров с Элией воитель сдал позиции, и Нэни вернула себе все права по опеке малышки.

Джей разыскал няньку в покоях Бэль – та мирно вязала крючком какую-то вещицу – и счел это добрым знаком. Поскольку старушка не носилась, тяжело пыхтя и всплескивая руками, по всему замку, значит, знала, где сейчас находится ее подопечная. Дик, зверюшка сестренки, спал в корзинке у ног старой женщины.

– Прекрасный день, Нэни, – небрежно поздоровался принц.

– И вам всего доброго, ваше высочество, – с ласковой доброжелательностью, без малейшей тени заискивания покивала головой старушка, не вставая со своего кресла и не прекращая работы.

– Что делаешь? – осведомился принц, благосклонно наблюдая за тем, с каким проворством движется крючок в казалось бы уже не гибких старческих руках.

– Девочке нашей, солнышку, воротничок на платье вяжу, – ответила няня.

– А где сама малышка? – бросил Джей.

– Так она, сердешная, как пообедала, с подругами в золотой гостиной за вышивкой сидит, – поведала старушка, причем принц ясно почувствовал ее неодобрение такого времяпрепровождения.

– Бэль увлеклась вышивкой? – искренне удивился мужчина.

– Вот уж нет так нет, ей бы, малышке, все проказить, бегать да играть в Садах со зверюшками, – фыркнула старушка, и ее яркие молодые глаза в лучиках морщинок заискрились смешинками. – Но его высочество, принц Нрэн, распорядились.

– Ясно, – сочувственно кивнул Джей, зная, с каким «энтузиазмом» сестренка встречает все идеи старшего брата, и поинтересовался. – А что за подруги-то?

– Девочки из лучших семей лордов Лоуланда, – с изрядной долей скептицизма в голосе ответила Нэни, цитируя небезызвестный источник. – Все, кто находится в подходящем возрасте, хорошо воспитан и достаточно знатен, чтобы считаться подругами ее высочества... Впрочем, мне, старой, этого никак не понять, как можно взять девочку и назначить ее чьей-то подругой. Стара стала, из ума, видать, совсем выжила...

Нэни тяжело вздохнула и сокрушенно покачала головой.

Отлично понимая, чьи рассудок и глубину интеллекта на самом деле имеет в виду несгибаемая бабуся, Джей широко ухмыльнулся и, распрощавшись со старушкой, отправился по ее наводке в золотую гостиную.

Очередное издевательско-воспитательное изобретение Нрэна, считавшего, что настоящая леди-принцесса должна уметь держать в руках иголку, доставило маленькой эльфичке немало неприятных минут. А садист Нрэн, при каждом удобном случае ставивший в пример Мирабэль идеальную леди – Элию, – на сей раз ни словом не обмолвился о том, что старшая

принцесса в жизни не держала в руках каких-либо ниток и игл, ну разве только отравленных или пыточных.

Итак, два раза в семидневку бедняжка Бэль должна была проводить полтора часа за нуднейшим и мучительнейшим, как ей казалось, занятием – вышиванием – в обществе разряженных кукол, все интересы которых сводились к детальному обсуждению новых туалетов, красивых камешков и подходящих партий для замужества. Предложения Мирабэль бросить все эти нитки, пяльцы и пойти в Сады поиграть в разбойников не находили отклика в сердцах юных леди. Девушки встречали слова принцессы недоуменными взглядами или хихиканьем и вежливо хвалили ее высочество за удачную шутку.

Пусть, по мнению девушек, Мирабэль была странным созданием, но у нее имелось одно неоспоримое достоинство – масса ослепительно красивых, интригующе романтических, овеванных зловещим отсветом тайны, безумно богатых, знатных и, самое главное, *нежсена-тых* родственников. Следовательно, юные леди были уверены, что с Бэль нужно дружить, ну, во всяком случае, очень стараться это делать.

Так что появление в золотой гостиной принца Дджея было встречено с большим энтузиазмом. В ответ на его: «Прекрасный день, юные леди!» – Девушки дружно ахнули и зарделись от хорошо разыгранного, а частично и неподдельного волнения. Потом юные кокетки скромно потупились и, бросая томные взгляды из-под ресниц, зашелестели платьями, приседая в изящных реверансах, кои являлись плодами многочасовых репетиций перед большими зеркалами. Пяльца с незаконченными узорами из птичек, розочек, васильков и прочей дребедени были мгновенно забыты.

Но громче всех и, пожалуй, искреннее всех обрадовалась визиту брата Мирабэль. Она уже почти две луны не видела Дджея и успела по нему основательно соскучиться.

– Джей! – радостно завопила Бэль и, кинувшись к богу, повисла у него на шее, болтая ногами от избытка чувств. Крепко обняв сестренку, принц тепло улыбнулся ей, потерся своим острым носом о курносую кнопку девчушки, и, подмигнув, весело заявил:

– Привет, егоза! Соскучилась?

– Ага! – закивала Бэль, и не думая отпускать шею брата. Тем более что на охристом жилете у него болталась новая брошка, которую следовало хорошенько рассмотреть и потрогать – серебряный паучок с янтарным брюшком в переплетении позвякивающих цепочек.

– Тогда пошли, погуляем! Прелестные юные дамы, с вашего позволения, я похищаю у вас это сокровище! – вежливо кивнув, изрек Джей и, окинув оставшихся молоденьких девчушек цепким оценивающим взглядом опытного сердцеда (всегда полезно знать, каковы молодые розочки в старом цветнике), вышел из комнаты, по-прежнему неся на руках довольно попискивающую сестренку.

Еще бы той было не радоваться: во-первых, Бэль всегда скучала по братьям и ликовала, когда встречала их, вернувшихся из странствий по мирам, а во-вторых, Джей значительно сократил срок ее занятий, утащив из зала за целых полчаса до окончания мучений.

– А что ты мне привез? – с требовательным любопытством спросила принцесса, радостно поблескивая глазами от предвкушения, когда Джей опустил ее на пол. Соскучившаяся по брату малышка тут же крепко вцепилась в его руку, чтобы тот и не пытался ускользнуть.

Сам факт того, что Джей что-то привез ей в подарок, даже не ставился под сомнение. Ведь давно уже стало традицией, что из своих странствий братья всегда привозили ей какие-нибудь интересные подарки: игрушки, красивые статуэтки, детские украшения из полудрагоценных камней, шкатулки, книги и сотни других вещей, которые, на взгляд взрослых, могли понравиться девчушке.

Так что, заранее перерыв содержимое своих почти бездонных карманов и сумки, принц отобрал из изрядной горы всякой всячины, купленной, а по большей части искусно наворованной в мирах, несколько сувениров для сестренки.

– Что я тебе привез, детка? – переспросил с хитрой полуулыбкой принц. – Всего сейчас и не припомню. Пойдем, проверим!

И маленькая, но очень теплая компания, в равной степени горя огнем предвкушения, наперегонки ринулась к комнатам принца. Девчужке не терпелось узнать, какие подарки приготовил для нее брат, а Джею хотелось посмотреть на любопытный блеск и искренний восторг в глазах малышки, услышать восторженные выкрики, которыми будет сопровождаться процесс получения гостинцев.

Как ни выпендривался принц, толкуя о том, что возиться с Бэль будет для него непосильной обузой, но на самом деле бог и сам получал немалое удовольствие от общества сестренки. В искреннем свете ее нежной любви оттаивали самые черствые сердца, давно позабывшие о том, что иногда бывает приятно отдавать просто так, ничего не требуя взамен.

Глава 3

Новые предложения и старые знакомые

– Прекрасный вечер, мальчики, – благосклонно кивнула принцесса, появляясь на открытой галерее перед братьями.

Двое элегантных, словно сошедших с парадной картины, принцев коротали время за разговором, ожидая сестру. Мелиор, задумчиво касаясь подбородка холеными пальцами, попутно плел маленькое заклинание статиса для стола, на котором уже стояли приборы и блюда с яствами. Рубашка принца из тонкого шелка, казавшаяся еще более белоснежной, чем сам белый цвет, контрастировала с легкими черными брюками бога. Даже эстет и знаток этикета Мелиор, делая скидку на теплую летнюю пору, не стал одеваться по полной программе к семейной трапезе. Энтиор избрал ту же форму одежды, только рубашку он предпочел широкого кроя, бирюзового оттенка, выгодно оттенявшего его глаза и камешки в нескольких дорогих перстнях. Модный отложной ворот тонкого кружева открывал шею принца, что показывало высшую степень доверия вампира к собеседникам.

При виде богини братья тут же расстались с креслами и поспешили ей навстречу:

– Прекрасный вечер, дорогая!

Склонившись в поклоне, Мелиор коснулся руки принцессы легким поцелуем и отступил, с некоторой завистью наблюдая за тем, как Энтиор, следуя вампирским обычаям (он безукоризненно следовал им всегда, когда ему это было удобно), поцеловал запястье сестры, а потом и нежную шею Элии.

– Ты как раз вовремя, дорогая, все уже готово, – заметил бог гурманов, отвлекая внимание женщины от приветствий вампира, и снял заклинание с яств.

– Я все всегда делаю вовремя, – с усмешкой ответила принцесса, присаживаясь в то кресло, с которого открывался наилучший вид на Сады.

Окинув блюда благосклонным взглядом, богиня похвалила Мелиора:

– Если вкус этих чудесных блюд соответствует запаху и виду, то, боюсь, дорогой, мы просто не в силах будем оторваться от еды и обсудить наши дела, как договаривались.

– Ты льстишь, милая, моему ничтожному таланту, но я буду просто счастлив, если трапеза придется тебе по вкусу, – скромно потупился Мелиор, пряча в уголках губ довольную улыбку.

– Можешь быть уверен, – безапелляционно заявила богиня и магическим жестом перенесла поближе к себе легкую закуску: фунтики из хрустящего теста с начинкой из четырех видов сыра и салат из листьев ташина с мандаринами, кедровыми орешками и маковым соусом.

Мелиор предпочел начать с салата из зелени, варено-копченой телятины и сыра моцарелла, а Энтиор остановился на куриных крылышках в винном соусе.

Немного посмаковав любимое блюдо, Элия все-таки нашла в себе силы подумать о делах и спросила у Мелиора:

– Как прошел день?

– Апартаменты выбраны и почти полностью готовы к приему посольства, – небрежно заметил Мелиор, зная, что сестра и так оценит грандиозный объем работы, который ему удалось повернуть за столь короткий срок. А о том, что большую часть этой самой работы под чутким руководством принца проделали управляющий, слуги и прочие подневольные существа и сущности, безжалостно гоняемые богом сибаритов, тот скромно умолчал. И то правда, ведь сам процесс организации и координации работ был нелегким делом. – Завтра займусь подновлением чар защиты.

– Они так ослабли? – выгнула бровь принцесса.

– Кое-где нужно подправить, внести коррективы в соответствии со спецификой гостей, – пожал плечами Мелиор. – У меня есть пара новинок на примете.

Даже несмотря на наличие антипрослушивающего заклинания, боги говорили очень сдержанно, и постороннему наблюдателю, не сведущему в тонкостях происходящего, легко могло показаться, что дети Лимбера и в самом деле добросовестно пекутся о благе послов.

– Например? – заинтересовалась богиня.

– Кристаллы настроения, – с самодовольной улыбкой намекнул принц. – Дивная коллекция горного хрусталя в шкатулке Миреахилия. Я свяжу ее эмпат-нитями, вплетенными в заклинания защиты апартаментов наших гостей. Мы сможем чутко реагировать на их состояние, следить, чтобы всем было удобно.

– Возможно, кому-то понадобится сменить обстановку, сделать освещение более приглушенным, с влажным климатом и затенением. Мы должны быть в курсе, – согласился вампир с хищной улыбкой и элегантно впился в очередное крылышко острыми зубами.

– Хорошая идея, – одобрила замысел брата принцесса. – А что у тебя, Энтиор?

– Я не специалист в области работы с литературой, для этого отцу следовало бы вызвать Элтона. Уж он-то бумаги ворошить просто обожает, и чем более плотным слоем пыли они покрыты, тем больший восторг у него вызывают.

– Да, ты предпочитаешь работу с живым материалом, – согласилась с ироничной усмешкой Элия, делая глоток вина.

– О, ты же знаешь, я люблю чувствовать отдачу, находить контакт с информатором, проникать в его чувства, будить боль и страх, – промурлыкал принц, жмурясь от удовольствия, как поймавший жирного голубя кот. – Чувствовать сопротивление достойного противника, ломать его. Это такая восхитительная приправа к знанию.

Мелиор кивнул, со знанием дела согласился с братом, положил себе телятины под грибным соусом и коротко заметил:

– Всегда приятно видеть, что бог обожает свою работу и гордится ее сутью.

– Мы уже поняли, дорогой, что работа в тесном взаимодействии с живыми существами тебе несравненно ближе и милей, но хороший Дознаватель способен вытащить нужную информацию и из мертвого листа бумаги, – подтолкнула принца к продолжению рассказа богиня.

– Да, – важно кивнул Энтиор, обращая свой взор к медальонам из утиной печени. – Этим я и занимался, милая. Кое-что, заслуживающее твоего благосклонного внимания, у меня есть. Пришлось вызвать заклинание поиска «по эманации имени». В нашей библиотеке не слишком много книг о провинциальных мирах. Я нашел и просмотрел все, что мог, проверил информацию через заклинание истины. Но ты же знаешь, дорогая, даже заклинание Высшей истины для запечатленных текстов срабатывает не всегда – если автор уверен, что писал правду, при ряде условий проверка может не выявить лжи.

– Это известно и ребенку, брат, рассказывай, – попросила принцесса, переходя к ножкам цыпленка без косточек, маринованным в тимьяновом соусе со сладким перцем и жареным на гриле.

– Все стоящие вашего внимания сведения я запечатлел на кристалле воспроизведения, если желаешь, можешь ознакомиться с ними прямо сейчас. Я не буду утомлять вас пересказом хроники этой тихой провинции, – ответил бог, извлекая из декоративного черного бархатного кошечка на поясе небольшой сапфир. – А впечатление того, что Жиотоваж именно таков, у меня сложилось устойчивое. Конечно, – тон принца стал предупредительным, – и Дознаватель может ошибаться, работая с мертвой бумагой. Или же в Лоулэнде слишком мало важных сведений об этом мире. Но когда я извлекал тома со стеллажей и перетаскивал к

своему столу, мне начало казаться, что книг в королевской библиотеке явный избыток и они чрезвычайно тяжеловесны. Почему у нас до сих пор нет библиотекаря?

– Потому что вы с Мелиором первыми поднялись на дыбы, когда лет тридцать назад бедняги Элтон и Ментор, умаявшись с составлением последнего магического каталога, предложили подыскать кого-нибудь на должность штатного Хранителя книг, – фыркнув, выдала справку принцесса. – Меня в это время в Лоуленде не было, а голоса Дознавателя и Паука, отданные на Малом семейном Совете за сохранение тайны, зарубили ценную идею на корню.

– Теперь, под давлением неопровержимых, можно сказать, веских доказательств, мое мнение изменилось, – пожал плечами и невинно улыбнулся вампир, накалывая на вилочку ломтик печенки.

– А как насчет разглашения информации? – слегка нахмурившись, поинтересовался Мелиор. – Мы ведь возражали именно потому, что случайный человек мог получить доступ к опасной информации, не предназначенной для его ушей и глаз, возможно даже не предназначенной ни для кого из богов. У нас в библиотеке порой появляются очень странные фолианты.

– Но ведь есть же для этих целей какие-нибудь охранные заклинания, – небрежно отмахнулся принц. – Элия?

– Да, конечно, на стеллажах с книгами, доступ к которым должен быть ограничен, и так стоит заклятие упреждения или запутывания, промаркированы им и отдельные особенно опасные или важные тома. Никто из посторонних не может даже раскрыть их, не то что вынести за пределы залов. В случае необходимости эти чары можно усовершенствовать, – кратко ответила богиня, подставляя лицо ветерку, прилетевшему из Садов и напоенному запахами цветов и трав. Шалун тут же принялся играть прядями волос принцессы. – Что же касается забредающих в нашу библиотеку фолиантов, Мелиор... да, среди них частенько обнаруживаются зловещие гримуары, но степень сознания этих книг такова, что они открываются лишь в тех руках, для которых предназначены, или же нарочно попадают в первые попавшиеся. В этом случае будет лучше, если на них напорется именно смотритель, связанный с библиотекой Клятвой Охраны. Книги, если смогут, защитят его и не дадут чужой сущности завладеть принадлежащим им существом.

– Ты права, дорогая, но мне претит сама мысль о том, что книги, хранящие в себе тайны королевской семьи, будут находиться на глазах у кого-то чужого, – поморщился интриган Мелиор, пригубив бокал красного вина «Алый закат». Ветерок, казалось, знал, что принцу не понравятся его заигрывания, и предусмотрительно не стал касаться изысканно уложенных волос щеголя. – Вдруг найдется способ использовать их против нас. И все только потому, что нам лень вынуть пару книг собственными руками. Нет, не спорю, конечно, лень, но все же, все же...

– Значит, к чарам охраны информации нужно добавить что-нибудь от излишней болтливости, – рационально подошла к вопросу Элия, уже думая о чем-то своем и ехидно улыбаясь.

– Разумно, – оживился Мелиор, коснувшись пальцем подбородка. – Ты уже что-то решила насчет кандидатуры, дорогая?

– Да, пожалуй, – кивнула богиня, и серые глаза ее заискрились лукавыми смешинками. – У меня есть на примете один субъект, уже оказавший значительную услугу короне и Источнику.

– Он умен, но мал ростом и неказист? – саркастически поинтересовался Энтиор, все-рез подозревая, что Элия протезирует кого-то из своих любовников или обожателей.

Нет, личные симпатии богини никогда не мешали ей трезво смотреть на вещи, но и дураки никогда не привлекали сиятельную принцессу. А значит, среди громадной толпы раз-

нообразных поклонников, к вящей ревности принцев, легко мог найтись какой-нибудь красавчик, просто рожденный для должности Хранителя Королевской библиотеки.

– Угадал, милый, – со смешком согласилась богиня под удивленными взглядами братьев. – Ну что ж, по поводу королевского библиотекаря я поговорю завтра с папой, а пока вернемся к нашей проблеме.

– Секундочку, любимая, – насторожился Мелиор. – Завтра? А как же вечерний отчет, который его королевское величество затребовало не далее как сегодня утром, отец ведь не успокоится, пока его не получит?

– С отчетом к папе пойдет кто-нибудь из вас, мальчики, у меня другие, более интересные планы на вечер. Можно сказать, свидание с еще одним информатором, – беспечно отмахнулась Элия.

– Ясно, – хором процедили принцы, понимая, что хотя им не нравится решение сестры, но спорить с богиней не только бесполезно, но даже вредно для здоровья. Они покорно склонили головы, ревниво гадая о том, кто же этой ночью удостоится чести стать личным «информатором» богини.

– Раз ясно, давай, Энтиор, драгоценный мой, кристалл, посмотрим, что тебе удалось раскопать, – потребовала принцесса.

– Слово-ключ «вар», – передавая предмет, вежливо подсказал вампир сестре, чтобы та не тратила времени на подбор.

Принцесса поднесла камешек к виску и, щелкнув по грани пальцем, шепнула пароль открытия доступа, одновременно посылая к кристаллу слабенький луч собственной силы. Все заключенные в кристалле сведения тут же стали доступны для просмотра. Богиня наскоро пробежала их мысленным взором, отмечая незначительные участки новой, заслуживающей внимания информации, и вручила камень Мелиору.

Пока тот проделывал ту же процедуру, Элия раскладывала по полочкам свежие сведения. С неудовольствием принцесса была вынуждена отметить, что их не так уж и много. Даже самые свежие книги о Жиотоваже, а за последние шесть лет в Лоулендскую библиотеку доставили несколько томов, описывающих подробную картину политико-экономической и культурно-магической ситуации в мире, не оставляли никакой зацепки, дающей основание думать, что цель визита посольства – острые внутренние или внешние проблемы, требующие помощи Лоуленда.

«Неужели все-таки дело в Джее?» – задалась вопросом богиня и тут же ответила самой себе, что делать такой вывод еще рано.

– Неужели все дело в мести? – эхом озвучил сомнения принцессы Мелиор, возвращая кристалл Энтиору. – Или у нас по-прежнему слишком мало фактов? – Бог выжидательно посмотрел на принцессу.

Теперь пришла ее очередь делиться информацией.

– Пока я склоняюсь ко второй точке зрения, – определилась богиня, постукивая острыми ноготками по подлокотнику кресла. – Какой вывод сделаете вы, посмотрим, а сейчас послушайте, что у меня есть по некоему давнему, малоизвестному преступлению и свежему посольству. Но прежде – еще вопрос. Энтиор, о мирах, соседствующих с Жиотоважем, ты информацию не подбирал?

– Обижаешь, стради, я пытался это сделать, но таковой еще меньше, и они совершенно не стоят нашего внимания, – капризно надул губы принц. – Если Жиотоваж можно назвать тихой уединенной провинцией, то вокруг располагаются миры, к которым больше подходит название «топь». Кроме простого перечисления соседей – на кристалле это было – в библиотеке есть всего две книги, косвенно связанные с близкими мирами. В вольном переводе – «Кандалы страсти» Гредхар ара Крастдпа – легкий порнографический роман из союзного Жиотоважу Вичтбаара, мира ассимилировавшихся демонов – вещица забавная, но для

наших нужд бесполезная. И «Искусство та-кши, или Оборонительные сооружения мира» Нара га Дзи ка Трина. Это толстенный трактат из мира Дзаайни. Судя по манере изложения и иллюстрациям, мир из тех, которые так любит наш воинственный кузен: предельная четкость во всем, основанная на традициях, и абсолютная замкнутость на самих себе.

– Прекрасно, – буркнула принцесса.

– Да? – склонив голову набок, удивился Энтиор такому выводу сестры.

– Философы говорят, дорогой, что отсутствие результата – тоже есть результат, – пояснила свою мысль принцесса и, создав маленькое специфическое заклинание «иллюзия для избранных», которое не мог увидеть никто, кроме нее самой и двух ее братьев, начала иллюстрированный рассказ о жиотоважском посольстве и деле Джея. Элия излагала все, что считала важным и необходимым довести до сведения Мелиора и Энтиора.

Принцы сосредоточенно слушали, внимательно изучая и запоминая лица членов посольства, отмечая в памяти их возможные слабости и предпочтения, которые тоже легко могли обратиться в уязвимые места. Когда богиня вкратце охарактеризовала всех основных членов посольства, Энтиор задумчиво спросил:

– Как ты считаешь, дорогая, вполне ли уместно то, что посольство, возглавляемое полуэльфом, будет встречать и развлекать вампир? Может быть, отец не учел крови вара Монистэля и поторопился с моим назначением?

– Я вынуждена тебя разочаровать, милый. Вар Монистэль полубог с талантом улаживания конфликтов, и не в его характере закатывать истерики по пустякам. Ты принц Лоуленда, Лорд Дознаватель и знаток этикета. Именно в этом качестве и должен будет воспринимать тебя вар. Как бы тебе ни хотелось улизнуть от работы, не выйдет, – отрезала принцесса и под томный вздох вампира вернулась к спокойному рассказу.

Эту идиллию нарушило заклинание вызова, со звуком порвавшейся гитарной струны взрыв разнесшее «иллюзию избранных». Трое лоулендцев рефлекторно напряглись, готовя смертельные чары и оружие.

– Еще с сапог пыли не утерев, спешу припасть к ногам прекраснейшей из дев, – радостно процитировал отрывочек из пьесы романтического лорда Лольо восторженный несколько больше обычного герцог Лиенский и подарил принцессе лучезарную улыбку.

«Опять этот невозможный нахальный мальчишка!» – почти вслух прозвучала яркая мысль, исполненная дуэтом. Заслышав до боли знакомый голос, принцы перекошились так, словно разом слопали по три кислующих лимона, никогда не видевших ласки солнца. Синхронно взметнулись две руки – правая Энтиора и левая Мелиора – и театральным жестом прикрыли полные муки глаза тонкими пальцами. Остальная часть божественных ликов оказалась скрыта кружевной пеной манжет.

– Привет, леди Ведьма! Я вернулся! – провозгласил Элегор, швырнув свой дорожный мешок в угол комнаты родового замка, и прямо в пропылившемся черном костюме небрежно хлопнулся в кресло. – Сильно соскучилась? – осведомился герцог, по старой урбопривычке, подхваченной у Лейма, задрал ноги на маленький столик. Трех бутылкам лиенского и вазе с виноградом пришлось несколько потесниться.

– Словами не передать, – честно ответила богиня, капельку злясь на приятеля за дерзкое разрушение ее заклинания.

– Так когда я могу тебя посетить, чтобы ты, узрев меня, могла утолить свою тоску? – нахально поинтересовался мужчина.

– Свяжись со мной завтра, договоримся. А пока отряхни пыль с сапог, а то на порог не пущу, – шутя пригрозила Элия.

– Если не удастся известить все пылинки, я приду босиком, драгоценная, ибо мечтаю о встрече, – поклялся Лиенский и продолжил особым томно-мечтательным тоном, рассчитан-

ным на то, чтобы вызывать зубовой скрежет у ревнивых братцев принцессы. – Мне столько нужно тебе поведать...

– Ой, а что это? – заинтересовалась богиня внезапно заколыхавшейся рубашкой Элегора.

– Это – дерзкий нахал, герцог Лиенский, дорогая, – отведя на пару секунд руку от глаз, «вежливо» напомнил сестре Мелиор, метнув в негодея, помешавшего серьезному разговору, ледяной взгляд, составивший серьезную конкуренцию лучшим ледяным взорам из репертуара принца Энтиора – большого специалиста по психологической заморозке врагов.

– Да, это то самое странное существо, которому ты почему-то благоволишь, – поддержал брата Энтиор, не снизойдя до пристального рассматривания герцога.

– Я не о том, мальчики, – небрежно отмахнулась богиня от словесных выкрутасов принцев и любопытствовала: – Что это у вас шебаршится за пазухой, герцог?

– А, – рассмеялся Элегор, выживая из-под рубашки маленького взъерошенного зверька. Тот сонно затрепыхался, разразился чередой негодующих визгов, выражая серьезное недовольство по поводу своего извлечения из теплой и уютной норки, и попытался тяпнуть герцога за палец. – Это Стэфф! – гордо провозгласил мужчина, ловко убрав свой большой палец подальше от острых маленьких зубок щенка куницы. – Безмерно завидуя тому, что у тебя есть Диад, я тоже решил наконец обзавестись чем-нибудь агрессивным и кусачим, но несколько меньших габаритов и другого вида, дабы меня не заподозрили в подражательстве моде. Хочешь, я принесу его завтра познакомиться с тобой?

– Почту за честь, – рассмеялась богиня, наблюдая за попытками маленького, юркого, но еще немного неуклюжего животного вывернуться из цепких пальцев герцога.

Элегор радостно улыбнулся в ответ и, махнув на прощание свободной рукой, отключил заклинание.

Принцы тут же отвели аристократические длани от глаз, не желавших созерцать паясничавшего герцога, и позволили себе несколько томных вздохов облегчения. Богиня же, как всегда проигнорировав очередную изысканную ноту протеста, восстановила загубленную нетерпеливым Элегором иллюзию и как ни в чем не бывало продолжила рассказ...

В хорошо укрепленном замке, расположенном в часе пути от перекрестка семи Дорог Между Мирами, нервно измерял длину и ширину комнаты воитель Нрэн. Сразу после разговора с Элией он отправил свои войска через южный телепорт в Альхасту, один из союзных, сильно зависимых от Лоуланда миров. Проведя мысленную рекогносцировку, бог решил, что разумнее всего для урока наглядности будет расположить отряд не в столице Астхале, а в замке Браста, недалеко от Путей Миров. Конечно, Нрэн и сам обладал властью создавать Врата, но сейчас речь шла не о возможности быстрого перемещения, а о видимости этой возможности.

Вот почему графу Вахе Браста и его немногочисленному семейству выпал горький жребий принимать у себя почетных, но совсем неожиданных и нежеланных гостей. Три тысячи лет протектората Лоуланда сделали свое дело. Замок Браста, вернее, новый замок, отстроенный на месте не раз разрушенного во время войн старого, был точной копией воинственной цитадели прошлого, а вот нравы его обитателей и численность гарнизона изменились сильно. Ваха никогда не считал себя героем и прекрасно понимал, что те далекие времена, когда Альхаста была ареной жестоких сражений за власть, безвозвратно канули в Лету. Последний граф Браста походил на своего воинственного деда Харана-Щепу разве что легендарной худобой. Не передалась сыну и торговая сметка отца, благодаря которой торговые караваны с перекрестка Семи Путей отстегивали немало звонких монет в гостиницах и трактирах на дороге.

С возникновением сразу трех новых узлов-перекрестков близ столицы Астхалы редкие торговцы утруждали себя дорогой через Брасту. Далеко, скучно, невыгодно. Со временем здешние пути стали использоваться по большей части для служебных нужд чиновников, разъезжающих по Альхасте и сопредельным мирам с ревизиями провинций. Браста, представляющая им пристанище, получала компенсацию из казны и тем неплохо перебивалась.

Так что звучная песнь боевых горнов, далеко разнесшаяся по равнинной местности, сначала показалась Вахе продолжением послеобеденного сна, навеянного старинным рыцарским романом, но прибежавший с докладом гвардеец тут же уничтожил иллюзии графа. Очень скоро в темной туче, надвигающейся на замок, обливающийся холодным потом дворянин углядел через подзорную трубу знамена с серебряной розой и понял: идет армия Лоуланда.

Ваха велел всем чадам и домочадцам заниматься обычными делами, а сам повязал лучший шелковый галстук, застегнул на все пуговицы длиннополый камзол, пристегнул вечно мешающуюся перевязь с фамильным кинжалом, вышел во двор замка, сел на скамеечку и позволил себе запаниковать.

Вскоре прибыл гонец-лоулонец и возвестил графу о том, что никакой войны нет, просто в районе Браста будут проводиться учения, а его замку выпала честь стать ставкой главнокомандующего. Тут бы графу и успокоиться, подсчитывая размер государственной компенсации за прием таких «гостей», но на подсознательном уровне мужчина все равно продолжал испытывать безотчетный тихий ужас, который перешел в состояние животного страха, когда Ваха осознал, что в первых рядах войска едет сам главнокомандующий – Нрэн Лоуландский собственной персоной – великий воитель, совершенный убийца.

Под перепуганным взглядом худющего, как щепка, графа, который так и не потребовал от захватчиков никаких верительных грамот или разрешений, в какие-то два часа его родовое гнездо превратилось в ставку великого воителя. В окрестностях разбили палатки солдат, командный состав расквартировали в замке, вытеснив Брасту с чадами и домочадцами в малое правое крыло, предназначенное для редких гостей, забрав самые просторные залы для военных советов и развесив по стенам карты ближайших миров.

Отдав все необходимые приказы и лично проверив, что все сделано как положено, Нрэн велел подойти хозяину замка. Ваха, неотступно следивший за воителем загнанным взглядом, так, будто с минуты на минуту ждал оглашения смертного приговора себе и всему своему роду до седьмого колена, почти бегом, путаясь в собственных ногах, ринулся к принцу, нервно одергивая полы франтоватого камзола и теребя галстук стилия «попугай Арана». Принц спокойно смотрел на это безобразие. Он уже давно привык к тому, что внушает страх, заставляя трепетать души многих существ, тем более тогда, когда на нем легкие доспехи и перевязь с любимым мечом. Для характеристики же состояния врагов бога на поле боя слова «панический ужас» были слабым эпитетом.

– Мне нужна одна комната с большой не скрипучей кроватью и ванной, – металлическим голосом огласил свои требования бог. – Есть?

– Да, конечно, ваше высочество, – нервно моргнул Ваха, умирая от облегчения: ужасный лоуландский воитель не потребовал его головы на блюде, да и войско бога вело себя на редкость дисциплинированно, пока никого не убило и не изнасилоvalo. – Я покажу!

И граф лично понесся по коридору, показывая дорогу к затребованным апартаментам. Ему и в голову не пришло перепоручать эту сомнительную честь кому-либо другому.

Итак, вечерело. Нрэн получил требуемое жилье и, отужинав в общем зале с командирами, теперь мерил шагами комнату: шесть в ширину, семь в длину, а мохнатый ковер глушил ритм его нервной поступи: придет – не придет, придет – не придет...

В распахнутое витражное окно влетали запахи костров с бивака, запахи пожухлой травы и прелой опавшей листвы виднеющегося вдалеке леса. Несмотря на прохладный ветер, принцу стало жарко. Он рванул ворот рубашки, распуская шнуровку, и сбросил ее на спинку кресла, резко придвинул его к окну, сел, устремив неподвижный взгляд на маленькие точки звезд в черном небе, огоньки костров и темень далеких деревьев.

Тонкий запах осени
Влажной пеленой
Душу обволакивал,
Плакал юной мглой...³

Прошелестели позади бога и упали россыпью черного жемчуга слова. Тонкой нитью закружился аромат свежести, редких роз и персика...

– Ты пришла? – полуспросил, полуконстатировал принц, еще не веря самому себе и этому хрупкому чуду, боясь обернуться и ничего не увидеть.

– Я обещала. Боги не нарушают клятв, если вообще клянутся, – ответила Элия, приближаясь.

– Знаю, прости, – покаянно кивнул Нрэн и спросил, все еще глядя в окно: – А как там дальше?

Элия тихо прочла:

Лето поседевшее,
Грусть тая в глазах,
Пряталось за тучами.
Оставался прах
Счастья небывалого,
Золотой стрелой
Сладко пролетевшего
Над тобой и мной.

– Красивые стихи. Твои?

– Нет, я редко пишу, это не мой дар, – покачала головой принцесса и, помолчав несколько секунд, все же ответила с тихой печалью в голосе: – Их написала века назад одна юная девушка, жившая в Альвионе и погибшая от шальной стрелы за час до того, как ушла в следующую инкарнацию вся ее семья. Ее звали Изабэль. Она была кузиной принцессы Элины и сестрой воителя Брианэля.

– Бэль?.. – удивился Нрэн и помрачнел, вспоминая рассказ сестры об альвионской жизни.

– Да, дорогой, – откликнулась принцесса, и ее руки опустилась на плечи принца, отгоняя зловещий призрак минувшего, ощущение собственной слабости и бессилия, родившегося от того, что когда-то он не смог защитить свой мир, семью и любимую. – Наша малышка – талантливая девочка. Но речь о ее воспитании пойдет как-нибудь в другой раз, а пока я хочу проверить, так ли хороша эта кровать, как кажется на первый взгляд!

Элия склонилась к застывшему в кресле кузену, коснулась чередой легких поцелуев его нахмуренного лба, изрезанного вертикальными морщинами, полузакрытых глаз и губ.

Нрэн взметнулся из кресла и, прижав к себе Элию, с какой-то безнадежной, рвущей душу страстью принялся покрывать поцелуями любимое лицо.

³ В романе использованы стихи автора и Ирины Елисейевой.

Поцелуи длились и длились в ночной тьме.

– Я тебя никому не отдам, никому не позволю тебя обидеть, любимая, – говорили руки и вездесущие губы принца.

– Знаю, верю, – нежными объятиями отвечала богиня, лаская худощавое тело кузена. – Но даже ты не властен над предначертанным Творцом.

– От любой опасности заслону тебя своей жизнью, мечом, душой. Всегда, вечно, – снова возражал Нрэн, и струилось с тихим шорохом платье принцессы.

– Не клянись на вечность вперед, даже бог не в силах сдержать такой клятвы, – гибкой лозой приникала Элия к своему мужчине.

– Я сдержу клятву, – обещали объятия воителя, и в ночи тоскливо, как брошенная женщина, кричала какая-то птица...

А кровать действительно оказалась хороша и совсем не скрипуча. Позже, утолив первый голод, они лежали рядом, головка принцессы покоилась на плече Нрэна, а пальчики с острыми ноготками дразнящими движениями скользили по его груди.

– Ты знаешь что-нибудь о Наре га Дзи ка Трине? – неожиданно спросила богиня.

– Да, – с настороженной подозрительностью ответил принц, невольно напрягаясь. – Неплохой для своего возраста и уровня силы воитель из мира Дзаайни. Занимает пост, равнозначный моему лоулэндскому, не только благодаря прямой линии женского родства с императорским домом Феникса и Змеи, но и в соответствии с личными заслугами. Я рекомендовал его труды по оборонной стратегии в качестве пособий для ряда воинских академий. А что?

– Неважно, – небрежно ответила Элия.

– Важно, я хочу знать, – упрямо возразил Нрэн, поперечная складка, разгладившаяся на какое-то время, вновь пролегла на его лбу.

– Ах, это такие пустяки. Я жду от него ребенка и в самое ближайшее время мы собираемся пожениться, – беспечно заявила принцесса.

Нрэн поперхнулся и в ужасе уставился на кузину.

– Шучу, шучу, – фыркнула Элия, потрепав любовника по плечу. – Мир Дзаайни находится довольно близко от Жиотоважа. Я ищу ниточки к нему и хватаюсь за любую возможность.

– А, – облегченно выдохнул принц, расслабляясь, и тут же неожиданно попросил: – Выходи замуж за меня.

– Нет, – тут же категорически отказалась богиня, прижимаясь к горячему телу возлюбленного.

– Но почему? – осмелился спросить принц.

– Потому что я вообще не хочу выходить замуж – раз, – в кои-то веки снизошла до ответа Элия. – И тем более не хочу становиться твоей женой – два. Ты ужасный собственник и жадюга, милый, а я слишком ценю свободу. Не хочу повторять старых ошибок. Меня все устраивает и так.

Нрэн только вздохнул и решил возобновить этот разговор когда-нибудь потом, когда Элия будет пребывать в более подходящем настроении.

– Расскажи мне лучше об этом Наре га Дзи и так далее, – попросила богиня.

– Он лыс, – с мстительным удовольствием заявил принц. – На правой щеке, шее и руке фиолетовый ожог от ядовитого дыхания алого демона т'сахта. Так что он тебе не понравится.

– Пожалуй. Я старомодна: мне нравятся мужчины с длинными волосами и без масштабных пигментных пятен странного оттенка, – задумчиво подтвердила Элия, наматывая на пальчик прядь волос бога.

– Очень хорош в фехтовании на мечях, с копьем и в рукопашных боях. Есть своя школа. Сейчас в основном пишет книги по стратегии обороны в перемещенных или дрейфующих мирах, – припомнил еще кое-какие подробности Нрэн.

– Почему именно перемещенных? – насторожилась прекрасная богиня.

– Каждый стратег касается тех вопросов, которые ему ближе, – пожал плечами принц. – Лет семьсот пятьдесят назад его мир сдвинулся в структуре Мироздания. Через него проходил Разрушитель... Это что, важно?

– Не знаю, быть может, – задумчиво кивнула Элия. – А этот ка Трин ведет завоевательные войны?

– Время от времени, как и все мы, за редким исключением, – подтвердил бог.

– Ожог алого демона, завоевательная политика, перемещение миров... А что, это версия! Хоть какая-то версия! Ты гений, Нрэн! – воскликнула Элия и наградила воителя страстным поцелуем.

– Да? – озадаченно переспросил принц.

– Угу, – подтвердила богиня и, очень довольная тем, что получила маленькую зацепку, оставила размышления на потом и окунулась в удовольствия.

Нрэн заснул, разметавшись по кровати, но даже во сне бог бережно обнимал принцессу и выскользнуть из цепкого кольца его рук было очень непросто. Легкое снотворное заклинание пришло на помощь, и Элия, приказав звездному набору одеть себя, тихонько вышла из комнаты в безмолвие старинного замка. Неспешным шагом богиня двинулась по коридору, изредка касаясь рукой старинных гобеленов, простого камня стен, любуясь мягкими складками тьмы на статуях в нишах, оружии и доспехах. Колдунья любила древние места, хранящие отзвуки минувшего, и ночи, в которых память прошлого оживала и нашептывала своей госпоже забытые тайны. Вот и сейчас богиня не могла отказать себе в удовольствии немного побродить по замку Браста, вслушиваясь в него, позволяя картинам и образам свободно скользить перед мысленным взором...

– Я не могу уснуть, Ваха, мне страшно, – жалобный шепот коснулся обострившегося восприятия принцессы вместе с ощущением глубинного страха маленькой птички, попавшей в силки. Одновременно с ним возникла проекция реального образа простоволосой пухленькой женщины в ночном халате с круглыми от испуга глазами и жалобно кривящимся ртом. Она стояла перед мужчиной, так и не прилеглим в эту ночь. Тот поднялся со стула и бережно обнял толстушку.

– Незачем волноваться, родная, – тихий успокаивающий голос того, кого назвали Вахой, прошелестел в ответ. Но за этим наигранным покоем Элия снова уловила сдерживаемый страх, давнюю печаль, а под ними, к своему удивлению, обнаружила совершенную внутреннюю безмятежность, встречающуюся столь редко.

Душа графа Браста показалась принцессе похожей на спокойное прохладное озеро, глубины которого остаются тихими даже в бурю. Заинтересовавшись, Элия перестала досадовать на то, что разговор живых отвлек ее от картин минувшего, и внимательнее вслушалась в происходящее. Скромная красота и гармония двух душ, струн которых она осторожно коснулась, приятно удивила богиню. Даже страх женщины был направлен не на себя, она боялась за семью, дом, и случись что, как насадка, опекающая цыплят, ринулась бы на «коршуна», покусившегося на их покой. Богиня любовалась переплетением теплых нитей симпатии, взаимной заботы, родства сильных человеческих душ, тем ярким светом, которым они лучились, соприкасаясь гранями, и одновременно продолжала слушать Ваху, беседующего с супругой:

– Воитель Нрэн остановился у нас только потому, что Браста – самое подходящее место для проведения маневров. Так было сказано. А зачем великому богу врать нам, ничтожным,

душенька? Пора войн в Альхасте давно миновала, не тревожься, спи покойно, женушка. Нрэн Лоулендский из тех, кто дает клятвы. А слово клянущегося бога нерушимо.

Все еще продолжая тревожиться и желая найти успокоение, женщина положила голову на плечо Вахи.

Повинуясь импульсу, мгновенной прихоти, воле Творца, а может быть, божественному чутью (кто же скажет, что движет поступками богов? Уж точно, не они сами...), в ореоле серебристо-синего свечения принцесса неслышно появилась в комнате и доброжелательно сообщила:

– Я, Элия Лоулендская, могу подтвердить слова твоего супруга, Лариша. Альхаста не будет полем брани. Присутствие здесь отряда моего кузена лишь маневр, и ничего больше.

– Прекраснейшая и Светлейшая, – не показывая своего удивления, Лариша и Ваха опустились на колени, приветствуя богиню. Не было в этом жесте униженности или лести, лишь глубокое почитание и едва уловимый оттенок застарелой скорби.

– Свет ваших сердец притянул меня, – продолжила Элия, приближаясь к коленопреклоненным супругам. – Нечасто встречается такое созвучие душ. Будьте благословенны!

Руки принцессы коснулись головы Лариши, на долю секунды дольше задержались у чела Вахи. И в сознании мужчины мелькнула задумчивая фраза богини: «Твоя чистая сила может когда-нибудь нам пригодиться. Живи в радости». Потом Элия исчезла, медленно угас оставленный богиней свет. Ваха и Лариша переглянулись.

– Благословение богини! – прошептала женщина и, все еще не веря своему счастью, выжидательно посмотрела на мужа. В ее глазах светились вопрос и первые ростки робкой надежды.

Граф Браста напряженно вслушался в себя, и на его худощавой физиономии начала расплываться небывало широкая улыбка. Вслед за тем мужчина вскочил и с радостным громким криком: «Благословение!!!» – подхватил в охапку супругу и закружился с ней по комнате. Пухленькая Лариша, счастливо смеясь, приникла к Вахе, ощущая непривычную твердость мужа там, где уже века три, после тяжелой болезни, скосившей графа через месяц после свадьбы, ничего подобного не отмечалось...

А принцесса Элия перенеслась домой, в Лоуленд, чтобы удовлетворить возникшую потребность в разговоре с одним уже знакомым типом. Заклинание связи мгновенно отыскало привычный объект, и богиня мысленно позвала:

– Грей!

Пройдоха-шпион последний раз бросил игральные кости на стол в трактире и поднял вверх переkreщенные руки, показывая, что выходит из игры. Разочарованно заворчали его компаньоны, но вступать в спор и пререкаться не стали. Довольно ухмыльнувшись, Рэт подгреб к себе кучку монет и ссыпал их в кошель на поясе, исключая пару четвертькорон. «Это вам за мое здоровье выпить, парни!» – пожелал Грей, после чего стих последний ропот недовольства. Вежливо раскланявшись с игроками и махнув рукой трактирщику, шпион вышел из «Счастливой руки», одного из многих трактиров, где можно было не только сносно перекусить и выпить, но и сыграть несколько партий в кости, карты или другие азартные игры.

– Я слушаю, королева моя дорогая, – откликнулся шпион, немного отойдя от трактира и убедившись в том, что за ним никто не следит. – Ты просто соскучилась по мне великолепному или накопила еще несколько сотен вопросов, касаемых Жиотоважа?

– Не угадал, – злорадно заключила богиня.

– Мое сердце разбито, – простонал Рэт, заруливая в переулок поукромнее и прислоняясь к стене, чтобы поболтать с Элией в относительно удобных условиях.

– Срочно его склей и послушай, – велела богиня. – У меня к тебе будет просьба, можешь рассматривать ее как поручение короны.

– Я даже не знаю, что более привлекательно, – задумчиво протянул Грей, – с одной стороны, выполнить просьбу прекрасной женщины для меня удовольствие, но с другой, за поручение короны мне платят звонкой монетой. Давай будем считать, что, выполняя твою просьбу, я работаю на корону?

– Уговорил, – со смешком согласилась принцесса и изложила свое поручение, призывающее приятеля покинуть Лоулэнд.

– Как скоро тебе нужна эта информация? – деловито уточнил шпион, почти прекратив шутить и уже начав прикидывать наиболее быстрые и выгодные способы выполнить поручения богини.

– Вчера, – коротко ответила Элия.

– Понял, – хмыкнул Рэт, почесав за ухом. – Я пойду, переговорю с Силами Времени. Но, боюсь, даже ради дивных чар богини любви они не станут менять реальность, зато я могу поставить в отчете вчерашнее число.

– Меня это устроит, если я получу этот отчет завтра, в крайнем случае, послезавтра, – смиловилась принцесса и отключила заклинание.

Не то чтобы ранним, но все-таки еще утром принцесса Элия восседала на пуфике в будуаре и собственноручно расчесывала длинные волосы, водопадом спадавшие ниже плеч. Неспешно скользил по локонам гребень, принцесса что-то тихо мурлыкала под нос от удовольствия, глядя на себя в зеркало. Отражение в легком, как облачко, светло-голубом платье довольно мурлыкало в ответ.

Резкий вызов заклинания связи нарушил сей «ритуал релаксации».

– Привет, леди Ведьма! – радостно провозгласил герцог Лиенский, окидывая взглядом Элию. – Вижу, ты уже выбралась из постельки? Я могу прийти?

– Если я скажу «нет», вряд ли это что-то изменит, – задумчиво ответила принцесса и, помолчав секунду, добавила: – Во всяком случае, надолго.

– Тогда прекрасный день, – не дожидаясь других приглашений или того, что его перенесут в комнату, Элегор сам телепортировался прямо в будуар богини. На сей раз светлосерая рубашка и черные брюки герцога были абсолютно чисты, а сапоги блестели, как зеркало.

Лейм уже довольно давно, не уведомляя родичей, потихоньку внес коррективы в защитные чары замка и открыл постоянный допуск туда для лучшего друга. Правда, дозволение короля на эту авантюру ему пришлось выбивать довольно долго, но, когда было нужно, юный принц мог стать таким же, если даже не более упрямым, чем его старший брат Нрэн, прославленный своим упорством на многие Уровни. В конце концов король сдался, решив, что в случае чего он потерпит мелкие неудобства, зато детишкам его, например, Энтиору или тому же Нрэну, частые визиты герцога доставят ни с чем не сравнимое «удовольствие».

Провозгласив оптимистическое приветствие, Элегор деловито поинтересовался:

– Ты уже завтракала?

– Еще нет, – ответила принцесса. – А что, ты в кои-то веки голоден?

– Просто мне нравится, как кормят в вашем крупнейшем в мирах доме для умалишенных, – нахально заявил бог, плюхаясь в кресло. – Опять же, Стэфф никогда не откажется от лишнего кусочка.

– А в вашем маленьком Лиенском доме для больных рассудком питание не на уровне? – сочувственно спросила богиня, откладывая расческу и мысленно приказывая звездочкам завершить прическу. – Ладно уж, ради Стэффа придется накормить и тебя – не Кэлер, не объешь. Где ты, кстати, раздобыл эту зверушку?

– Он сам нашел меня в лесу Вахлажи и решил, что моя дорожная сумка – самое лучшее место для сна. Мягко, и еда рядом, – со смехом пояснил Элегор, привычно извлекая куницу из-под рубашки и опуская ее к себе на колени.

Стэфф тут же проснулся и, даже не заверещав, насторожил огромные уши и заводил длинным, острым, как у Рика, носом, ловя новые, незнакомые ароматы.

– Хочешь его погладить? – щедро предложил герцог с шаловливыми искрами в глазах.

– Конечно, – не менее хитро улыбнулась принцесса и медленно протянула руку к кунице.

Зверек наострил ушки. Рука Элии более не двигалась, застыв в десятке сантиметров от мордочки. Богиня осторожным лучиком направила излучение симпатии к маленькому существу. Стэфф фыркнул и потянулся носом к большой незнакомке, аккуратно обнюхал руку, посверкивая глазами. Потом принцесса легонько коснулась спинки куницы и с удовольствием погладила светлую шерстку, почесала за ушками. Зверек вытерпел такую фамильярность.

– Как тебе это удалось? – разочарованно протянул Элегор, ожидавший гораздо более занимательного представления с возмущенными криками и укусами.

– Опыт общения с оборотническими формами братьев, – пояснила богиня, припоминая некоего дикого хорька с весьма скверным характером.

Удерживая Стэффа на коленях, герцог на секунду нахмурился, перебирая известные ему обличья принцев и гадая, кого принцесса имела в виду: Джея, Рика или кого-то еще? Но вскоре попытки куницы вырваться и ползти по будуару богини приковали все его внимание. С одной стороны, Элегор был уверен в том, что принцесса ему симпатизирует, но с другой, он не хотел проверять, сохранится ли это хрупкое чувство, если Стэфф устроит погром на туалетном столике богини, разгулявшись среди хрупких и конечно же дорожных флакончиков и коробочек.

Скоро Элегор был спасен. Прибытие завтрака разом отбило тягу зверька к исследованию парфюма, куда больше его заинтересовали запахи съедобных предметов. Предусмотрительные пажи, шустро составив с подносов яства, не дожидаясь указаний госпожи, поставили второй прибор для герцога и исчезли так же незаметно, как возникли.

Сдоба, джем, легкие салаты, яйца, паштеты, соки и свежие фрукты были доставлены в таком количестве, чтобы легко удовлетворить аппетиты не двух, а даже трех богов. (Слуги давно привыкли к тому, что у Элии с утра частенько появлялись гости).

Принцесса отпила виноградного сока и скомандовала:

– Рассказывайте, герцог, где вы там с Леймом шлелись на сей раз.

Положив себе несколько кучек разных салатов и угощая Стэффа вареным яйцом, Элегор радостно ответил:

– Как всегда, в сотне мест, леди Ведьма!

Молодые боги очень скоро после знакомства почувствовали сильную взаимную симпатию, которая со временем переросла в настоящее товарищество. Они были ровесниками. Боги взрослеют иначе, чем люди, и в этом играет роль не только время, но и собственное желание, божественная суть и уровень Силы. И около двадцати лет разницы, получившейся из-за разного течения времени в мирах, не имели существенного значения. Что десяток лет тому, кому Творец отмерил тысячелетия?

Элегор и Лейм много времени проводили вместе. Спокойствие принца уравновешивало буйный характер герцога, романтичность служила противовесом циничности, а разумная осмотрительность уравновешивала бездумную тягу кидаться в водоворот приключений. Во многом юноши были отличны и потому находили такое удовольствие в обществе друг друга. Они любили странствовать, открывая для себя что-то новое в пестрой череде знакомых и неизведанных прежде миров, влипая в различные авантюры, устраивая кутежи.

Может быть, еще поэтому Элегор заочно испытывал сильную антипатию к Бэль, которая встала между друзьями, притянув к себе внимание Лейма, и тем самым украв прекрасное время, которое могло бы быть отдано бесконечным странствиям, во время которых принцу не нужно было бы думать о сроке возвращения домой и маленькой сестренке, которую необходимо развлекать. Но теперь принцесса Мирабэль слегка подросла и, к ликованию герцога, друга все-таки удалось оторвать от хлопот о «крошке» и утащить в миры навстречу приключениям. Элегор даже перестал донимать Элию бесконечными мольбами и просьбами сделать хоть что-то, чтобы Лейм из няньки снова стал мужчиной. Зато теперь он начинал тактично уточнять у леди Ведьмы – не собирается ли Нрэн женить Мирабэль и отправить куда-нибудь подальше от Лоуланда, желательно в Мэссленд, как-никак, а девочке скоро тринадцать, самый подходящий возраст.

Но сейчас Элегор только что славно погулял с другом, и Бэль еще не сидела у него в печенках, поэтому герцог с удовольствием начал рассказывать об их с Леймом эскапде по мирам.

– Для начала мы завернули в Тиэльсе – мир Светлых. Ты же знаешь, как Лейм любит такие «пушистые» местечки, где леса бесконечны, от разнотравья лугов дуреешь, вода в речках чиста, как в подземных ключах, зверюшки разные и птички непуганые. Погостили немного у Ларне Вильенэ: музыка, танцы под луной, охота, эльфиечки...

– Но вскоре вас очень тактично попросили покинуть сей мир, – подсказала Элия, откусывая кусочек от булочки с корицей. Несмотря на цинизм, явно проклюнувшийся в голосе герцога при описании идиллической атмосферы Тиэльсе, Элия знала, что и самому Элегору нравятся миры Светлых эльфов. Вот только долго пребывать в них буйный бог не мог, как ни старался, во всяком случае, вести себя в них чинно.

– Ну да, угадала, – хмыкнул Гор, одной рукой орудуя вилкой, другой удерживая Стэффа, неудержимо рвущегося прямо на стол, к изобилию пищи.

– Что ты натворил на сей раз? – полюбопытствовала богиня.

– Всего лишь устроил с друзьями охоту с сетью на конька из стад речного Владыки. Кто же мог знать, что приглянувшаяся нам «лошадка» – его любимый скакун? А норовистый попался, жуть. – Глаза Элегора сверкали неподдельным восторгом. Он сейчас заново переживал всю авантюру. – Пока его в сеть загнали да уздечку зачарованную надели, ох и намутились, он парням синяков понаставил, сынку Ларне даже руку сломал. Копыта получше, чем боевой молот Кэлера, будут. Но летит в воде легкой ласточкой. Чудо, а не зверюга!

– Значит, чтобы прокатиться на речном коньке, ты втравил эльфийских ребятишек, в том числе сына одного из самых знатных господ мира, в опасную проделку, повлекшую за собой не только травмы, но и закономерные осложнения в отношениях между расами эльфов и русалок, – резюмировала богиня.

– Можно сказать и так, – с самым невинным видом откликнулся Лиенский, подсовывая на пробу прожорливому Стэффу половинку зрелой сливы. Обнюхав незнакомый фрукт, куница в мгновение ока умяла его и потянулась за следующей порцией.

– Моему восхищению вашим талантом баламутить воду нет предела, герцог! – иронично усмехнулась в ответ принцесса.

Не вставая с кресла, Элегор умудрился отвесить богине изящный поклон верхней половиной тела и продолжил:

– Ларне Вильенэ проводил нас с почетным эскортом до самой границы и тактично заметил, что пребывание под сенью древ предвечного леса принца Лейма Лоуландского доставило эльфам неподдельную радость. На мой счет Ларне не сказал ничего. Забыл, должно быть...

– Нет, это все потому, что у него дыхание от восторга перехватило, – снова подсказала богиня и заметила: – Гастрономические интересы твоей зверюшки далеки от обычных кунных.

– Ну и что? – беспечно пожал плечами Элегор. – Стэфф мой зверек, а значит, может есть все, что захочет. Сила бога уже начала менять его.

– Остается только надеяться на то, что эти изменения не затронут основных черт его характера. Иначе вездесущая идейная куница герцога Лиенского станет ужасом Лоуланда, – не то шутя, не то всерьез сказала принцесса.

Элегор мечтательно улыбнулся, представляя, сколько проделок можно будет учинить им на пару со Стэффом, и вновь вернулся к повествованию:

– Из Тиэльсе мы направились в Каэ’виэль’соль. У Темных там намечалась очередная мелкая заварушка на границе с троллями. Пospели как раз вовремя и славно повеселились!..

Далее из рассказа Элегора следовало, что из мира Близких Тени компания переправилась в Рагонар, резиденцию вампиров, и успела наследить там, похитив в Ночь Темного Посвящения трех девиц, предназначенных для торжественного ритуала. Причем одна из дамочек была избрана самим Повелителем Фрагом в качестве своей жертвы любви. Больше всего Элегору понравились не горячие благодарности, которыми наградили их спасенные и доставленные домой леди, а схватки с клыкастыми преследователями и милая шутка с распылением чесночной настойки в личных покоях Фрага. При мысли о негодовании Повелителя вампиров, вынужденного поменять резиденцию из-за непереносимой вони (над длительным эффектом настойки еще поколдовал Лейм), герцог довольно зажмурился.

После вампиров друзья решили кардинально сменить обстановку и посетили пару урбанизированных миров, в которых у Лейма были коммерческие интересы. Принц владел контрольными пакетами акций нескольких компаний, специализирующихся на выпуске сложных электронных приборов. В этих измерениях Элегор несколько поумерил свой пыл, дабы не повредить делам друга. Так что обошлось без существенных проблем. Всю энергию герцог направил в русло поиска забавных книг-сказок, ставших увлечением леди Ведьмы. С недавнего времени бог и сам получал немалое удовольствие от чтения подобной литературы. Так что по итогам пребывания в мире техники Элии было вручено несколько свеженьких томов. Два из них герцог дал только на время, сопроводив ехидным замечанием: «Смотри не займай. Раритет все-таки!» Элия клятвенно пообещала обращаться с «раритетом» аккуратно: не использовать страницы в качестве салфеток, не писать на полях похабных комментариев, не прищипливать прочитанные страницы стилетом, как это любил делать Энтиор, и вернуть сразу после десятикратного прочтения.

Покинув урбанизированные миры, боги двинулись в долгое странствие по мирам-базарам, покупая все, что привлекало их внимание, развлекаясь, а заодно разведывая новые сферы для развертывания торговли. В частности, Элегора очень интересовали рынки сбыта алкогольной продукции. В далекой перспективе герцог Лиенский уже видел себя абсолютным монополистом в этой области хотя бы на своем Уровне и активно работал для достижения сей сияющей цели.

После столь бурного времяпрепровождения Лейма потянуло к покою, углубленному самоанализу и самосовершенствованию. Словом, боги отправились в Лшинь-э-ал – очаровательный мир горных монастырей и суровых бритых монахов. Вернее, совершенно очаровательным его находил только Лейм, а Элегор пристроился к другу для компании. В Барштакере – одном из самых уединенных убежищ совершенствующихся – принца уже знали. Странствующий брат Приходящий к Покою (такую кличку получил бог) пользовался милостивым расположением самого отца Настоятеля с тех самых пор, как великий гонг, возвещавший о прибытии тех, кому дано достичь небывалых высот на единственно верном Пути

к Себе, прозвучал трижды, когда юный принц впервые переступил порог Барш-такера, рекомендованного ему Нрэном.

Ради Лейма, тут же с головой окунувшегося в медитации, учебные поединки и послушничество, Настоятель разрешил остаться и Элегору, хотя чего-чего, а стремления к Покою в этом бешеном юнце не увидел ни малейшего. Скорее уж, в душе странного спутника Лейма бушевала разом тысяча бурь. Но причиной скорого изгнания бедолаги-герцога за неприступные стены Барш-такера послужил не его категорический отказ от медитаций (у каждого свой путь), а невиданные успехи в прополке монастырских грядок. Элегор, перепутав сорняки и цивилиз, лишил монастырь годового запаса этой привередливой травки-приправы, скрашивающей скромные трапезы аскетов.

Так что, оставив Лейма медитировать в Лшинь-э-ал, герцог направил свои стопы в соседний мир – Раксолдс, где с удивлением обнаружил в ближайшем трактире, кроме местных жителей, еще и изрядное число пришлых бритоголовых парней, под плащами которых прятались до боли знакомые по неделе в Барш-такере серые балахоны. Непутевые братья оттягивались по полной программе, чтобы потом с новыми силами встать на Путь К Себе. Элегор радостно присоединился к нарушителям обетов. Вскоре все перепились вусмерть и начались задушевные разговоры за жизнь. Через три часа они уже были лучшими приятелями.

– И эти монахи, между прочим, оказались совсем свои ребята. Так пить не каждый профессионал сможет! – с восторгом поведал принцессе Элегор. – Да и не от хорошей жизни они в монастыри поперлись. Хочешь учиться – будь добр, выдержи испытания, дай обет, можно малый – на девять лет, и трудись на благо общины, грядки пропалывай. На несколько десятков миров эти горы – самое приличное место для обучения владению оружием, не считая частной школы одного типа, только туда попасть еще сложнее, чем в монастырь. Тьфу! Парень там один был, из Флайфэра, так он пробовал сначала податься в школу. А этот учитель, ну точно непрошибаемый зануда типа Нрэна, да еще лысый урод, каких мало, спокойно приказал выгнать его за то, что он не в том месте встал и два раза вместо трех положенных поклонился. И никаких извинений не принял, даже разговаривать не стал!

– Да, есть еще миры, где строго блюдут традиции, – с ноткой ностальгии в голосе заметила принцесса. – Это в Лоуленде все вконец распоясались.

– Рыбка гниет с головы, – услужливо припомнил подходящую поговорку герцог.

– О, как ты прав, высокие лорды совсем обнаглели, – согласилась богиня, многозначительно посмотрев на Элегора.

– Им есть с кого брать пример, – ответил бог принцессе еще более многозначительным взглядом и ехидной улыбкой, а затем продолжил рассказ: – Оказалось, и другие слышали об этой школе и нраве наставника, который живет по канону и уже видел в жизни столько, что его ничто не в силах напугать, взволновать и заставить позабыть о традициях. Слово за слово, короче, мы поспорили...

Занимательное повествование о пьяном споре было варварски прервано заклинанием словесного вызова. Не включая видимости (наверное, совсем погряз в работе), его величество серьезно сказал:

– Прекрасный день, детка. Я хочу поговорить с тобой. Будь через пятнадцать минут у меня в кабинете.

– Хорошо, отец, – успела согласиться Элия прежде, чем король отключил заклинание.

– Вот так всегда, стоит нам с тобой уединиться для занятий чем-нибудь интересным, как тут же появляется кто-нибудь из твоей многочисленной семейки и портит всю малину, – разочарованно вздохнул герцог, почесывая за ухом облопавшегося Стэффа, чей животик раздулся, как небольшая дынька.

– Такова наша горькая участь, – печально подтвердила богиня. – Но ты еще успеешь рассказать о доведении до белого каления сурового воина, отказывающего претендентам в ученики, которые не умеют считать до трех.

– Ну уж нет, – категорически возразил возмущенный Элегор. – Это надо рассказывать долго и с удовольствием. А раз ты собираешься уходить, то мне и самому пора: объезд виноградников в Лиене и еще как минимум в десятке ближайших миров. А то управляющий уже на меня волком смотрит, по пятам ходит и намекает, что я совсем дело отца забросил. Так что дня три-четыре меня в городе не будет. Обязанности! Поэтому уж лучше ты, леди Ведьма, скажи, не случилось ли в Лоуленде за время моих странствий в мирах такого, о чем следует знать. Может, переворот какой или революция?

– Я и сама прибыла в город за полдня до тебя, – ответила богиня. – О революциях, соболезную, ничего не слышала. Мне еще даже стандартный набор сплетен о том, кто с кем переспал или на дуэли подрался, не выдали. Но, пожалуй, одна новость есть: через несколько дней к нам прибывает полное посольство из Жиотоважа.

– Не знаю такого мира, – честно признался герцог.

– Провинциальный Мир Грани, небольшой узел, потому достаточно силен, но тих, – дала справку Элия. – Встречать посольство поручили Мелиору, Энтиору и мне.

– Хороший выбор, – «одобрил» Элегор. – Твой братец вампир загрызет парочку дипломатов, а с остальными вы все быстренько уладите. Что им, кстати, нужно?

Элия пожала плечами и вскользь заметила:

– А ты Энтиора по-прежнему не жалуешь...

– Что ты, я его просто обожаю, – процедил бог, и у него на руках беспокойно заерзал сонный Стэфф.

Элия уловила прорвавшуюся сквозь ментальный барьер череду ярких вспышек-воспоминаний и сопровождавшую их душевную муку: мальчонка болтается вверх ногами, привязанный к дереву... жгучие, унижительные удары хлыста... девушка актриса Ирилэйна со свернутой шеей лежит на кресле, как сломанная кукла... унижение, насмешки, боль...

– Когда-нибудь я убью его, – как заклинание, прошептал герцог и, встряхнув головой, откинул со лба непокорную челку. Стэфф недовольно заворчал и оскалился.

– Он старше и лучше, – напомнила принцесса. – Его тренировал Нрэн, а тебя он не будет учить, даже если небо упадет на землю.

– Ну и что? А может, мне повезет? – запальчиво возразил Элегор, все еще не замечая, как настроение хозяина сказывается на питомце.

– Тогда я убью тебя, – спокойно ответила богиня. – Ты мой друг, хороший друг, но он – мой родич, мой стради, брат крови. Вы не обязаны любить друг друга, мужчины! – Элия пренебрежительно фыркнула. – Но я не позволю вашим играм с мелкими пакостями стать враждой до смерти! Кстати, малыш, Энтиор-то вовсе не ненавидит тебя, он просто играет в ненависть. Чтобы стать недругом бога боли, надо быть больше, чем юным хамом, досаждающим острым языком и проделками. Надо очень серьезно перейти дорогу Дознавателю, стать угрозой его семье, Лоуленду. Вот тогда можно попасть в список кровных врагов Энтиора Лоулендского. Очень короткий список. Ты хочешь этого?

– Нет, но я все равно его ненавижу, – утихомирившись, сердито буркнул герцог и встал с кресла. Ему очень не нравилось то, что принцесса права. Но Стэфф уже снова начал мирно посапывать, словно отражая своим поведением временное смирение Элегора.

– Это твое право, – согласилась принцесса. – Но лучше смейся над ним, это будет куда увлекательнее для тебя и больше для самолюбия моего высокомерного брата.

– Хорошая идея! – вскинулся Элегор, и принцесса почти услышала, как со свистом начали носиться в голове идейного герцога варианты грядущих проделок. – Пока, леди Ведьма!

Сунув куницу за пазуху, мужчина исчез из комнаты. Элия тоже встала, позвала пажей, чтобы они убрали со стола, и перенеслась к кабинету отца. Стража молча отступила, пропуская богиню. Отворив массивную дверь, принцесса вошла к королю.

Лимбер сидел за столом, как всегда, в окружении ненавистных бумаг, и наскоро правил какой-то отчет. Рядом стоял секретарь, уже не Гермит, а его более элегантный и симпатичный богине собрат, Росс. Секретарь с безразлично философским видом наблюдал за тем, как его величество безжалостно черкает составленный текст.

– Все, Росс, пусть перепишут с этими поправками, и можно отправлять, – наконец заявил король, вручая мужчине пачку бумаг. – Только письмо в Чалнур пока попридержи.

Секретарь молча поклонился, улыбнулся Элии одними глазами и исчез за дверью.

– Прекрасный день, дочка, – сказал Лимбер, швырнув ручку на подставку.

– Прекрасный день, па, – откликнулась богиня, обогнув стол, приблизилась к отцу, чмокнула его в щеку и поинтересовалась: – Пытаешься решить все дела разом, чтобы осталось больше времени на посольство?

– Угадала, – усмехнулся король и вскользь заметил, потирая лоб рукой. – Быстро ты выставила герцога.

– Заклинание вызова с определителем личностей – красиво, – одобрила Элия новый вариант старого магического приема, которым похвастался отец. – А Элегора выставить не надо, он и сам умчался. У непоседливого парня тысяча дел в тысяче мест сразу.

– Забавный мальчик, – довольно доброжелательно заметил король.

Да, герцог и выкидывал временами такие финты, что стонал весь Лоуленд, но Лимбер симпатизировал Элегору хотя бы потому, что он не давал слишком сильно задирать нос кое-кому из королевских отпрысков.

Элия кивком согласилась с отцом и с удобством расположилась в кресле поодаль, ожидая, когда государь скажет, зачем вызвал ее.

– Вчера вечером ко мне приходил с докладом Мелиор, – чуть прищурившись, проронил король, – а ты, по его словам, встречалась с неким особо важным информатором.

– Я была у Нрэна, – охотно призналась богиня. – Смотрела, как можно использовать местных для распространения слухов о войсках Лоуленда в Альхасте с большей скоростью.

– И?

– Я полагаю, что полное посольство Жиотоважа прибудет в благословенный Лоуленд – Мир Узла, уже обладая необходимой информацией, или очень скоро получит ее. Шпионы должны быть даже в таком захолустье, – ответила богиня. – Мы сразу сможем проследить за их реакцией. Кроме того, я дала небольшое задание Рэту. Возможно, удастся выяснить причину, по которой посольство собирается почтить нас визитом, раньше официального начала переговоров.

– Хорошо бы. Грей в твоём полном распоряжении, – согласился Лимбер и, немного поразмыслив, все-таки задал дочери заботивший его вопрос:

– Как ты думаешь, пока не стоит прощупывать их сознание?

– Нет, – Элия решительно помотала головой. – Не стоит идти на такое значительное нарушение Закона без веских оснований. Источник не говорил прямо, но дал понять, что мы находимся под наблюдением Сил.

– Это само собой разумеется, – хмыкнул король. – Лоуленд же – Мир Узла. Но если будет необходимо, мы наплюем на законы и сделаем все по-своему.

– Да, – едва заметно поморщившись, кивнула богиня, отводя взгляд.

– Тебе это не нравится, что ли, дочка? – удивился Лимбер. – Ты же неизменно ратовала за утверждение: «Королевская семья всегда права». Что случилось?

– Может, повзрослела немного или приболела, – с привкусом горькой иронии усмехнулась Элия. – Я – богиня логики, ты – бог политики. Понятия «справедливость» и «закон»

у тебя и рядом с божественной сутью не стояли, для меня в глобальном плане все иначе. Почему-то неуютно от ощущения неправильности того, как, возможно, нам придется поступить с посольством, находящимся под покровительством Сил.

– Так, может, не стоит мучиться? Покаемся, выдадим им Джея, и дело с концом! Пусть кастрируют его, мерзавца, а потом казнят, – чувствуя, как закипает в нем злость, намеренно мягко поинтересовался король. – А, доченька?

– Нет, папочка. Я ведь еще и богиня любви, – улыбнулась принцесса. – И если речь идет о дорогих мне существах, то плевать на все Законы Вселенной, богов, Равновесие, Абсолют и самого Творца. Джея я никому не отдам! Надо будет, все полное посольство Жиотоважа собственными руками передую.

– Я тебя люблю, малышка, – искренне засмеялся Лимбер, гулко хлопнув ладонью по столу. – Вот сейчас ты заговорила, как моя дочь.

– Я тоже люблю тебя, отец, – кивнула богиня. – Ты хотел узнать что-нибудь еще?

– Ах да, кого ты там намерена в Хранители Королевской библиотеки произвести? – осведомился государь, заломив бровь.

– Барона Оскара Хоу⁴, с вашего одобрения, государь, – умильно улыбнулась Элия, скромно сложив ручки на коленях.

– Ах ты лиса! – искренне заржал Лимбер, откидываясь на спинку высокого стула. – Вот уж, пусти хорька в курятник!

– Скорее наоборот, – покачала головой богиня, – теперь ему десять раз придется подумать, прежде чем сострять какой-нибудь памфлет. Поди докажи, что при сочинении слухами пользовался, а не сведениями, которые в запретных книгах добыл. Этак в государственном преступлении обвинят да на эшафот отправят. Желających много найдется!

– А ведь и правда, – улынулся король. – Но парни побесятся!

– Вот и еще одна причина, по которой я хочу предложить Оскару это место, – невинно захлопала ресницами принцесса.

– Так он еще не согласился? – спросил Лимбер.

– Нет, я только сегодня собиралась заглянуть к нему и поговорить на эту тему, – объяснила Элия.

– Если ты хочешь, чтобы парень был нашим библиотекарем, ему не отвертеться, – посочувствовал бедняге-памфлетисту король. – А выбор и правда верный, малышка. Оскар уже доказал верность Лоуленду, да и сила у барона не столь велика, чтобы совать нос в секретные книги. Ступай, уговаривай свою жертву! Жду не дождусь момента, когда можно будет полюбоваться на морды Мелиора и Энтиора, когда они заглянут в библиотеку.

– Слушаюсь и повинуюсь, государь, – поняв, что аудиенция закончена, богиня встала, присела в намеренно глубоком реверансе и покинула отца.

Массивная дверь кабинета закрылась, вновь оставив тяжело вздохнувшего короля наедине с работой. Не то чтобы Лимбер и впрямь люто ненавидел возню с бумагами. Он был богом политики, и все, пусть самые незначительные манипуляции, которые являлись составной частью навыков его профессии, совершал с удовольствием. Но даже самая интересная работа становится ненавистной, если делать ее слишком часто и помногу.

Не тратя времени на выяснение того, в каких краях находится и что подельница барон, принцесса бесцеремонно воспользовалась Законом Желания.

– Я хочу оказаться там, где сейчас находится барон Оскар Хоу! – заявила богиня и тут же телепортировалась в некое изрядно захламленное помещение.

⁴ **Оскар Хоу** – барон, некогда бог сатиры, убитый Энтиором – возродившийся в теле программиста Грэга Кискорхоу в урбомире Сейт-Амри. Воспоминания о прошлой жизни к человеку вернулись благодаря действиям лоулендских богов или же по их вине.

Судя по вороху мятой одежды на ближайшем кресле, кипе черновых набросков на стуле и остаткам завтрака вперемишку с письменными принадлежностями на столе, комната служила барону одновременно гардеробной, кабинетом и столовой. Взгляд в задернутое прозрачным тюлем окно показал, что этот универсальный покой, которого давно не касались руки слуг с веником и тряпкой, находится в городском доме барона. Сам Оскар до появления светлейшей богини вольготно восседал в свободном от мусора кресле и листал «Лоулендский вестник», на маленьком столике рядом с тремя книгами аккуратной стопочкой лежали остальные, уже просмотренные газеты.

– Прекрасный день, Хоу! – неожиданно прозвучало приветствие.

– Привет, Элия! – подпрыгнув в кресле от неожиданности, буркнул слегка напуганный барон, визуально определив личность нарушителя спокойствия.

– Ну и видок у тебя, – хихикнула богиня, с исследовательским интересом разглядывая дырявую линялую майку с короткими рукавами и вытянутые на коленках синие со странными белыми полосками по бокам штаны Оскара. – Опять на маскарад собрался? Так у нас вроде бы летний перерыв в балах!

– Просто не ожидал визита вашего высочества, – фыркнул несколько смущенный мужчина, и, поправив на носу очки, попытался прикрыть локтем дырку на боку.

– Должен был надеяться и верить! Чтобы этого ужаса я на тебе больше не видела, и другого тоже, – приказным тоном заявила принцесса. – Денег на нормальные костюмы не хватает? Беспроцентную ссуду дам. Если ты еще хоть раз нацепишь такой срам, сама за памфлеты засяду и на весь Лоуленд опозорю!

– Слушаюсь, вашество, – недовольно буркнул барон, печально прощаясь с удобной одеждой, и с досадой спросил: – Что ж ты такая стерва, а? Ведь богиня любви – самого светлого чувства! Ты должна быть мягкой, нежной и ласковой!

– А любовь-то мягкая, нежная и ласковая часто встречается? – фыркнула принцесса, сбрасывая тряпье с кресла на пол и садясь, а потом с ожесточением продолжила: – Я с ней почаще тебя, дружок, сталкиваюсь, ведь меня, думая об этом чувстве, склоняют на углах всех миров нашего и ближайших Уровней. Слышу, все слышу (каждый бог слышит, как его зовут, даже всуе), в церквах моления непрерывным потоком идущие, любого, кто рядом пройдет с малейшим отсветом страсти в душе, блокируйся, не блокируйся, а все одно задевает. Божественная суть и предназначение мои таковы. И в этом потоке, который идет из миров, мало мягкого и нежного, много всего остального. И боль есть, и грязь, и страх. Будь я мягкая, нежная и ласковая, не вынесла бы. Уже давно бы по улицам города носилась, завывая, как безумная, не выдержав этой лавины. Мы говорим с тобой сейчас, а я все это слышу и чувствую, и никогда, понимаешь, никогда слышать не перестану.

– Извини, – искренне покаялся Оскар и помотал головой, чтобы освободиться от той ужасной картины, которую нарисовала Элия. – Я не хотел тебя обидеть, просто сказал глупость, не подумав. Это все романтические стихи виноваты, которыми меня твой кузен снабжает! Я потерял ощущение реальности, запутавшись в сладком бреде поэтов.

– Поэты, настоящие поэты, пишут правду, – возразила принцесса. – Мы читаем их творения, где истинное чувство уже отделено от шелухи, очищено от грязи. Я же воспринимаю все, а не очищенный продукт творческой переработки. Когда я слышу первые корявые стихи влюбленной девочки:

Что такое любовь?
Расставанье в мороз,
Солнца прерванный бег,
Блеклый ветер из слез.
Талый снег на губах,

Звездный луч в вышине,
Жгучий пламень в крови,
Жаркий шепот во сне...

Я чувствую правдивость этих слов, но жизнь добавляет к замечательным строкам свои, гораздо менее прекрасные и романтические. К счастью, моя суть помогает мне находить свет настоящей любви в любой грязи, а не только в стихах. Вот почему я не променяла бы свое божественное призвание ни на какое другое.

– Сейчас мне не ощутить сути бога и зова таланта. Я и раньше-то был мелким божком, а теперь – совсем обычный человек, ладно хоть коэффициент силы на среднелоулендский тянет, а то бы и вовсе рабом заделался, – скорбно вздохнул Оскар, откладывая газету. – Ты простила?

– Да, – кивнула принцесса. – Но не будь так уверен, что в этой инкарнации тебе суждено остаться человеком. Если в достаточной мере обрести себя, все может измениться.

– Я никогда не слышал, чтобы... – недоверчиво начал барон.

– И не услышишь, – согласилась Элия, прикладывая пальчик к губам. – Об этом не говорят, но случается всякое. Просто служи Лоуленду, будь собой. Причудливо тасуется колода Судьбы, любую карту могут выкинуть Силы Случая.

В глазах Оскара мелькнул отсвет надежды. А принцесса тут же перевела тему:

– Собственно говоря, я явилась не с целью инспекции ваших туалетов и чтения морали, барон, – объявила богиня. – У меня есть очень выгодное предложение.

– В последнем предложении меня настораживают сразу три слова: «очень», «выгодное» и «предложение», – почему-то не прыгая от радости, скалambuрил мужчина и заерзал в кресле.

– Экий вы, право, подозрительный, Хоу, – с видом оскорбленной невинности всплеснула руками Элия. – Ну ладно, скажите, вы любите книги?

– Да, – очень осторожно признался Оскар, ища подвох в кажущемся невинным вопросе.

– Вы же жаловались, что та серебряная пора, когда пол-Лоуленда гонялось за вами, желая прикончить за какой-нибудь абсолютно безвредный стишок, безвозвратно прошла. Теперь в лучшем случае письмишко с угрозами подбросят или что-то уничтожительное вслед прошипят. Так что временами вы отчаянно скучаете. Вот я и подыскала другу моего кузена занятие по душе в роскошном местечке. Любой лоулендец о таком только мечтать может! Оплата щедрая! Обновить гардеробчик сможете! – начала обстоятельно расхваливать свое предложение принцесса.

– Не морочь мне голову, вашество, – взмолился бедняга-барон. – Что за работа?

– Хранитель Королевской библиотеки Лоуленда! – торжественно провозгласила богиня.

Ответных ликующих криков не последовало. В комнате повисло напряженное молчание.

– Что, не нравится? – наконец разочарованно поинтересовалась Элия у замершего, словно в заклинании статиса, барона.

– Не знаю, – честно признался Оскар, нервно поправив сползающие очки. – Это предложение и правда выгодное, даже делает мне честь. Я, конечно, понимаю, что у этой сладкой конфетки изрядный привкус дерьма, извини за выражение. Ведь в вашем сумасшедшем замке только самоубийцы работать соглашаются. Но Королевская библиотека... – в голосе мужчины невольно прорезались мечтательные нотки. – Ты уверена, что я справлюсь?

– Почему бы и нет, – пожала плечами принцесса. – Работа серьезная, но непомерно тяжелой ее не назовешь, если только в прямом, физическом плане. Скорее этот труд бес-

конечен. Нужно будет обновить, дополнить и перепроверить каталог пятилетней давности, составленный Элтоном и Ментором вместо старого, сделанного Хранителем Эмитом Ашем еще во времена моего деда. С той поры он заполнялся весьма хаотически. Тебе надлежит постоянно вносить в каталог изменения в соответствии с новыми поступлениями, ставить разного рода метки на неучтенные тома в соответствии с их спецификой, приводить в порядок старые. Следить за правильным размещением книг и их поведением.

Сам понимаешь, Королевская библиотека – не заурядная книжная лавчонка. Мне иногда кажется, а иногда кажется, что и не только кажется, будто в залах библиотеки структура пространства не укладывается в обычные рамки. Все-таки слишком много там магических, пророческих и других настоящих книг, отражающих истинную суть вещей и явлений. В случае каких-нибудь странных происшествий ты должен будешь докладывать о приключившемся. В экстренных ситуациях вызывать членов королевской семьи...

– И что, на эту ответственную работу не нашлось другого претендента? – не поверил барон.

– А я и не искала, – призналась богиня.

– Почему? Я даже не бог, – недоумевающе поинтересовался Оскар.

– Это скорее преимущество. Не будешь лезть в слишком серьезные тайны, а если напорешься случайно, не сможешь постигнуть, – беспечно обнадежила приятеля принцесса. – А почему именно ты? Из многих моих знакомых лишь ты обладаешь сразу тремя необходимыми качествами.

– Какими это? – заинтересовался мужчина.

– Ты любишь книги, благоговеешь перед ними, – улыбнулась Элия. – Получаешь удовольствие от прикосновения к их страницам. Тебя восхищает сам факт существования печатного слова, запах свежей типографской краски и пыли древних фолиантов. Услада для твоего сердца – изобилие книг, ты просто дуреешь и можешь вечно бродить среди полок.

– Ты что, подглядывала за мной? – смутился барон.

– Нет, – искренне улыбнулась принцесса. – Вуаеризмом я не страдаю, Оскар. Тем более что ты, сам понимаешь, не самая привлекательная мишень для такого рода забав. Но я чувствую в тебе любовь к книгам, столь родственную моей. Такой Хранитель и нужен настоящей библиотеке. Многие книги в ней с характером, но они примут тебя, потому что ты полюбишь их.

– А два других качества? – спросил мужчина.

– Ты лоулендец со скверным характером и у тебя отличный почерк! – с апломбом ответила Элия.

– Спасибо, – хмыкнул Оскар и неожиданно вежливо попросил: – Я могу подумать, прежде чем дать ответ?

– Конечно, думай! – как-то подозрительно легко согласилась богиня. – До вечера. Часиков в семь я приду за ответом!

Пока Оскар открывал рот, чтобы выторговать еще по меньшей мере семидневку, Элия испарилась из его гостиной-кабинета-гардеробной так же внезапно, как в ней возникла.

Глава 4

Горькие уроки взросления, а также правила «охоты за сокровищами» в Лоуленде

Бэль в немом изумлении восторженно взирала на только что доставленное в замок платье. Сколько мучительных примерок пришлось ей вынести в мастерских Марии вместо того, чтобы играть, гулять в Садах или читать! Но, как оказалось, не зря! Такое платье стоило бесконечных минут, когда вокруг Мирабэль, покорно стоявшей по стойке смирно на большом табурете, кругами носились стрекочущие портнихи, сначала снимавшие мерки, потом что-то подкалывавшие, поправлявшие, подшивавшие. Частенько девчужке хотелось закричать во все горло, чтобы разрядить накопившееся напряжение, и убежать, но маленькая принцесса терпела, вспоминая о том, что говорила сестра Элия, приведя ее в «Дом Марии»: «Это место, детка, – лучшее ателье в Лоуленде. Именно здесь шьют некоторые мои туалеты...» А Бэль всегда так хотелось иметь платье, хоть немножко похожее на те, которые носила Элия!

И вот теперь готовое платье лежало на диванчике в гостиной. Такое красивое с виду! Эльфийке тут же нестерпимо захотелось его примерить.

– Нэни, а можно я надену его на занятия музыкой? – с надеждой спросила Бэль, устремив на нянюшку умоляющий взгляд. И без того большие эльфийские глаза стали огромными, на пол-лица.

Пряча невольную улыбку, старушка сделала вид, что раздумывает, и поинтересовалась, подпустив в голос сомнения:

– И никаких прогулок в Садах, прятки, догонялки?..

– Нет, нянюшка, только на уроки! Я не испорчу его, оно ведь такое красивое! – пылко заверила свою опекуницу девчужка, снова с надеждой уставившись на Нэни.

– Ну, хорошо, – сдалась старушка.

Девушка взвизгнула от радости и кинулась переодеваться, по пути умудрившись благодарно чмокнуть нянюшку в дряблую, как моченое яблочко, щеку.

Платье было великолепно! Его глубокий синий цвет напоминал весеннее небо в сумерках. Без рукавов, с пышной длинной юбкой, даже с вырезом, открывающим ключицы. воротник-шалка из тончайшего серебряного кружева прикрывал плечи, легкая серебряная же строчка чуть трогала первозданную синеву ткани. Словом, новое платье было почти как у Элии!

Принцесса, переполненная счастьем, оторвала взгляд от зеркала и, смеясь, закружилась по комнате, мечтая о том, как покажется сестре в новом наряде.

Нэни украдкой смахнула слезу, наблюдая за своей подопечной. Ее крошка Бэль – маленький нескладный олененок – потихоньку начала превращаться в прелестную девушку – стройную, гибкую, грациозную. Не успеешь оглянуться, как выйдет в свет, уйдут в прошлое шалости и проказы.

Тут Бэль подлетела к нянюшке и, обняв старушку, закружилась по комнате вместе с ней. Нянюшка охнула от неожиданности и подумала, что насчет проказы она, пожалуй, погорячилась. Ее девочка, наверное, навсегда останется шалуньей!

– Ой, не могу, уморила, егоза! Стара я стала по комнате прыгать! – пропыхтела нянюшка, стоило только девчужке отпустить ее, и опустилась в глубокое кресло.

А Бэль, лукаво улыбнувшись, подхватила со столика стопку потрепанных нот и исчезла, только в воздухе мелькнул кончик длинной косы.

– Я на уроке музыки! – долетело до нянюшки из коридора.

Нэни только в очередной раз притворно вздохнула, пряча улыбку, покачала головой и взялась за корзиночку с кружевом.

Маленькая принцесса вихрем влетела в музыкальный зал. Лорд Ални стоял у огромного, во всю стену, окна и мечтательно любовался королевскими садами, на которые открывался дивный вид.

– Прекрасный день, лорд Ални! – звонкий голосок Бэль вырвал учителя из состояния релаксации.

Мужчина невольно вздрогнул, возвращаясь из вышних сфер своих поэтических мечтаний. С оттенком досады он подумал о проказливых эльфах, имеющих вредную привычку подкрадываться к задумавшимся людям. Но на принцесс, даже самых невозможных, не ругаются без повода, а потому в ответ на приветствие Бэль лорд Ални вежливо сказал:

– Прекрасный день, ваше высочество!

И отвесил легкий поклон.

Бэль почувствовала искру легкого недовольства, ярко вспыхнувшую на фоне обычной меланхолической мечтательности учителя, и вздохнула, гадая, чем на сей раз раздражен лорд Ални, если занятие еще даже не начиналось.

– Прошу вас! – Учитель кивнул в сторону рояля.

Принцесса покорно направилась в указанном направлении.

– Итак, что вы должны были разобрать к сегодняшнему занятию? – осведомился лорд Ални, усаживаясь на стул рядом с ученицей.

– Сонатину принца Ноута ре мажор. – Девушка послушно поставила ноты на пюпитр и сложила на коленях руки.

Учитель покосился на здоровенную ссадину от кисти до локтя, украшавшую правую руку принцессы Мирабэль. Еще позавчера, когда Бэль приходила отпрашиваться с занятий, ссадины не было. Взяв с девушки обещание самостоятельно разобрать намеченное на урок произведение, Ални отпустил ее со спокойной душой. Музыка всегда давалась Бэль легко, у принцессы был абсолютный слух и настоящий талант музыкантши, не только тонко чувствующей замысел автора, но и способной привнести нечто свое, личностное, в исполняемое произведение. О, если бы только у ее высочества еще было бы побольше усидчивости и поменьше беспечности!

«Все-таки зря я ее отпустил, – опасливо решил учитель. – Когда-нибудь этот невозможный ребенок покалечится всерьез, и страшно даже представить, что тогда сделает со мной принц Нрэн...»

Посмотрев в огромные, совершенно невинные, наполненные ожиданием глаза Бэль, лорд Ални вздохнул и промолвил:

– Начинайте, ваше высочество!

Принцесса раскрыла ноты на нужной странице, тоскливо посмотрела на испещренные «шестнадцатыми» и «тридцать вторыми» станы – сонатина была на редкость сложной и унылой, как сам брат Ноут в дурном настроении. Но урок есть урок, просто так лорд Ални не отстанет. Бэль на мгновение прикрыла глаза, потом выпрямила спину и заиграла.

Чуть покачивая головой в такт, учитель внимательно слушал, временами поправляя ученицу:

– Спокойнее, спокойнее... Легато... Легато, ваше высочество, следите за левой рукой...

Стиснув зубы, Бэль старалась плавно сыграть сумасшедшие пассажи в басовом ключе, не вывихивая себе при этом пальцы. Чрезмерные усилия привели к тому, что, потеряв на мгновение контроль над новым произведением, принцесса совершенно по-глупому сфальшивила.

– Фа дизез! Вы же в ре мажоре! – поразился лорд Ални. – Что с вами, ваше высочество? Где вы нашли тут бекар?

Бэль ступевалась и прекратила игру.

– Что случилось, ваше высочество? – уже гораздо мягче, почти участливо переспросил учитель. – Вам не нравится это произведение?

– Нет, – нахохлившись, решительно ответила девушка.

Лорд Ални снова вздохнул, поднял глаза к потолку, снова перевел взгляд на ученицу и печально спросил:

– А что бы вы хотели играть, ваше высочество?

Бэль тут же оживилась, вытащила из стопки нот тетрадь в сочно-синей обложке и радостно воскликнула:

– Сейчас покажу!

Засунув за ухо непослушную прядь, принцесса живо заиграла нечто яркое и стремительное.

Поначалу лорд Ални слушал музыку с некоторым недоумением. Потом слегка улыбнулся, вглядываясь в написанные от руки ноты. Почерк был весьма характерен и безусловно знаком каждому настоящему ценителю музыки в Лоуленде.

А девочка целиком погрузилась в стихию звуков, пальцы ее вдохновенно порхали над клавиатурой, глаза светились искренним счастьем. Как только затих последний аккорд, Бэль повернулась к учителю.

– Это написал принц Кэлер, не так ли? – почти констатировал лорд Ални.

– Да, он играл это на гитаре. Мне так понравилось, что Кэлер сделал для меня фортепьянную обработку.

Учитель полистал ноты и восхищенно отметил, не удержавшись от завистливого вдоха:

– Вариации на темы танцев южных регионов Лоуленда. Гениально, как все, созданное его высочеством. Но боюсь, принц Нрэн не одобрит подобных произведений. Представьте, принцесса, как вы будете играть такое в свете?

– С удовольствием буду, – недоуменно нахмурилась Бэль.

Лорд Ални снова вздохнул, вновь поискал что-то нужное на потолке и решил про себя, что спорить с принцессой не будет, поскольку за лекции о том, что положено и что не положено делать в светском обществе, ему не платят, пусть их читает кузине принц Энтиор.

– Продолжим лучше работу над сонатиной, – прямо сказал учитель, воспользовавшись правом педагога.

Бэль подавила желание вздохнуть так же, как вздыхал лорд Ални, и, с сожалением водрузив на пюпитр опостылевшие ноты, с явной неохотой принялась долбить по клавишам.

Через несколько минут учитель все-таки не выдержал и жалобно воскликнул:

– Ваше высочество, ну что с вами сегодня такое? Ваша левая рука словно деревянная!

На мордашке принцессы появилось весьма виноватое выражение, и в душу учителя закрались зловещие подозрения. Он еще раз взглянул на длинную царяпину, украшавшую правую руку Бэль, и опасливо спросил:

– Вы что, повредили и левую руку?

– Нет, – чересчур поспешно откликнулась девушка, пряча ладошку за спину, подальше от испытующего взора лорда Ални.

– Покажите руку! – Учитель постарался вложить в эту просьбу максимум строгости, на которую был способен.

Девушка нехотя протянула ручку. Лорд Ални с ужасом уставился на подушечки тонких пальчиков, покрытые вздувшимися пузырями мозолей. В некоторых местах они уже прорвались, обнажая новую нежно-розовую кожу.

– Что, что это? – испуганно охнул учитель.

– Я... мне Кэлер дал... показал кое-что... а потом я сама в библиотеке книжку нашла... – несвязно начала оправдываться Бэль, смутно подозревая, что она опять сделала что-то непопознанное какими-нибудь мудренными правилами.

– Что вам дал принц Кэлер? – все еще надеясь на чудо, жалобно переспросил учитель, нервно ослабляя тугий узел кружевного галстука.

– Свою детскую гитару, – пояснила Бэль.

Лорд Ални схватился за голову и простонал:

– Ваше высочество!

– Что? – не выдержав на сей раз концерта, вздохнула юная принцесса.

– Ваша высочество, гитара – инструмент бардов, бродяг, словом, простолюдинов! Принцесса не должна даже касаться его струн! – горячо воскликнул учитель, подозревая, что лекций о правилах ему сегодня все-таки не избежать.

– Почему простолюдинов? – недоуменно воскликнула девушка. – Кэлер ведь играет на гитаре! И Лейм немного, даже Ноут иногда.

– Э... ваше высочество, ваш брат Кэлер – бог – покровитель бардов, Ноут тоже покровительствует музыкантам. И вообще, они же мужчины! – подыскивая веские аргументы, начал вещать лорд Ални.

– Ну и что? – не дав ему договорить, удивилась Бэль.

– Они в соответствии со своей божественной сутью должны играть на многих музыкальных инструментах. А вы – будущая светская дама, принцесса, украшение лоулендского двора. Вам полагается в совершенстве освоить игру на рояле, пение и танцы. Чуть позже мы займемся с вами игрой на флейте, а если вам так по душе струнные, то добавим и арфу, – принялся увещевать ученицу лорд Ални.

– Но ведь Элия не играет... – начала было возражать Бэль.

– Да, но зато ваша сестра изумительно танцует, – горячо возразил учитель и поспешно, чтобы ему не пришлось вдаваться в объяснения относительно того, почему Элия не играет ни на чем, кроме нервов, и не поет, добавил: – Думаю, сейчас самое время перейти к уроку танцев.

Эльфийка кивнула, решив больше не спорить с лордом Ални, а лучше поговорить насчет гитары с Кэлером, когда он вернется, или с Элией.

– Раз уж вы решили сегодня отдать должное творчеству принца Кэлера, начнем с вальса номер три ми минор его высочества, – объявил учитель, довольный тем, что, похоже, на сей раз ему удалось убедить юную принцессу в своей правоте.

Бэль присела в легком официальном реверансе – ах, как красиво это вышло в новом платье – и протянула учителю руку. Погрузившись в дивную мелодию, принцесса закружилась в танце, ничего больше не замечая вокруг. Только музыка и движение!

– Ваше высочество, – очередное жалобное взывание лорда Ални вырвало принцессу из сладостного полета по волнам вальса.

– Мм? – пытаясь сообразить, что на сей раз она сделала не так, эльфийка открыла глаза.

– Ах, ваше высочество, мы же уже не раз говорили, что настоящая леди должна скользить по залу, слегка улыбаясь кавалеру из-под полуопущенных ресниц, каждое движение должно быть наполнено пленительной грацией. Пусть вашим идеалом будет принцесса Элия. О, как она танцует!.. – Лорд Ални уже не думал о наставлениях. Он мечтательно прикрыл глаза, погружаясь в воспоминания. Бэль потихоньку высвободила свою руку из его ладони и попятилась назад, к роялю с нотами. Ничего не замечая, учитель продолжал: – Принцесса Элия! Она плывет по бальной зале, сияя дивным светом неземной красоты. Совершеннейшее из созданий Творца, полное шарма, изящества, грации... О, богиня!

Одним лишь взмахом ресниц она заставляет мужчину пасть перед ней на колени, а улыбка ее способна воскресить мертвого! О Элия...

Пользуясь тем, что лорд Ални совершенно ушел в себя и его эмоции приобрели странный напряженно-золотистый оттенок, Бэль добралась до пюпитра с нотами, потихоньку собрала их и вознамерилась выскользнуть из зала. Но учитель неожиданно вернулся к реальности и, смущенно откашлявшись, строго спросил:

– Вы поняли, ваше высочество, как должна танцевать настоящая принцесса?

– Да, да, – покорно кивнула Бэль и спросила: – А что я делаю не так?

Недвуслышенно покосившись на исцарапанные руки ее высочества (Бэль поспешно спрятала их за спину), учитель собрался с силами и начал делать замечания:

– Вместо того чтобы чарующе плыть по залу, вы все время словно вспархиваете, ускользаете куда-то, закрываете глаза, будто мечтаете о том, чтобы танец поскорее закончился. Вы словно растворяетесь в воздухе, как бесплотный призрак! Я не ощущаю вашего движения! С таким же успехом можно танцевать с тенью! А леди должна двигаться плавно, завораживающе, чувств... э... женственно! Понятно?

– Да, – снова кивнула принцесса, передернув плечиками, и почесала заживающую ссадину на руке.

Учитель снова вздохнул и картинно возвел очи к потолку. Теперь уже и Бэль на всякий случай запрокинула голову, тщась понять, что же такое интересное ищет там, наверху, лорд Ални каждый урок. Потолок, конечно, был красивый, с изящной лепниной, но ничем существенным от потолков в других покоях он не отличался.

– Что там такое? – с легким ехидством осведомился учитель.

– А?

– Что вы потеряли или нашли на потолке, ваше высочество? – с еще большим ехидством повторил мужчина.

Не ожидавшая от обычно снисходительного учителя такого едкого тона и острого оттенка насмешки в словах, Бэль неожиданно ощутила странную злость и откровенно выпалила:

– Я всего лишь хотела узнать, что же все время там ищете вы!

Учитель изумленно уставился на юную принцессу, не зная, сердиться ему или смеяться. Раньше она никогда не позволяла себе подобных выходов. Сделав несколько глубоких вдохов и напомнив себе о том, что Бэль – принцесса и воспитанница принца Нрэна, лорд Ални вежливо произнес:

– Вернемся к уроку танцев, ваше высочество, и повторим вальс. Учтите, пожалуйста, мои замечания. Ваше воздушное порхание, возможно, с восторгом приняли бы где-нибудь на лесных полянках, но для бала оно никуда не годится.

– Это никуда не годится! Вы совершенно правы, Малиен, – фамильярно назвав учителя по младшему имени, подтвердил звучный, прекрасный, но холодный как лед голос.

На пороге музыкального зала возник принц Энтиор и, изящно скользнув между колоннами, направился в левый угол зала, где беседовали учитель с кузиной. При виде вампира Бэль инстинктивно поежилась и, прижав к груди ноты, метнула взгляд в сторону спасительного выхода. С каждым годом маленькой принцессе все труднее становилось выносить само присутствие кузена, не говоря уже о его колких, изысканных насмешках и завуалированных оскорблениях.

С легкой хищной улыбкой на губах мужчина приблизился к Бэль и продолжил:

– Когда-то я думал, что со временем из этой неказистой эльфийской полукровки может получиться что-то терпимое – кровь Лоуланда обычно сильна. Но, к сожалению, я жестоко ошибся, – с прискорбием сообщил окружающим, а главным образом самому себе, принц и

чуть слышно прошептал с ледяной улыбкой на губах: – Ты становишься все отвратительнее, Бэль, к тому же у тебя не хватает ума даже скрыть это!

Девушке невыносимо захотелось убежать от Энтиора, от этих жалящих слов, от ненависти и злобы, игой пронзивших душу, от презрительного взгляда, от этого совершенного в своей красоте лица, искривленного гримасой презрения. Но, собрав всю силу воли, Мирабэль закусил губу и гордо вскинула голову, глядя прямо в бирюзовые озера стужи.

Поняв, что сейчас ему здесь не место и урок наверняка закончен, лорд Ални, опасливо косясь на принца Энтиора, попятился к двери, проворно затворил ее за собой и опрометью кинулся прочь от музыкального зала. Пусть уж Бэль и ее зловещий кузен выясняют отношения без свидетелей.

– Посмотри на себя, – гримаса пренебрежения исказила лик бога. Он впился длинными пальцами в плечи принцессы и резко развернул ее к большому зеркалу на стене. – Тебе абсолютно не идут приталенные туалеты. Ты настолько худа, что, кажется, вот-вот переломишься в талии, как тростинка.

Энтиор быстро сжал руку в кулак, и девушка почти услышала хруст ломающихся позвонков.

– А твои руки, Бэль, они просто ужасны! Ты видела хоть у одной леди такую смуглую кожу? Изодранные, плебейски загорелые палочки! Их нужно прятать в длинных рукавах. То же самое скажу тебе и насчет шеи! – принц наклонился к Бэль, все еще продолжая цепко удерживать кузину за плечи длинными холеными пальцами, и нежно прошептал ей в самое ухо: – Ты похожа на цаплю!

Вампир медленно, едва касаясь кожи, провел по худенькой шейке эльфиечки сверху вниз. Красная, словно ожог, полоса тут же проступила на нежной коже, и жгучая боль пронзила все тело принцессы. Мирабэль задергалась, пытаясь высвободиться из железной хватки кузена. Тот несколько мгновений наслаждался паническим трепыханием жертвы, а потом внезапно отпустил ее. Девушка ахнула и, не удержав равновесия, упала на мраморный пол, пребольно стукнувшись коленями.

– Ты еще и крайне неуклюжа, бедняжка, – с наигранным сожалением покачал головой вампир, скрывая торжествующую улыбку. Вынув из кармана надушенный кружевной платок, Энтиор демонстративно вытер руки, которыми касался кузины. Потом слегка подбросил вещицу вверх и прищелкнул пальцами. Ткань вспыхнула и в секунду сгорела дотла. Бросив на Бэль презрительный взгляд, вампир вышел из зала.

Бэль несколько секунд просидела на полу, потом медленно, не вставая, собрала рассыпавшиеся ноты и поднялась на ноги, морщась от боли в ушибленных коленях. Приподняла подол и увидела, что едва поджившие после позавчерашних игр в Садах коленки вновь содраны, а на нижней юбке нового платья отчетливо проступают пятнышки крови. Девушка бросила взгляд в зеркало и увидела, что воротник серебряного кружева порван, а на шее, там, где ее касался Энтиор, уже нет красной полосы. Но невидимая царапина все равно горела огнем.

Мертвой хваткой вцепившись в ноты, Бэль стиснула зубы и, твердя про себя, словно заклинание: «Я не заплачу! Нет! Только бы никого не встретить!» – опрометью кинулась из зала.

Добравшись до одной из своих любимых тайных ниш в маленьком коридорчике, принцесса аккуратно положила стопку нот на столик, потом чинно отпустилась на диван, глубоко и судорожно вздохнула. А потом внутри нее словно прорвалась невидимая плотина, девушка заревела, уткнувшись лицом в мягкие подушки...

– Солнышко! Малышка! Что за беда приключилась? – ласковый участливый голос вместе с шорохом платья и запахом роз возник в убежище Бэль, и нежная рука погладила худенькую спинку девчушки.

Вздрагивающее от рыданий тельце сместилось, и, уткнувшись в юбку опустившейся на диванчик рядом сестры, принцесса заплакала еще горше.

– Тебя кто-то обидел, детка? – обняв кузину, продолжила расспросы Элия.

– Мм... – отрицательно замотала головой девчушка, понимая, что, как бы она ни любила, как бы ни доверяла сестре, рассказать о пережитом позоре не сможет.

С одной стороны Бэль знала, что Элия любит ее и верит ей, но с другой... Снова вспомнился ледяной презрительный взгляд Энтиора, не раз уже шпынявшего ее при каждом удобном случае, и его ехидные слова: «А теперь беги жалуйся, малявка! Все равно тебе никто не поверит. А если даже и поверят, что же, мне от этого хуже не будет. Но слабенькая эльфийка, привыкшая искать защиты у родственников и жаловаться по каждому пустяку, никогда не обретет настоящей силы богини...»

И Бэль промолчала, только глубже зарылась в юбку сестры.

– Ой, малышка, – мягко поглаживая спинку и растрепавшиеся волосы эльфиечки, Элия разглядывала ее порванное платье, разодранные чулки и содранные колени, выглядывающие из-под задравшейся юбки. – Опять проказила! Ну не плачь, сейчас мы все исправим!

Пара заклинаний одно за другим слетели с губ принцессы. Несколько слов, пять жестов правой рукой, и Бэль, невольно прекратив рыдать, захихикала от охватившей все тело от макушки до кончиков пальцев приятной щекотки. Особенно щекотались содранные коленки. Малышке показалось, что по ее коже бегают сразу несколько десятков маленьких дикати. Утирая слезы ладошками, эльфиечка села и восторженно ахнула, расправляя юбку: на ногах не было ни следа ссадин, чулки снова оказались целы, как и поспешно ощупанный изумительный воротник первого взрослого платья. Да и само оно больше не было мятым и мокрым от слез.

– Спасибо, Эли! – прошептала Бэль и крепко-крепко обняла сестру.

– Пожалуйста, детка! Кстати, ты просто изумительно смотришься в этом платье, как богиня любви говорю! Настоящая молодая леди! Еще несколько лет, и будешь кружить головы лоулендским лордам на взрослых балах.

– Я же слишком загорелая и тощая, – печально вздохнула девчушка.

– Загар всегда можно убрать заклинанием, – утешила принцесса сестренку. – А что касается худобы, не такая уж ты тощая. Эльфы вообще тонкокостные существа, но это не недостаток, а особые изящество и прелесть. Многие дамы в мирах мучают себя диетами, лекарственными настойками и чарами самого жуткого свойства, стремясь, чтобы их пышные формы были хоть немного похожи на стройные фигурки эльфов.

– А еще у меня темные глаза и волосы тоже темные, да еще в рыжий, – обреченно выдала следующий пункт обвинения своей «убогой» внешности Бэль.

– Разве это плохо? – искренне удивилась богиня любви, раздумывая над тем, как быстро забиваются головки маленьких девчушек мыслями о собственных недостатках.

– Да, а у тебя волосы светлые, а глаза серые, – объявила Бэль, чуть надув губки, словно это все объясняло.

– Солнышко, ты – это ты, а я – это я!

«Вот именно», – мрачновато подумала малышка, прекрасно понимая, что ей никогда не стать такой безупречной и красивой леди, как Элия.

– Нам и не нужно быть похожими. Ну представь себе бальную залу, где все дамы похожи друг на друга и на меня как две капли воды.

Бэль невольно хихикнула.

– Это же ужас! – всплеснула руками принцесса и, схватив в охапку сестричку, прижала ее к себе. – Каждая женщина прекрасна по-своему. Уродливых богов и богинь не бывает. Вот смотри: наши братья все очень разные, но каждый ведь очень, очень красив.

– Да! – гордо согласилась маленькая эльфиечка. То, что братья самые-самые лучшие, сильные и красивые мужчины на свете, никогда и не подвергалось сомнению. Она выросла с этим знанием, возведенным в ранг аксиомы.

– Красота жизни в ее разнообразии, это и есть мудрость Творца. А ты будешь очень хорошенькой, только такой, какой должна стать именно ты! Если пока тебе что-то не нравится в своей внешности, подожди. Ты еще ребенок, подрастешь, будешь меняться. Но первые ростки будущей прелести я, как богиня любви, уже вижу. А если кто-то говорит другое, – Элия вспомнила о высокомерных девчонках, с которыми сестричка вынуждена была общаться по настоянию Нрэна, – то подумай вот о чем: кому ты веришь больше.

– Тебе, – согласилась Бэль, поерзав на диванчике и уткнувшись в плечо сестры. Мрачное ощущение от встречи с кузеном Энтиором уже начало выветриваться из головы девушки.

– Вот и чудно, – улыбнулась Элия. – А сейчас я посоветовала бы тебе пойти разыскать Джея. Кажется, у него для тебя какой-то сюрприз.

– Какой? – Богине показалось, что от любопытства остренькие ушки Бэль стали еще острее.

– Когда ты его найдешь, узнаешь, – продолжила интриговать сестренку богиня. – Кроме того, он еще не видел твоего нового платья!

– Я пойду к Джею, спасибо, Эли! – подхватив ноты, Бэль прижала их к себе и прыснула с дивана.

О да, прекрасный Энтиор – бог страданий и боли, отлично подмечал все уязвимые места маленькой кузины и не мог отказать себе в удовольствии потретировать ее, пока никто из родственников не видит. Но забота и утешение Элии легко разбили лед, сковавший сердечко Бэль после жестоких слов вампира. Девочка оттолкнула неприятные воспоминания о жалищих словах принца в тот же угол сознания, куда запихивала занудные наставления Нрэна, вкус манной каши с комочками и туман ночных кошмаров. А любопытство, разбуженное словами Элии о сюрпризе Джея, окончательно прогнало неприятную тень.

Придерживая кипу нот под мышкой, Бэль заспешила к любимому брату. Процесс перемещения ее высочества принцессы Мирабэль к покоям Джея представлял собой презабавное зрелище, она то неслась вприпрыжку, так, что ветер в ушах свистел, то, вспоминая о нарядном взрослом платье, приостанавливалась и, пытаясь подражать Элии, чинно вышагивала, задрав маленький носик, но надолго этой важности не хватало, и вот уже Бэль снова припускала бегом.

С полурастрепанной косой, зарозовевшими щечками и радостно сверкающими глазами девушка маленьким вихриком ворвалась в комнату брата и воскликнула с порога:

– Привет, Джей!

– Привет, малышка! – Джей вылез из недр шкафа, на полках которого распихивал многочисленные сувенирчики, как правило, яркие и сверкающие. – На музыке была? – спросил он, кивнув на пачку нот. – Понравилось?

– Да, – как-то несколько вяло ответила девушка и пояснила. – Только лорд Ални говорил, что нужно играть сонатины Ноута, а я хочу обработки Кэлера на гитаре, что почему-то не полагается делать настоящим леди.

– Наплюй на сонного барана Ални и играй то, что нравится, – от души посоветовал принц, шелкнув сестренку по остренькому вздернутому носику. – Музыка должна приносить радость, это тебе даже наш томный Ноут подтвердит. А у тебя, как я погляжу, новый наряд?

– Ага, у меня совсем взрослое платье! Правда, красивое? – загордилась Бэль, коснувшись кружева пелерины, и с детской непосредственностью спросила: – А какой сюрприз ты для меня приготовил?

– Платье просто супер! Скоро вы с Элией на балах мужикам головы на пару кружить будете, – согласился бог, почти повторяя слова сестры.

Бэль хихикнула, не принимая слова смешливого брата всерьез и не думая, что она когда-нибудь, как бы ни выросла и какое бы платье ни надела, сможет сравниться со старшей сестрой. Та все-таки богиня любви, прекрасный в своей недосыгаемости высокий идеал, как бы Элия ни пыталась уверить малышку в обратном.

– А сюрприз... – Принц сделал нарочитую паузу, с хитрой ухмылкой наблюдая за тем, как подпрыгивает от нетерпения Бэль. – После обеда мы идем с тобой гулять в город до самого вечера!

– Ура! – воскликнула маленькая принцесса и с ходу внесла рациональное, на ее взгляд, предложение, скроив умильную мордашку. – А пойдем прямо сейчас!! Пожалуйста!

– Я бы рад, малышка, но ничего не выйдет, твоя няня меня со свету сживет, если ты без обеда в город убежишь, – огорчил сестричку Джей, состроив разочарованную физиономию. – Раздобудет на кухне самую большую сковороду – и ну гонять меня по всему замку. Пожалей мои старые кости!

Бэль досадливо вздохнула, понимая, что коалицию против нянюшкиного террора – старушка подчас умела быть упрямее самого Нрэна – организовать не удастся и придется мучиться, запихивая в себя ненавистный суп, вместо того, чтобы лопать какие-нибудь вкусные пирожки с хрустящей корочкой или пирожные со взбитыми сливками прямо на улице.

– Но чем быстрее ты поешь, тем скорее мы пойдем гулять, – находчиво подсластил горькую пилюлю «регулярного питания» Джей.

Бэль испустила еще один, уже менее унылый вздох и кивнула.

– Ешь, я забегу за тобой через полчаса, – предложил принц, и сестренка направилась к себе обедать, понимая, что чем раньше кончатся ее мучения, тем лучше.

Полноценным обедом то, что съедала девчушка, сложно было назвать даже с натяжкой. Аппетит пичуги, помноженный на необходимость питаться правильной, а следовательно, очень, по мнению Бэль, невкусной пищей, давал просто поразительные результаты по части оставления блюд на тарелках, их размазывания, расковыривания и запрятывания в самые подходящие по мнению малышки и совершенно не подходящие по мнению всех остальных, периодически напарывающихся на залежи спрятанной пищи, места. Гнев Нрэна, обнаружившего несколько литров прокисшего бульона в большой расписной напольной вазе редчайшего фарфора, трудно было описать словами. Попку Бэль от немедленной расправы спасло только то, что малышка гуляла в это время с Элией в Садах, и заступничество сестры притушило гнев воителя. Вместо физического наказания эльфиечка удостоилась очередной нудной нотации, а из столовой были убраны все вазы, декоративные чаши и прочие емкости, годные для потенциальных диверсий. Остались лишь цветочные горшки на окнах, землю в которых, чтобы не навредить растениям, Бэль никогда не стала бы осквернять остатками своих трапез.

Старушка-нянюшка уже поджидала подопечную в дверях.

– Проголодалась, деточка? – ласково спросила Нэни. – Бульон на столе!

Бэль в ответ скорчила страдальческую гримаску, пролетев мимо нянюшки, хлопнула на маленький столик кипу нот, погладила пушистую красавицу Таис, по причине отсутствия Нрэна с комфортом развалившуюся в кресле и спокойно вылизывающую рыжую шерстку, и заискивающе попросила:

– Нэни, а можно я только салат есть буду, я совсем-совсем не голодная, честное слово!

– Деточка, милая, кушать надо хорошо, в тебе и так одни косточки, как душа-то держится! Разве я тебя в город отпущу, если буду знать, что ты не поела как следует! – вплеснула руками старушка, привычно вздыхая и трясая белой, как снег, головой, и тут же хитро продолжила: – Такая взрослая леди, а все, как маленькая, капризничаешь!

В очередной раз убедившись в несправедливом устройстве мира: красивое платье не только доставляет эстетическое удовольствие, но еще и заставляет вести себя так, как ты не желаешь, Бэль поплелась мыть руки перед едой. Закончив дневной туалет, Таис вскочила с кресла, утешающе мурлыкнув, потерлась о ноги маленькой хозяйки и втихомолку юркнула под длинную скатерть столика, на котором принцессу ждала попытка под названием обед.

Повозив ложкой в тарелке с бульоном, выловив из него пяток белых, еще не успевших окончательно размокнуть маленьких сухариков и морковку, честно сделав несколько глотков ароматной жидкости, Бэль отпихнула от себя первое блюдо и, отпив виноградного сока, потянулась к тарелке со вторым. Положив себе горку зелени из трех салатников, практически закрывшую кусок курицы с хрустящей корочкой кляра, принцесса принялась за еду. Следовало торопиться, чтобы успеть к приходу Джея.

Старая Нэни, сидя рядышком, бдительно следила за воспитанницей, продолжая плести крючком кружево. В корзинке с нянюшкиным вязанием среди мягких клубков разноцветных ниток, заготовок и тряпочек проснулся Дик, сам похожий на диковинный клубок золотистого мохера с глазами. Сонно моргая, зверек выбрался из своего убежища и, быстро перебирая маленькими лапками, скрытыми в длинной шерстке, залез на плечо Бэль, где и устроился, мелодично мурлыча что-то ласковое. В зеленых с золотыми искорками глазах дикати еще стоял сонный покой, Дик потерялся о щеку Бэль и затих. Хихикнув от щекотки, принцесса еле слышно вздохнула, завидуя зверюшке, которая довольствовалась поглощением чистой энергии и которую никто не заставлял есть. Да, Дик у обеда было не скормить, но зато под столом сидела Таис, изрядно раздавленная на щедрых харчах королевской кухни за последние годы. Кошка, почуяв соблазнительный запах курицы, требовательно потрогала хозяйку лапкой. Бэль стрельнула глазами на нянюшку и заискивающе попросила, взясь с ножом и вилкой:

– Нэни, а можно мне земляничного сока?

– Конечно, лапушка. – Добрая старушка встала, чтобы наполнить девушке пустой стаканчик из другого кувшинчика.

А эльфийка тут же отрезала от скрытого салатом куска курицы добрую половину, наколола на вилку, спихнула под стол довольно заурчавшей Таис и сделала вид, что кушает салат. С оставшимся мясом и зеленью девушка честно справилась самостоятельно и на редкость быстро. С удовольствием завершив трапезу земляничным соком, проказница вскочила из-за стола.

– Няня, мне еще нужно переодеться!

– Так ты вроде, лапушка, не облилась и не испачкалась нигде, – простодушно удивилась старушка. – Неужто в новом платье покрасоваться не хочешь? Или боишься замараться?

– Да, – согласилась маленькая принцесса, слегка покривив душой. На самом деле девушке просто хотелось избавиться от ограничений, налагаемых нарядом, и поразвлечься в свое удовольствие, не осторожничая на каждом шагу из опасения чего-нибудь порвать или испачкать.

– И правильно, – обрадовалась старушка неожиданной предусмотрительности, проявленной беспечной воспитанницей, изодравшей немало платьиц.

– Я хочу блузку и брючки, – решительно заявила Бэль.

Нэни только вздохнула. Совсем недавно, после продолжительных пылких дебатов между Элией и неумолимым Нрэном, Бэль было дозволено носить брюки – эту неподобающую истинной леди одежду. До сего эпохального события штаны маленькая принцесса носила исключительно тайком, надевая для лазанья по деревьям или игр с дворовыми мальчишками старые детские брюки добросердечного Лейма, потакающего сестренке в проказах.

Новые светло-серые дамские брючки совершенно покорили Бэль. Посмотрев на свою воспитанницу, нянюшка ясно поняла, что переспорить ее невозможно, Мирабэль будет отстаивать свое право надеть брюки с упорством эльфийской лошадки, тянущейся к кусочку соленой горбушки.

– Только жилетку с собой прихвати, вдруг прохладно станет, – сдалась старушка, поднимаясь с кресла и откладывая работу.

– Ладно, – нехотя пошла на эту маленькую уступку Бэль, ссадила с плеча Дика и исчезла в гардеробной.

Многочисленные пуговички и крохотные крючочки, выскальзывающие из непривычных пальчиков девчушки, казалось, сами прыгали в руки Нэни и расстегивались, стоило только старушке к ним прикоснуться. Наверное, все-таки Нэни была доброй волшебницей.

Высвободившись из платья, Бэль в последний раз погладила пелеринку и мигом натянула на себя брючки и кружевную блузку со скромным круглым вырезом. Детский браслетик из витаря украсил тоненькое запястье. Нэни сноровисто переплела густую косу девчушки, при помощи мягкой щетки ловко расчесала упрямые кудри принцессы, придав им некое подобие порядка. Бэль едва утерпела, ожидая, пока в ее косу вплетут ленточку, кокетливо повторяющую светлые переливы витаря, посверкивающую, словно запутавшиеся в волосах солнечные блики. Нянюшка как раз завязывала бантик, а девчушка крутилась, пристегивая к поясу сумочку, когда из столовой донесся веселый голос брата:

– Ты готова, сестренка?

– Да! – Бэль рванулась навстречу Джею, полная радостным предвкушением предстоящей прогулки.

Маленькая принцесса любила гулять по Лоуленду вместе с братьями, слушать их остроумные комментарии или занимательные рассказы. Учитель географии Ллойд не мог и мечтать о таком внимании к своим урокам, с каким Бэль слушала повествования Кэлера или Элтона, приоткрывающие завесу над тайнами Лоуленда. Девчушка с равным восхищением любовалась не только широкими проспектами Первого Кольца, его великолепными зданиями, площадью, выложенной золотистыми плитами витаря, изяществом храма Творца, бюстами круглый год фонтанами, но и самыми малыми из улочек Третьего Кольца великого города, навсегда покорившего ее сердце. Правда, в Третье Кольцо Бэль брали редко, даже беспечные братья понимали, что там можно встретить такое, чего не должна видеть молоденькая девушка.

Бурлящий сутки напролет котел города слегка пугал и одновременно завораживал девчушку. Она могла бесконечно долго глазеть на пестрый океан толпы, спешащей по улицам, на вывески лавок, ресторанчиков, витрины магазинов. А уж если Бэль доводилось попасть в один из лоулендских музеев, то быстро извлечь ее оттуда было абсолютно невозможно. Тонко чувствующая красоту непоседливая эльфиечка могла с полчаса стоять перед каким-нибудь гротом с невзрачным ручейком.

Но с Джемом в музеи и театр Бэль не ходила. Чаще всего они просто наугад странствовали по городу, исследуя лавочки в самых укромных его уголках и на ходу лопаая сладости. Сие увлекательное занятие принц именовал «Охота за сокровищами». И видя, как горят глазки Бэль, сжимающей в ладошке маленькое зеркальце в оправе из кости с серебром или кулон витаря, никто бы не усомнился в том, что обнаружено настоящее сокровище. Разумеется, вся «охота» финансировалась из карманов принца. Личных денег у Бэль не водилось, и вся вина за это недоразумение целиком и полностью лежала на Нрэне, который стал настоящим проклятием беззаботного детства маленькой принцессы. Хорошо еще, что воитель-традиционалист бывал дома раз в год по обещанию, но и этого Бэль, как вопреки суровому нраву ни любила она брата, казалось иногда очень много.

Случайно обнаружив у сестренки кошелек – не зная, что это «противозаконно», та и не думала ничего скрывать, – Нрэн учинил настоящий допрос, выясняя, кто развращает неокрепшую психику ребенка, снабжая его деньгами.

Бог традиций и войн считал, что девочка не нуждается в деньгах на карманные расходы, потому что: а) все, что нужно, он купит ей и так (новое платье, обувь, учебники или ленточки), б) покупать ей что-либо все равно негде, т. к. в городе девочке делать нечего, в) тратить деньги рационально она еще не умеет, слишком мала. То, что «рационально тратить деньги» можно научиться, только эти самые деньги имея, логичный, но прижимистый Нрэн понимать никак не желал.

Гром и молнии обрушились на головы Дджея, Кэлера, Рика, Лейма и Элтона, попавшихся при вручении денег сестренке. Их обвинили во всех смертных грехах и пригрозили неминуемой карой, если подобное повторится. Братья пожали плечами и предпочли не связываться с душевно больным скупердьяем, а Элии, чтобы вправить воителю мозги, на ту пору в Лоуленде не было. Так что принцы продолжили нещадно баловать сестричку, извлекая деньги из собственных кошельков. Судя по интенсивности процесса «балования», из Бэль давным-давно должна была получиться настоящая разбойница. Впрочем, по мнению нянюшки, так оно и было.

Пухлый кошелек Дджея был готов к «Охоте за сокровищами». Подмигнув сестренке, принц схватил ее за руку, послал воздушный поцелуй враз подобревшей нянюшке и пулей вылетел за дверь, в образовавшемся стремительном вихре исчезла и Бэль.

Маленькая компания, презрев все условности, лихо скатилась по широким перилам мраморной лестницы в холл первого этажа и вышла из замка. Бэль на прощание помахала четверке строгих стражей, замерших у огромных главных дверей, инкрустированных витарем и серебром, и поделилась с ними своей радостью:

– Я иду гулять в город! Пока!

– Прекрасного дня, счастливого пути, ваше высочество, – ожив на мгновение, от души пожелали девчужке «статуи», позволив себе сердечные улыбки, пока не видят Нрэн или Дарис.

Отойдя на некоторое расстояние от замка, Джей притормозил и с нарочитой опаской оглянулся, ища посторонних наблюдателей. Не обнаружив таковых в непосредственной близости, принц ласково развернул сестренку лицом к себе и, прищурившись, плавно махнул у ее личика рукой, а потом проделал тот же ритуал перед своей физиономией. На глазах восхищенной Бэль (она просто обожала смотреть, как братья колдуют) черты лица принца слегка изменились: вздернулся острый нос, зазеленели глаза, шевелюра приобрела тот же каштановый, с рыжиной, оттенок, что и у сестры.

Наложив чары личины, Джей снова подхватил сестренку под руку и телепортировался в город, на одну из центральных улиц – улицу Туманов, прозванную так не столько за частый туман, сколько за «туманный» цвет камня мостовой и большинства домов. Зная, как любопытна малышка, бог перенес ее прямо к огромной витрине магазина зеркал «Таррено», где за толстым стеклом и магический защитой стояли лучшие образцы изделий мастеров-зеркальщиков – средние, большие и просто громадные зеркала. Ничего удивительного не было в том, что длинную витрину ненавязчиво охраняли маг и пара воинов, если судить по количеству и величине зеркал, их совокупная стоимость была просто астрономической. Чародеям требовалось изрядное искусство, чтобы защитить от потусторонних вторжений из Межуровня и иных неблагих мест большую зеркальную поверхность. А зеркала Таррено считались не только самими красивыми, но и самыми надежными, что для Мира Узла Лоуленда было поважнее красоты. Но и искусство, с которым Таррено делали оправы, поражало: черное серебро, мифрил, кость, дерево, драгоценные камни.

Таинственная поверхность зеркал, мерцающая в изящных оправках, отразила маленькую принцессу и Джея. Оказалось, брат почти ничего не изменил в ее облике, разве что глаза стали цвета темной зелени да закруглились острые кончики ушей. Теперь Бэль никто не принял бы за полукровку, скорее просто за девушку с эльфийскими корнями. Принцесса украдкой вздохнула: «Вот бы когда-нибудь Джей сделал из меня блондинку. Золотистые, как у Элии, волосы, это так красиво. И светлые глаза, серые или голубые».

– Идем? – подождав, пока Бэль все хорошенько рассмотрит, спросил бог.

Девчушка кивнула в ответ, вкладывая свою ладошку в его руку. И вот уже мужчина и девочка-подросток, похожие на брата и сестру куда больше, чем когда-либо, отправились на прогулку инкогнито. Их относительно простые, но изящные одеяния с равным успехом могли принадлежать как дворянам, так и зажиточным торговцам.

У ближайшего лоточника, торговавшего сладостями вразнос, принц купил целый пакет всяких вкусностей: пастилы, орехов, ягод и фруктов в меду, конфет-тянучек, зефира, вафельных трубочек со взбитыми сливками и пирожков с поджаристой корочкой. Бэль с аппетитом грызла трубочку, глаза на людской поток, верховых и экипажи, знатных господ и простолюдинов, гибких гимнастов-акробатов, разложивших свои коврики прямо на мостовой, магов-иллюзионистов, поражающих воображение случайных зрителей ослепительными красками диковинных картин, и менестрелей, плетущих гармонию мелодий в надежде на монетку-другую от случайных прохожих.

В бурном людском потоке какой-то пышнотельный купчина с сальными волосами и двумя амбалами охраны за спиной, заглядевшись на миловидную акробатку, едва не сшиб своим брюхом Джея, остановившегося, чтобы достать Бэль пирожок. Принц едва успел увернуться от массивной туши.

– Смотри, куда прешь, – злобно рявкнул толстяк.

– Какой верный совет, господин, – восхищенно воскликнул принц, только глаза его на секунду проблеснули из-под зелени яростным бледно-голубым, сунул изрядно опустевший пакет в руки Бэль и, подскочив к неуклюжему хаму, затараторил:

– Надеюсь, я не задел вас, уважаемый? Вы целы?..

При этом ловкие руки принца метнулись к телесам купчины, скрытым под мокрым от пота камзолом, и бережно огладили его, смахивая несуществующие пылинки.

– Цел, – надменно буркнул жирдяй, довольный заискиваниями перетрусившего парня, и поплыл дальше, пыхтя, как паровоз, еще более надменно, чем раньше. Амбалы-секьюрити последовали за хозяином.

Джей подмигнул Бэль и продемонстрировал ей пухлый кошель, шейный медальон, брошь и горсть колец невежи, которые перешли во владение принца в качестве скромной компенсации за оскорбление. Принцесса радостно рассмеялась, довольная тем, как брат наказал плохого человека, обидевшего его. Все-таки Джей самый лучший, самый веселый и самый добрый брат на свете!

Бог быстро рассовал добычу по бездонным карманам своего жилета, нисколько с виду не потолстевшим благодаря отличному заклинанию, и увлек сестру на соседнюю улицу, пока опомнившийся толстяк не ринулся в погоню за утраченными ценностями.

На улице Роз внимание маленькой принцессы сразу привлек маленький синий дракончик, вышагивающий на поводке у прогуливающейся с кавалером леди. Сложив крылья, зверек важно шел, переваливаясь на коротких лапках по мостовой и помахивая хвостом с таким достоинством, что не сразу становилось ясно, кто кого, собственно, выгуливает.

Бэль не удержалась от завистливого вздоха:

– Мне тоже хотелось бы иметь дракончика, только золотого или зеленого. Или сразу двух.

– Только дракончиков? – усмехнулся принц, иронично вздернув бровь.

Бэль на несколько секунд задумалась, а потом принялась взхлеб перечислять:

– Дракончика, котенка, волчонка, щеночка, лисенка, эльфийскую лошадку...

– Да, многовато выходит, – когда кончились пальцы на обеих руках, констатировал Джей, прослушав весь список длиной в пару страниц, и невольно подумал, что Нрэн, ради разнообразия, прав в том, что не разрешает заводить Бэль домашних питомцев, хватит с малышки и Дика, а не то замок очень быстро превратится в настоящий зоосад.

К тому времени когда пакет со сладостями почти опустел и маленькая принцесса стала уже без прежней жадности вертеть головой по сторонам, принц заметил небольшую лавчонку с интригующим названием «Сказки матушки Рансэни», глядящую полутемными маленькими окошками на улицу Странствий.

– Нам сюда, – таинственно шепнул на ушко Бэль брат.

Джей нажал на тяжелую латунную ручку в виде головы дракончика, и дверь магазинчика без скрипа отворилась, так же тихо она закрылась за посетителями, впустив их внутрь. Старые потертые коврики, постеленные на каменном полу, поглотили шаги. Искатели сокровищ вступили под «своды пещеры дракона». Здесь, как и в каждой уважающей себя пещере, царил полутень. Магические шары давали слабый рассеянный свет, скрадывающий детали. Пахло пылью, деревом, почему-то ванилью и еще чем-то неопределенным, наверное, тайной.

Многочисленные полки шкафов, столики, длинный прилавок сувенирной лавки были заставлены всякой мелкой всячиной, при одном взгляде на которую с одинаковой силой разгорелись глаза Бэль и Джея. Живая душа в помещении обнаружилась только одна. Пухленький парнишка, обметавший метелочкой пыль с верхних полок массивного шкафа, занимающего всю левую стену лавки, поспешно и довольно грациозно для своей комплекции спрыгнул со скрипучего стула и громко позвал:

– Бабушка, покупатели!

– Иду, милый, – откликнулся странно молодой голос из-за двери подсобки, скрытой изрядно полинявшим гобеленом, на котором доблестная эльфийская воительница сражала какого-то злобного длиннорядого карлика. И следом за голосом, колыхнув гобелен, в лавку скользнула маленькая женщина, назвать которую бабушкой, глядя на румяные яблочки щек и веселые васильковые глаза, не повернулся бы язык.

– Прекрасный день. Я матушка Рансэни. Лорд и юная леди ищут что-нибудь определенное? – поинтересовалась хозяйка, оглядывая посетителей.

– Мы ищем сокровища! – честно призналась Бэль.

– Тогда, милая, ты зашла в нужную дверь, – рассмеялась женщина, встряхнув облачком белых волос. – Осмотрись, я уверена, ты найдешь сокровища себе по вкусу, а может быть, и лорд подберет что-нибудь по душе. Выбирайте, не торопитесь, а когда закончите, позовете меня. Пойдем, Ромс, поможешь мне разобрать коробку. – Хозяйка поманила мальчика за собой.

Джей проводил их несколько оторопевшим взглядом. В местах, где на продажу было свалено в кучу множество мелких предметов, открывался настоящий простор для ловких пальчиков вора, и принц находил особое удовольствие в том, чтобы стибрить пару-другую вещиц из-под носа растяпы-хозяина, покупая при этом какую-нибудь безделицу. Но как украсть, если тебе доверились настолько, что оставили один на один со всем содержимым лавки? Никакого удовольствия от работы, никакого риска!

Женщина, сама того не ведая, избрала наилучшую тактику поведения. А, может, что и учуяла, кто разберет этих старых лоулендских ведьм? Раньше-то принц не видел здесь лавки, зато, кажется, как-то заметил похожую на улице Дождей, да все недосуг было заглянуть. Бэль нетерпеливо потянула брата за рукав.

Бог понял, что больше им никуда идти не придется. «Сказки матушки Рансэни» были полны «сокровищ»: статуэтки, шкатулки, зеркальца, украшения, флакончики, картины, маски, веера и масса других не менее привлекательных вещей просто стояла и ждала того мига, когда появятся Бэль и Джей.

Отбросив размышления о женской магии и коварстве, принц водрузил почти пустой пакет со сладостями на свободный стул и, потирая руки, издал короткий ликующий крик, Бэль охотно подхватила его, после чего родственники с головой окунулись в «охоту». Принцесса медленно оглядывала лавку, забиралась на стол или лесенку, чтобы добраться до неисследованных глубин, временами восторженно взвизгивала, брала в руки приглянувшиеся вещицы, кажется, даже нюхала каждую из них, оглаживала, решая, насколько ей хочется их иметь и, быть может, даже не отдавая себе в этом отчета, проверяла, насколько вещь сама хочет ей принадлежать. Девчушка была просто переполнена счастливым ощущением того, что она может выбрать все что угодно и Джей обязательно купит ей все-все-все!

Постепенно на свободном квадратном столике из какого-то приятно пахнущего черно-красного дерева, стоящего у самого прилавка, выросла целая горка сувениров, пришедшихся по вкусу маленькой принцессе и ее брату.

Добычу Бэль составили: чуть выцветшая светло-голубая ленточка для волос с вышитыми серебряной нитью эльфийскими рунами, несколько флакончиков с ароматическими маслами мандарина, сосны, ванили, мелиссы и фарго; статуэтка лошадки, составленная из маленьких разноцветных шариков прозрачного стекла, деревянный гребешок, сделанный так естественно, что казался причудливой веточкой, серебряный браслет, звенья которого были выполнены в виде цветочков эльдрины, четки из нескольких пород дерева, хрустальная роза – пустая бутылочка для духов, фарфоровая фигурка белого совенка с круглыми глазами из витаря, маленький костяной веер, брошка-веточка с цветками из мелкого жемчуга и десятков-другой иных вещей. Для всех этих сокровищ малышка отыскала на полке с ларчиками большую, в три ладони брата по длине и полторы по ширине, удивительную шкатулку из незнакомого нежно-желтого дерева. Перламутр и жемчуг, украшающие крышку и боковины шкатулки, образовывали сплошной рисунок цветущих зарослей, в которых прятались птички.

Джей отобрал для себя ворох вещей не меньший, но конечно же совсем иной. Тяжелое пресс-папье из витаря, набор подсвечников, изображающих изящных танцовщиц, извивающихся в чувственном танце, нож для бумаг, бархатный кошель, крупный перстень с сирени-том редкого цвета, переливающийся от пронзительно-синего до холодного бледно-голубого, того самого оттенка, который принимали глаза принца в минуты бешеного гнева, – стали его добычей.

В процессе охоты за сокровищами парочка совершенно утратила чувство времени, но, судя по груде вещей на столе, его прошло немало. Наконец настал момент, когда, переглянувшись и смерив взглядами кучу сувениров, родственники решили, что на сегодня хватит.

– Хозяйка! – позвал принц таинственную владелицу лавки.

– Иду, сию минуту, – откликнулась матушка и скоренько выбралась из-за гобелена. – Вижу, вы не тратили времени зря, господа, и нашли свои сокровища.

– Тут столько всего интересного, – радостно, хоть и устало согласилась Бэль.

– Назовите свою цену, хозяйка, – попросил Джей.

– Хотите узнать цену каждой вещи, лорд? – уточнила лавочница.

– Сколько за все? – уточнил вопрос принц, чтобы не выслушивать подробностей.

Хозяйка удовлетворенно кивнула и назвала общую стоимость покупки. Джей поперхнулся от возмущения: судя по всему, матушка надеялась забрать содержимое всего его кошелька, да еще пришлось бы добавить из кошны самодовольного торгаша.

– Позвольте осведомиться, что именно из всего этого хлама, драгоценная госпожа, взвинтило стоимость до таких высот? – не без ехидства поинтересовался мужчина.

Продолжая по-прежнему лучезарно улыбаться клиентам, лавочница с достоинством ответила:

– Матушка Рансэни всегда называет правдивую цену, тем более, я никогда не обманываю детишек, – Бэль достался исполненный симпатии взгляд, – но не хотели же вы, лорд, получить шкатулку Себара даром?

– Шкатулку знаменитого мастера-волшебника? – недоверчиво выгнув бровь, удивился Джей, покосившись на выбранный Бэль весьма скромный, хоть и изящный предмет с птичками и цветочками. – Вы можете это доказать?

– Себар всегда оставлял свой вензель на шкатулке, – кивнула матушка. – Слева от замка, на крышке, есть веточка с тремя цветами, нажмите на верхний цветок и потрите правый листочек, сударь.

Джей, продолжая недоверчиво выгибать бровь, четко выполнил указания лавочницы и удивленно присвистнул, когда на листочке по соседству запылал голубым огоньком известный всему Лоуленду старинный вензель, а вокруг шкатулки возникла знакомая принцу магическая аура личного отпечатка.

– Братик, а кто такой Себар? – потянув изумленного принца за рукав, спросила Бэль, любуясь красивым огоньком на своей шкатулке.

– О, сестричка, давно, когда еще даже твой дядя и папа не родились, жил в Лоуленде знаменитый мастер-маг, гениальный резчик по дереву и камню, ему очень нравилось делать шкатулки, вкладывая в них свои заклинания. Ни одна из вещиц не походила на другую ни внешне, ни своими магическими свойствами, но все они были очень красивы. Кстати, матушка, а каковы свойства этой?

– Этого мне не открыто, лорд, я же всего лишь обычная лавочница, – вздохнула матушка, сложив на груди ладошки. – Я знаю только легенду. Если верить ей, Себар, он ведь был не только маг, но и красивый мужчина, сделал шкатулку в дар любимейшей ему красавице. Но та легкомысленно отвергла мага, посмеялась над его даром и продала вещь за бесценок, не оценив ее уникальной красоты. Быть может, магические свойства шкатулки могли открыться только этой жестокосердной красавице, и вы никогда не узнаете их. Но так или иначе, а работа Себара стоит тех денег, которые за нее просят. Согласны?

– Да, хозяйка, – признался Джей и полез за кошельками, только крякнув при мысли о том, что даже в маленькой лавчонке Бэль удалось отыскать на редкость дорогой предмет. Безупречный семейный вкус и чутье, ничего не попишешь! – Надеюсь, не с каждым здешним сувениром связана столь душеспитательная история?

– Все может быть, лорд, причудливо тасуется колода судьбы, – загадочно улыбнулась матушка, блеснув в полусвете пронзительной синевои глаз. – У вашей сестрицы чуткая душа, она выбрала интересные вещицы, в них еще живет светлый дух прежних владельцев.

Бэль, выслушавшая короткий рассказ лавочницы и брата, как самую занимательную сказку, с новым восхищением взглянула на свою шкатулку и горячо попросила:

– Расскажите!

– Это все только истории, но я слыхала, что браслет из цветков эльдрины носила некогда знаменитая целительница...

Глава 5

Заботы о гостях, а также новая работа Оскара Хоу

– Беги, детка, – сказала вслед несущейся сестренке богиня, покачав головой. Потом поднялась с диванчика, с достоинством расправила пышную юбку светлого платья. Цокнув языком, оглядела орошенные слезами обиженной Бэль места и легким движением пальчиков активизировала простейшее заклинание, высушившее нежную тонкую ткань.

Убедившись, что с туалетом все в порядке, Элия чинно поплыла по коридору к лестнице, направляясь в сторону гостевого крыла, которое готовила к приему посольства пара заботливых братьев. Любопытной принцессе очень хотелось посмотреть, как продвигаются дела, чтобы потом провести день сообразно личным планам. К тому же вчера принцы закончили самую обыденную часть работы, а за налаживанием чар шкатулки Миреахилия не отказался бы понаблюдать ни один маг.

Ориентируясь на излучение родственной силы, богиня прошла по мягкому ворсу шафранового ковра западного гостевого крыла. Как и весь третий этаж, эта часть здания была отделана в охристых тонах.

Элия уже давно привыкла к обычаю близкого стилевого решения для каждого этажа Лоулэндского замка. Исходя из огромных размеров здания, это было весьма уместно, ибо создавало необходимое ощущение цельности. Первый этаж – чуть золотистый мрамор, витарь и розы, второй – витражи, стрельчатые окна, зеркала, картины и белый мрамор, третий – ткани золотых оттенков, гобелены и дерево, четвертый – серебро и хрусталь, и так далее.

Богиня остановилась перед дверью, из-за которой раздавались знакомые голоса, и внимательно изучила свежую табличку, вдетую в резную деревянную рамку. На золоте высоким лоулэндским шрифтом с элементами декора были выбиты письмена: «Высший вар Монистэль ист Важар».

Отворив дверь, принцесса вошла и, миновав небольшую прихожую, оказалась в гостиной. Развалившись в кресле, Мелиор лениво скользил глазами по белоснежной лепнине потолка, Энтиор неторопливо прохаживался вдоль стены. Элии сразу стало ясно, что братья напряженно работают.

Окинув взглядом комнату в зеленовато-золотистых тонах с вкраплением белого, богиня одобрительно кивнула. «Если я хоть что-то понимаю в эльфах, Монистэлю должно понравиться. Используются его родовые цвета и есть намек на траур – элементы белого».

– Прекрасный день, мальчики, – поздоровалась Элия под мелодичный шелест фонтана – ручейка с натуральными камешками, расположенного у бара, и опустилась на оттоманку. – Чем занимаемся?

– Прекрасный день, дорогая, – каким-то чудом Мелиор умудрился остаться в кресле и одновременно создать видимость изысканного поклона.

Энтиор тоже поприветствовал сестру.

– Заклинания защиты уже установлены и перепроверены, все дополнения сплетены безукоризненно. Никаких трудностей. Просто теперь мы встали перед проблемой выбора предмета для закрепления нити заклинания связи со шкатулкой Миреахилия. Конечно, можно взять любую вещицу, но нить будет крепче и возникнет быстрее, если предмет привлечет внимание высшего вара и вызовет сильную эмоциональную реакцию.

– Вот за что я тебя люблю, Мелиор, так это за то, что уж если тебя что-то все-таки заставили делать, ты сделаешь это хорошо, – не то в шутку, не то всерьез призналась богиня.

– Ты прекрасно знаешь меня, дорогая, – галантно согласился принц, чуть склонив голову.

– Так на чем вы остановились?

– Энтиор предлагает гобелен с лесной поляной, что в спальне, а я статуэтку Сильдирена «Олень и девушка». – Мелиор кивнул в сторону небольшой мраморной статуи тоненькой юной эльфиечки, робко протягивающей руку к морде доверчиво льнувшей к ней оленихи. – Это может напомнить ему о жене. Как думаешь?

– Ты исходишь из предположения, что Монистэль любил свою супругу, покинувшую инкарнацию. Но ведь он полубог, улаживающий конфликты, а значит, и брак мог быть браком по расчету, или же вар женился лишь по обычаю, подыскав ту, которая могла бы стать его наперсницей.

– Верно, милая, я как-то упустил из виду тот факт, что и эльфам не чужд расчет, а тем более эльфам с таким божественным талантом. – Мелиор признал ошибку в своих рассуждениях и покаянно кивнул.

– Но предложенный мной гобелен изображает только лес, а раз вар бывает в лесу регулярно, значит, ему нравится посещать подобные места, – довольно констатировал Энтиор, наслаждаясь маленькой победой.

– Для вара Монистэля лес – источник покоя и отдохновения. Сильных эмоций изображение, которое ассоциируется с этими ощущениями, вызывать не должно. С таким же успехом мы можем крепить нить заклинания к фонтану-ручейку, – разочаровала довольного брата Элия. – Все-таки я за скульптуру. Не потому, что она может напомнить высшему вару о покойной супруге, а потому, что мордашка этой девочки слегка смахивает на Ижену.

– А ведь и правда что-то есть, – согласились братья после пристального изучения скульптуры. – Но что это нам дает?

– Вар бездетен, а Ижена, судя по немногочисленным имеющимся у нас данным, все еще совершенный ребенок. Если вы помните, я говорила, что из всех жриц Монистэль предпочитает общаться именно с ней, – намекнула Элия.

А Энтиор добавил с двусмысленной улыбкой:

– Надеюсь, ты права, стради, и вар невольно видит в Ижене желанного ребенка. Мы изрядно позабавимся, если на самом деле окажется, что ответ кроется под белым фонарем с лилией.

(Принц Энтиор шутливо намекнул на возможность извращенных наклонностей вара. Белыми фонарями с лилией в Лоуленде отмечались бордели для лиц, предпочитающих в качестве партнеров для интимных игр несовершеннолетних.)

– Что ж, я готова рискнуть и довериться благородству души вара и широким возможностям его ассоциативного мышления, – торжественно заверила присутствующих принцесса. – Впрочем, если ошибаюсь, ничего трагического не произойдет. Связь со шкатулкой установится чуть позже и будет менее прочной, только и всего.

– А такие мелочи всегда можно уладить, пропустив через заклинание большой поток силы, – заметил Мелиор.

– Вот только придется работать самим и не ждать, когда вар потратит личную энергию на налаживание связи, – скорбно покивала богиня, не удержавшись от маленькой шпильки касательно лени Мелиора.

– Раз выбор сделан, пора. – Принц встал и приблизился к статуэтке.

Родичи охотно предоставили право плетения ему, безоговорочно признавая первенство брата – Лоулендского Паука – в сотворении чар слежения.

На сей раз бог не стал использовать личную силу. Он простер над скульптурой холерные руки с безупречным маникюром, давая призванной силе Источника свободно струиться по ним, ощущая структуру камня и ту энергию, которую вложил в творение прославленный

Сильдирен. Потом Мелиор точно, отработанными веками практики жестами, свил из силы тонкую ниточку, протянул и соединил один ее конец с сетью-заклинанием шкатулки, часть коего он еще раньше припрятал в защитных чарах, окружающих покои. Второй кончик бог ловко переплел с самой энергией изваяния. Шепча ключевые слова силы и персонификации, принц позволил нити натянуться и, резко дернув, оборвал ее. Нить свилась жгутом и спряталась в статуэтке, дожидаясь прихода хозяина апартаментов и его внимания. Чтобы потом, словно зерно после живительного ливня, преобразившись, вновь взойти магической крепкой нитью уже из новой силы, силы самой жертвы наблюдения.

Завершив работу, Мелиор довольно улыбнулся.

Элия несколько раз хлопнула в ладоши, принц поклонился, признавая, что действительно заслужил овации за хорошую работу.

– А что с комнатами для других дорогих гостей? – любопытствовала богиня. – Там вы уже сделали плетение?

– Нет, но зато установили общие чары слежения за всеми комнатами, отведенными посольству, и единогласно выбрали точки акцента для заклинаний «шкатулки», – ответил Мелиор, возвращаясь в кресло. – Стену комнаты Фаржа ист Валька украсили меч и кинжалы работы знаменитейшего оружейника Каартахефа, ни один воин не сможет остаться равнодушным к такому оружию, для Магжи нить укрепили в картине из ульского стекла. Если помнишь, она одно время висела в коридоре второго этажа, очень нравилась Рику.

– «Огненная девка», что ли? – спросила богиня, припоминая причудливое изображение рыжеволосой девушки, пляшущей с бубном в пламени, которое как-то притащил из очередного путешествия Рикардо и торжественно повесил на стене неподалеку от своих апартаментов. Элии запомнилось первое впечатление от этого произведения: неистовая жажда жизни, веселость и бурная энергия, буквально перехлестывающая через край. Поскольку официального названия у картины не было, то и прижилось данное Риком – «Огненная девка». Ульское стекло провисело в коридоре почти десять лет. Но однажды принц вернулся из миров довольно потрепанным, в чертовски дурном настроении, и первым делом приказал убрать резко разонравившуюся «Девку» с глаз долой. Джей потом болтал, что красotka на картине весьма смахивала на последнюю пассию братца, а вот что там между ними произошло и чем дело кончилось, не знал, сам же болтливый Рик на сей раз молчал как рыба. Словом, «Огненную девку» отправили «в изгнание» – украшать покои для гостей.

– Да, она самая, – подтвердил Мелиор. – Я думаю, варе понравится. А для Мичжеля ист Трака столик драборк – головоломку установили. Джейю это по вкусу, может, и вару по нраву придется голову поломать.

– Логично, – согласилась богиня, признавая нежную привязанность брата к изящным головоломкам. К тому же столики драборк были весьма красивы и пригодны для сугубо утилитарного использования. Они имели двойную столешницу и представляли собой искусную головоломку, отдаленно напоминавшую детские «пятнашки» и «пазл».

– А что вы припасли для Ижены? – задала следующий вопрос богиня.

– С этим у нас возникли некоторые затруднения, – вынужден был признать Мелиор, испустив тяжелый картинный вздох.

– Видишь ли, дорогая, – заметил игриво настроенный Энтиор. – Мы близко знакомы лишь со вкусами жриц более зрелого возраста и иных религиозных конфессий. Со жрицами же Кристалла и их предпочтениями нам сталкиваться пока не доводилось. Может, Джей спросить? В этом вопросе он пока самый осведомленный.

– Весьма остроумно, – похвалила брата Элия. – Ну а если серьезно, мальчики, попробуйте поколдовать на чем-нибудь вроде большой мягкой игрушки. Выберите что-нибудь попушистее и с доброй мордашкой. Положите ее девушке на постель в спальне.

– Я всегда говорил, что ты гениальна, дорогая, – оживившись, воскликнул Мелиор.

– Говорил, – самодовольно согласилась богиня. – Но никогда не мешает еще раз вспомнить эту милую моему сердцу аксиому. А теперь, раз все вопросы решены, можете наскоро пропеть мне хвалебный гимн, и я отправлюсь по своим делам.

– Десяти раз будет достаточно? – подобострастно уточнил Мелиор, выписывая руками жестовый ритуал величайшего поклонения культа Лигаша.

И родственники весело рассмеялись...

Убедившись в том, что братья в состоянии довершить скрупулезную работу плетения чар без ее помощи, принцесса Элия занялась другим делом, запланированным после неофициального визита к Оскару Хоу. Богиня вернулась в свои покои и, запершись в кабинете, сплела заклинание связи.

Вызов к «абоненту» прошел сразу, видно, тот находился недалеко от Лоуланда, в мире со схожими структурами и течением времени. После магического опознания «звонящей» до Элии донеслось словечко: «Секунду!» – и проявилось изображение.

Профессор факультета истории Межмирового университета Ойттонсора Элтон вел практическое занятие с группой студентов. Он стоял в окружении примерно десятка подростков обоего пола на высоком берегу какой-то весьма бурной речки. Ребятишки лет шестнадцати были облачены в одинаковые синие хламиды весьма элегантного кроя. Принц что-то обстоятельно втолковывал радостно галдящему выводку, изрядно походившему на свору щенков, выпущенных на прогулку.

– Прекрасный день, сестра, – мысленно поприветствовал богиню мужчина, не прекращая общаться с подростками. – У тебя ко мне срочное дело?

– Не то чтобы совсем срочное, но я хотела бы переговорить с тобой побыстрее, – откликнулась принцесса. – Это не займет много времени.

– Тогда проходи, – согласился бог, протянув свободную от планшета с бумагами руку.

Из опыта общения с сестрой Элтон прекрасно знал, что если Элии что-то втемяшилось в голову, то лучше сделать так, как этого хочет она, если, конечно, не желаешь нарваться на конфликт.

Отдавая звездочкам ментальный приказ о смене одежды, богиня шагнула к брату. На берегу реки перед глазами изумленной публики появилась сногшибательная блондинка в темных брюках и кружевной блузе с небрежно брошенным на плечи широким пиджаком.

– Ого! – радостно присвистнул востроносый рыжий паренек, сильнее всех донимавший преподавателя вопросами. – А обучение извлечению красоток из воздуха тоже входит в учебную программу? Что ж мне папаша ничего раньше не говорил!

– Этот вид магии вам придется осваивать самостоятельно, Занек, – с усмешкой покачал головой Элтон. – А теперь, ребятки, получите задание, и за работу. Мне нужно потолковать с сестрой наедине.

Молодежь с интересом принялась разглядывать «сестру» профессора, девушки тут же принялись перешептываться, а парни перемигиваться и толкать друг друга локтями.

– Итак, повторяю, – подпустив в голос строгости, принц достал из планшета пачку листов плотной бумаги и начал раздавать их орде студиязов, – первое ваше зачетное задание этого семестра: воссоздание подробного описания сражения в полевых условиях. Для примера взята битва, состоявшаяся у Эголы между армиями Фрисена и Митара семьдесят пять лет назад. Мы сейчас находимся практически на месте сражения. Вспомогательные данные я для вас подготовил. На составление описания даю максимальный срок – сорок пять минут. Кто управится раньше, получит дополнительные баллы, но и за подробное обоснование своего труда баллы тоже прибавляются. Решайте, что вам выгоднее, и приступайте.

Моментально расхватав листочки, ребята заложили их в свои планшеты, наострили ручки и, шумно сетуя на отсутствие стульев, или, на худой конец, табуреток, рассыпались по берегу в поисках вдохновения.

Пока Элтон плел заклинание защиты от прослушивания, Элия, утянув у брата оставшийся невостребованным листок, наскоро изучила его и, недоверчиво хмыкнув, безапелляционно заявила:

– Этого просто не может быть.

– Чего? – с ухмылкой переспросил брат. В его карих глазах затаились смешинки.

– Если совместить представленные тобой данные и рельеф местности, получается, что сражение здесь состояться никак не могло. Не в воздухе же сражались солдаты. Заклинания левитации для масс неприменимы в боевых условиях, слишком велика концентрация разного рода боевых заклятий.

– Принцесса Элия, – торжественно провозгласил бог, отвешивая сестре поклон. – Вам ставится полный семестровый зачет автоматом. Абсолютно верное решение задачи с полным обоснованием за кратчайшее время. Bravo!

Элия довольно улыбнулась, но все-таки бросила на брата вопросительный взгляд, предлагая растолковать смысл шутки. Тот ответил ей еще более широкой ухмылкой и пояснил:

– Это сражение действительно происходило у совершенно другой реки с аналогичным названием. А ребяташки должны отыскать подвох в задании самостоятельно. Ибо одно из основных правил настоящего исследователя-историка гласит: ничего не принимай на веру без доказательств, даже слова педагога.

– Думаешь, раскусят? – поинтересовалась богиня, оглядывая бродящих по берегу озадаченных студентов. Кто-то уже вовсю строчил в блокноте, кто-то задумчиво разглядывал местность, время от времени сверяясь с выданным Элтоном листком.

Принц пожал плечами, могучие мускулы заходили под такой же, как у ребят, синей хламидой, но с золотой оторочкой – символом ранга – и беспечно ответил:

– Посмотрим, кто чего стоит. Любопытно! Хотя на Занека я бы поставил пару корон. Сообразительный паренек, только слишком увлекающийся. Думаю, его к нам в Лоуленд на практику пригласить через пару годиков. Так что у тебя за дело?

– У меня тоже приглашение. Но для тебя, – обрадовала брата принцесса.

Элтон вопросительно вскинул бровь.

– Ваше высочество, приглашаю вас, как официального историка-хроникера Лоуленда, принять участие в церемонии посвящения в Хранители Королевской библиотеки, – патетически заявила богиня, приседая в официальном реверансе.

– Это большая честь для меня, ваше высочество, – не менее торжественно согласился принц, отвешивая придворный поклон. – А что, все возражения по поводу назначения на эту должность постороннего существа уже сняты?

– Конечно, – заверила брата богиня с лукавой улыбкой, – двумя возражавшими прежде мне предоставлено право выбора, а его величество одобрил выдвинутую кандидатуру. Так что жду тебя сегодня в семь вечера в библиотеке. Сможешь?

Принц просто кивнул, но в его глазах по-прежнему плясали смешинки, бог улыбался, предвкушая развлечение, затеянное Элией. К тому же мужчина был просто рад тому, что с его плеч свалится некоторая часть обязанностей.

Около семи часов вечера принцесса Элия, как всегда незваная, появилась в доме барона Хоу. Тот, что-то бормоча себе под нос, носился из угла в угол кабинета, и все вещи, местоположение которых пересекалось с траекторией его хаотического движения, уже были сдвинуты или отброшены в стороны. Только книги и газеты по-прежнему возвышались аккуратными стопочками. Драную майку и провисшие на коленях штаны Оскар сменил на нормальный, правда, несколько мятый костюм. Вздыхнув при виде зубодробительного сочетания горчичной рубашки с темно-серым камзолом, богиня осведомилась:

– Ты готов?

Услышав за спиной женский голос, барон уже во второй раз за сегодняшний день невольно подпрыгнул и, развернувшись лицом к посетительнице, вперил в богиню укоризненный взгляд. Хоу взлохматил свои и без того находившиеся в беспорядке волосы, поправил вечно сползающие очки в тонкой золотой оправе и обвиняюще заявил:

– Слишком мало вы даете времени на размышление, ваше высочество!

– Это потому, что я вообще очень жестока и люблю помучить, – согласилась принцесса, опускаясь в единственное свободное от хлама кресло.

– И посоветоваться не с кем, Лейм, как назло, куда-то запропал, – вслух горестно пожаловался барон, не ожидая, впрочем, от стервозной богини особого сочувствия.

– Он сейчас в мире Лшинь-э-ал, в одном из самых уединенных убежищ совершенствующихся монахов. Опускается в глубины внутренней сути. Так что на вызов отвечать не будет, не надейся, – ехидно пояснила принцесса. – Зато герцог Лиенский снова в Лоуленте. Может, у него совета спросишь?

– Ага, он насоветует, – иронично хмыкнул Оскар Хоу. – Советы Гора годятся только самому Гору, да и то не всегда. Более шального мужика, наверное, во всех вселенных не сыщешь. Как только Творец такую душу ухитрился создать? А что, Лейм и правда в монахи подался? – В голосе барона прорезалось искреннее сочувствие и зародились самые жуткие подозрения относительно мотивов возникновения анахоретских тенденций в поведении друга.

– Нет, он просто развлекается, – успокоила барона принцесса. – Ты же знаешь, наши развлечения порой весьма неожиданны. Так ты согласен стать Хранителем Королевской библиотеки?

– Э-э, – почему-то вновь замешкался с ответом Оскар, и не думая садиться. – Слушай, а что случилось с предыдущим Хранителем?

– Эмитом Ашем? – переспросила богиня и, не дожидаясь согласного кивка барона, ответила: – Он умер... От старости. Дедушке, как и любому из нас, пришел срок перехода в следующую инкарнацию. Книгам пришлось его отпустить.

– А-а, понятно, – облегченно выдохнул барон.

А принцесса, поскольку правильный вопрос так и не был задан, предусмотрительно не стала посвящать кандидата в детали биографий остальных его предшественников. Две трети этих господ и дам ушли в очередные инкарнации раньше, а то и значительно раньше отведенного Силами Судьбы срока, по разным, но прямо или косвенно связанным с избранной профессией причинам.

– Так ты согласен? – в лучших традициях демонов-искусителей, скупающих души оптом и в розницу, в третий раз задала один и тот же вопрос богиня, нетерпеливо постукивая по подлокотнику пальчиком.

– Э-э... – из горла Оскара снова полились какие-то нечленораздельные звуки, но под ироничным взглядом Элии, как будто говорившим: «Робеешь, дружок?» – быстро преобразовались в отрывистое и решительное, как прыжок с обрыва в ледяную воду: – *Да!*

– Отлично! Собирайся! – Богиня тут же вскочила на ноги.

– Куда? – обреченно полюбопытствовал Хоу, уже уставший пугаться.

– На церемонию Посвящения, разумеется, – просветила мужчину принцесса.

– Тогда я, наверное, должен переодеться во что-нибудь подобающее, специфическое. – Барон поднял на Элию задумчивый взгляд. Вопросы, связанные с гардеробом, всегда были слабым местом как памфлетиста Оскара Хоу, так и программиста Грэга Кискорхоу.

– Зачем? – удивилась в свою очередь богиня. – Нечто более специфическое, нежели твои обычные наряды, вообразить трудно. Тем более что книгам совершенно безразлично, как ты выглядишь. Уж кому, как не им, знать, что внутреннее содержание гораздо интерес-

нее, чем обложка. Если же судить по внешнему виду, будь ты книгой, Оскар, тебя никто даже с полки не снял бы.

– Как твои слова укрепляют мою веру в себя, – хмыкнул барон. Несмотря на волнение, к мужчине начала возвращаться ироничная манера ведения беседы.

– Пойдем. – Позволив Хоу оставить последнее слово за собой, Элия приблизилась, решительно подхватила его под локоть и телепортировалась прямо к Королевской библиотеке.

Принц Элтон уже ждал их в коридоре. На боге был официальный сине-черный наряд, а на отложном воротнике рубашки красовалась брошь – перо и чернильница – символ Хранителя истории и Летописца. Опершись на массивную створку дверей, его высочество от нечего делать пытался разговорить стоявшую на посту стражу – пару похожих на шкафы мужиков в легких доспехах. Те, из последних сил сохраняя на физиономиях выражение каменных статуй, прятали в усах ухмылки и слушали его треп.

– Так-так! Диверсия! Понижаем обороноспособность Лоуленда, оставляя его беззащитным перед лицом внутреннего и внешнего врага! – обвиняющим тоном выдала принцесса и патетически продолжила: – Змея свила свое гнездо прямо в сердце государства!

Стража насторожилась: «Кого убить?»

– Привет, – сказал слегка опешивший от такого потока обвинений принц и машинально поправил сестру: – Змеи не выют гнезд. Это привилегия птичек. И при чем здесь диверсия?

– Есть разные змеи, – надменно фыркнула богиня, не желая признаваться в ошибке, и сделала пояснения к обвинительной речи: – Как иначе назвать вашу деятельность по подрыву дисциплины в рядах доблестной стражи Лоуленда и по рассеиванию ее внимания, принц Элтон? Вы работаете на Мэссленд? Сколько платит вам его король? Я сей же час доложу об этом ужасном инциденте начальнику стражи Дарису и с первым же курьером отправлю докладную принцу Нрэну в Альхасту. А там уж им решать: займется вами Лорд Дознаватель иль сразу голову с плеч!

– Только не это! Пощади, Элия! Пощади! – жалобно взмолился бог, давясь от смеха, и сделал вид, что собирается опуститься на колени. – Клянусь, в деянии моем не было злого умысла и предательства. Я всего лишь коротал время, изнывая от тоски без твоего общества, пребывал в унынии от невозможности лицезреть дивный лик пресветлой богини!

– От тоски по моему дивному лику? – переспросила Элия, сделав вид, что задумалась, и отчетливо изобразила на лице борьбу маниакальной подозрительности с удовольствием от лести.

– Да-да, – тут же заискивающе подтвердил бог. И эта его интонация, так не вязавшаяся с хитрой рожей и массивным телом, стала последней каплей.

Не выдержав, заржали в голос оба стражника, привалившись к стене и бряцая доспехами. Опершись на декоративную с виду алебарду, один из мужиков утирал слезы, выступившие на глазах от смеха. Несмотря на сковывающие его страх неизвестности и волнение, захихикал Оскар, и наконец искренне засмеялись сами боги.

– Еще раз привет, сестра! – сграбастав принцессу в объятия, Элтон от всей души с искренним удовольствием расцеловал ее. – Вижу, тебе все-таки удалось уговорить парня! Привет, Оскар! – Принц подмигнул жертве.

– Это она умеет, из души три души вынет, «сияя дивным ликом», если ей чего надо, – обреченно вздохнул памфлетист. – Так что за церемония-то?

– На – для начала! Примерь! – порывшись в широком кармане брюк, Элтон с деланой небрежностью извлек оттуда небольшой серебряный медальон в виде закрытой книги на тонкой цепочке.

Держа в руках украшение, принц уже совсем серьезно (куда только успели попрытаться черти из его карих глаз?) спросил:

– По доброй воле и без принуждения принимаешь ты этот знак Хранителя Королевской библиотеки, барон Оскар Хоу из Лоуланда, иначе именуемый Грэггом Кискорхоу?

– Да, – почему-то очень тихо прошептал Оскар, понимая, что все шуточки сейчас неуместны, и протянул руки.

В его ладони опустилось прохладное серебро. Странно прохладное, хоть Элтон и достал его из своей одежды. Барон внимательно осмотрел медальон: действительно, вроде бы маленькая книга в изузоренном по краям переплете, закрытая на застёжки, вот только там, где обычно пишется название, – гладкое серебро. Витая в три слоя, недлинная, как раз до середины груди, цепочка с маленьким замочком. С виду обычное украшение. Вздыхнув, Оскар надел знак Хранителя через голову и вслушался в себя. Никаких потусторонних, странных ощущений не возникло. Только вот серебро даже сквозь тонкую ткань рубашки продолжало холодить шею, никак не желая согреваться. Впрочем, в такую жару это было даже приятно.

– И что теперь? – Барон опасливо покосился на Элтона и Элию. Чего еще удумают? – Какова будет процедура посвящения? Это сложно?

– Сложно? Нет, – усмехнулся Элтон, пожимая плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.